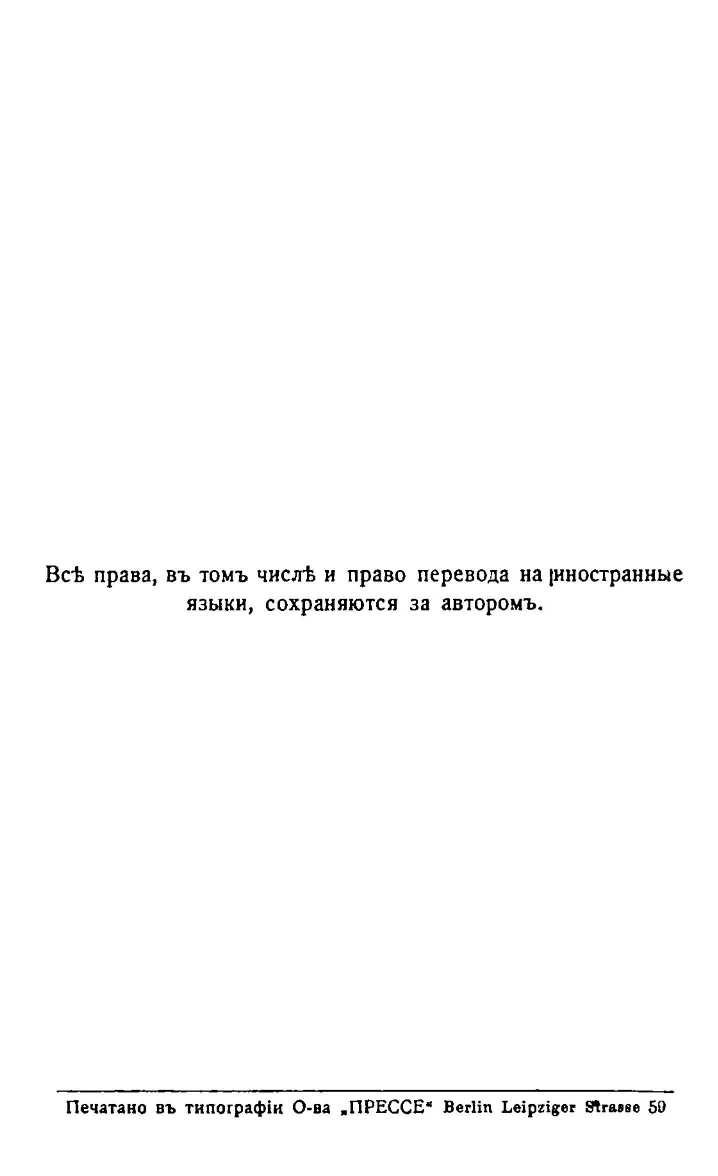
Л. ХУДОЙ

Въ плѣну у красныхъ

БЕРЛИНЪ
1923

Печатано въ типографіи О-ва „ПРЕССЕ“ Berlin Leipziger Strasse 50

ВЪ ПЛѢНУ У КРАСНЫХЪ

Предисловіе.

На берегахъ Босфора, у стѣнъ таинственнаго и фантастическаго Царьграда, я познакомился съ «бѣлымъ офицеромъ».

Чуть ли не въ лохмотья облаченный, онъ такъ и представился мнѣ: «бѣлый офицеръ ротмистръ Скулинъ», ибо къ этому времени въ Царьградѣ появились и красные, вѣрнѣе перекрасившіеся, офицеры.

Съ нимъ рядомъ стоялъ худой и не менѣе его изнеможденный юнецъ Гришка и глядѣлъ на меня своими грустными, страдальческими глазами.

На мой вопросъ разрѣшите ли мнѣ «бѣлый офицеръ» записать его разсказъ для печати, онъ мнѣ живо отвѣтилъ:

— А развѣ это кому-нибудь интересно? Развѣ полюбопытствовалъ кто-либо узнать какъ бьются сейчасъ въ жизненной борьбѣ тѣ, кто истекаетъ кровью и не словомъ, а дѣломъ пытался спасать гибнущую Россію?

— Я не опасаюсь если вы меня и тѣхъ, о комъ я говорю, назовете полнымъ именемъ, ибо

ни одного слова неправды вы въ моихъ словахъ не обнаружите. Это подтвердятъ всѣ тѣ, кто грудью своей пытался защищать поруганную Родину: мои родные дрозды — однополчане и, наконецъ, я самъ — россійскій, записанный хоть и не въ бархатную книгу, дворянинъ...

— И не забудьте ничего о Гришкѣ, котораго — прійдетъ же этотъ чудный день когда-либо! — взявъ за руку, я поведу съ собой въ освобожденную Бѣлокаменную, гдѣ онъ, хоть и иновѣрецъ, но все же русскій, сниметъ шапку и молитвенно склонитъ главу... Гришку — моего названнаго брата, который эвакуировавшись со мной два года тому назадъ, дѣлитъ вмѣстѣ со всей эмиграціей ея горести и радости...

Я не посчиталъ возможнымъ полностью передать «разсказъ бѣлаго офицера», назвавъ фамиліи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, ибо большинство изъ нихъ, если не всѣ, здравствуютъ и понынѣ.

Но все же я публикую эту ужасную повѣсть о злоключеніяхъ того, кто еще и въ эти дни продолжаетъ со своимъ названнымъ братомъ Гришкой работать въ качествѣ грузчика на пристаняхъ Галаты «съ возмущеніемъ отбросивъ гнустныя предложенія красныхъ насильниковъ о переходѣ на службу къ «рабоче-крестьянской власти» (изъ письма его ко мнѣ).

Авторъ.

Бѣлградъ. Январь 1923 года.

Красные съ головокружительной быстротой приближались къ Харькову. Паническое настроеніе охватило не только тылъ и штабы, но кое-гдѣ перекинулось и въ передовыя части.

И полки, нѣкогда столь прославившіе имена первыхъ вождей бѣлаго движенія, неимовѣрно постыдно самоликвидировались, и остатки ихъ спѣшно откатывались къ югу и юго-востоку.

Населеніе, враждебно настроенное къ отступающимъ, но и не ликующее при мысли о приходѣ красныхъ, пряталось по домамъ и жуткая тишина царила вокругъ.

Нашъ бронепоѣздъ «генералъ Шкуро» былъ въ послѣднихъ бояхъ разбитъ вдребезги. Нечего было и думать о вступленіи въ мало-мальски серьезный бой съ противникомъ. Къ тому же вся лучшая часть команды была перебита. А изъ начальства уцѣлѣли лишь командиръ, однорукій лейтенантъ Ежовъ да я — старшій офицеръ, ротмистръ Скулинъ.

Утромъ одного хмураго декабрьскаго дня меня вызвали въ штабъ Кутепова:

— Приказываю вамъ немедленно продвинутся впередъ. Ёсли возможно, — выйти на станцію Мерефу и выяснить положеніе.

— Но, ваше превосходительство, у насъ нечѣмъ выйти.

— Знать ничего не желаю. Приказаніе Командующаго подлежитъ немедленному и безотговорочному исполненію. Кромѣ того впереди васъ долженъ бытъ «Казакъ».. Свяжитесь съ нимъ.

— Слушаюсь.

Соорудили изъ «вагона-коробки» площадку, поставили двѣ пушки, набрали команду изъ пятнадцати, большей частью зеленыхъ гимназистиковъ, никогда не нюхавшихъ пороха и понятія не имѣвшихъ о томъ какъ подойти къ орудію.

Двинулись въ путь.

Не успѣли мы проскочить первыхъ двухъ разъѣздовъ, какъ Ежовъ обнаружилъ въ бинокль движущійся намъ навстрѣчу бронепоѣздъ. Вѣроятнѣе всего, — застрявшій«Казакъ», — порѣшили мы. Однако не прошло и десяти минутъ, какъ всѣ наши сомнѣнія разсѣялись. Навстрѣчу намъ несся страшный красный «Черноморъ» — могучій противникъ, который въ теченіе получаса сдѣлалъ всего лишь 18 попаданій въ нашу несчастную коробку, перебилъ и разсѣялъ всю «зеленую» команду, пробилъ паровозъ, искрошилъ и изрѣшетилъ все и вся. Мы еле улепетнули.

Лейтенантъ Ежовъ отправился на перевязку своей, оцарапанной осколкомъ снаряда, единственной руки. Я же явился въ штабъ Кутепова.

Доложилъ о случившемся.

— Тэк-съ... — вотъ все, что мнѣ сказано было въ отвѣтъ.

Всѣ штабные ужъ давнымъ-давно погрузились и были наготовѣ чтобы уходить.

Мнѣ было отдано послѣднее приказаніе:

— Ротмистръ Скулинъ.

— Здѣсь.

— Приказываю вамъ взорвать всѣ стрѣлки и техническія сооруженія въ полосѣ отчужденія желѣзнодорожнаго пути. Мы черезъ полчаса уходимъ. Вслѣдъ за нами уйдетъ «Казак»*) а затѣмъ, сдѣлавъ свое дѣло, уйдете и вы.

— Но у меня, ваше превосходительство, паровозъ пробитъ...

— Достаньте свѣжій.

Я отправился осматривать то, что мнѣ приказано было взорвать и сжечь. Посмотрѣлъ: чудныя желѣзнодорожныя мастерскія, ряды цѣнныхъ государственныхъ сооруженій и приспособленій... Поднялась ли бы у кого-либо ру-

---

*) Оказывается, бронепоѣздъ „Казакъ", проскочивъ гдѣ-то подъ носомъ у красныхъ, прорвался въ Харьковъ въ тотъ самый моментъ, когда намъ приказывали съ нимъ связаться. Наше т. н. командованіе до того обалдѣло, что узнавъ о прорывѣ „Казака" неудосужилось сообщить намъ объ этомъ.

ка взорвать все это? Да ужъ если и взрывать, то успѣю ли я уничтожить все, что приказано? А затѣмъ, — самое больное (у меня слезы выступили на глазахъ), — вѣдь это же все свое, это — родная русская земля.

Тяжелое раздумье охватило меня и такъ «сумно» (какъ говорять хохлы) стало у меня на душѣ. Спустя немного времени я все же принялъ среднее и, какъ мнѣ казалось, самое правильное рѣшеніе. Я приказалъ взорвать всѣ стрѣлки и нѣсколько маловажныхъ желѣзнодорожныхъ построекъ: надо же было чѣмъ-нибудь проявить себя въ исполненіи приказа штаба Командующаго. Затѣмъ я направился въ сопровожденіи желѣзнодорожниковъ въ сторону станціи осматривать предназначенные къ сожженію склады. Вижу ряды колосальнѣйшихъ пакгаузовъ. Приказываю открыть ихъ. Желѣзнодорожники неохотно открываютъ. Передо мною горы изъ десятковъ тысячъ чемодановъ, сундуковъ и саквояжей всѣхъ мастей и калибровъ.

— Это что?

Желѣзнодорожники жмутся и хмуро молчатъ. Ясная, какъ молнія, догадка объясняетъ мнѣ все: это багажъ харьковской буржуазіи. Еще за три недѣли до краха обезумѣвшіе отъ страха люди бросались въ поѣзда и спасались на югъ. Сдавая багажъ свой и получая установленныя квитанціи, они были увѣрены въ томъ, что онъ прійдетъ если не одновременно съ ними, то вслѣдъ за ними. Умудренные же опытомъ

большевиствующіе желѣзнодорожники преспокойно укладывали тысячи «мѣстъ» въ пакгаузы и ожидали «конца бѣлыхъ» чтобы подѣлить между собой «буржуйное» добро.

Открываемъ сосѣдніе склады, принадлежащіе Соединенному Банку. Чего только въ нихъ нѣтъ... На милліарды рублей шелковъ, бархату, шевра, мануфактуры и прочаго.

Спѣшу въ штабъ съ докладомъ и прошу приказаній какъ поступить съ багажемъ и со складами.

Относительно пассажирскаго багажа мнѣ никакихъ приказній отдано не было:

— Надо бы посмотрѣть...—замѣтилъ одинъ изъ штабныхъ.

А относительно складовъ Соединеннаго Банка мнѣ было категорически приказано: сжечь.

Когда, возвратившись, я сообщилъ объ этомъ приказаніи управляющему складами, онъ схватился за голову. Но я поспѣшилъ бѣднягу успокоить:

· Я жечь не стану.

* * *

Гдѣ-то (если не ошибаюсь, въ памфлетѣ А. А. Суворина «Походъ Корнилова») я прочиталъ довольно вѣрное описаніе одного изъ эпизодовъ ледяного похода: послѣ неимовѣрно тяжелаго по своему неравенству боя, Корниловъ опрокидываетъ густыя цѣпи наступающихъ

красныхъ, заставляетъ умолкнуть и бѣжать ихъ артиллерію и, занявъ важную переправу черезъ Кубань, наблюдаетъ за своею, переходящей рѣку, арміей.

Авторъ во вполнѣ понятномъ восторгѣ описываетъ великаго патріота на мосту и приходитъ въ умиленіе отъ его генія и мощи.

Я здѣсь изображу другую картину.

Послѣднюю картину бѣлаго Харькова...

Что дѣлали въ этотъ не менѣе трагическій моментъ тѣ, кому Корниловъ вручилъ свое святое дѣло... Какъ еще разъ они испоганили и запятнали поднятое его честной рукой, повергнутое было большевиками въ прахъ, россійское національное знамя...

Вотъ эта картина:

Штабъ Кутепова плавно оходилъ отъ станціи Харьковъ. Какъ разъ напротивъ пакгаузовъ онъ остановливается и всѣ штабные, не спѣша, приступаютъ къ погрузкѣ наиболѣе цѣнныхъ и новенькихъ саквояжей, бауловъ и чемодановъ. Погрузились, какъ говорятъ, до отказу. Затѣмъ то же продѣлывается у складовъ съ шелками и прочимъ. А затѣмъ штабъ Кутепова уходитъ на Ростовъ.

Приступили къ погрузкѣ лейтенантъ Ежовъ и есаулъ Зайцевъ (командиръ «Казака»). Наша команда помогала «Казаку» погрузить все, что только возможно было. «Казакъ» въ свою очередь помогъ намъ. Оставшійся багажъ разрѣшили брать желѣзнодорожникамъ.

Между тѣмъ кононада все болѣе приближалась къ Харькову. Зайцевъ на своемъ «Казакѣ» умчался тотчасъ же вслѣдъ за штабомъ. Насъ же желѣзнодорожники (чортъ бы ихъ побралъ) пустили не по красному (свободному) пути, а вслѣдъ за растянувшимися на десятки верстъ эвакуированными составами. Такимъ образомъ, намъ съ нашимъ бронепоѣздомъ (если только позволено будетъ базу таковаго назвать бронепоѣздомъ) приходилось тащиться въ хвостѣ сотенъ эшелоновъ. И за первые десять дней пути мы доползли лишь до Славянска (110 верстъ).

Положеніе создавалось безвыходное.

Если мы будемъ продолжать такъ тянуться въ хвостѣ и дальше, то неминуемо попадемъ въ лапы насѣдающихъ красныхъ...

Но, благодаря энергіи и распорядительности неутомимаго Ежова, мы не переставали пробиваться куда только возможно было и, наконецъ, попали на вѣтку, ведущую къ Волновахѣ. Отсюда два пути: по Токмакской линіи на Симферополь и второй — прямо на Ростовъ. Надо было спѣшить въ одномъ изъ этихъ направленіи и стараться поелико возможно не задерживаться. Но здѣсь, къ несчастью, лейтенантъ Ежовъ превратился вдругъ въ отчаяннѣйшаго оптимиста. Не желая согласиться съ тѣмъ, что идетъ крушеніе всего фронта, что больше надо думать о спасеніи людей нежели объ имуществѣ, — онъ началъ по пути наби-

рать себѣ базу. Тамъ прицѣпилъ шикарнѣйшіе вагоны Алексѣевской дивизіи, здѣсь разыщетъ нѣсколько брошенныхъ международныхъ вагоновъ и все это включается въ нашъ составъ. Такимъ образомъ когда мы пробивались къ Волновахѣ у насъ оказалось неимовѣрное количество вагоновъ, набитыхъ чортъ знаетъ кѣмъ и чѣмъ: здѣсь былъ какой-то головной ремонтный поѣздъ, два вагона съ харьковскими коммунистами, отправленными на судъ въ Ростовъ и подобранными нами въ пути, одинъ вагонъ съ сахаромъ и т. п. въ томъ же духѣ. Но все это, при наличіи мощнаго паровоза еще не было бы такой бѣдой, если бы мы подолгу вездѣ не задерживались, подчасъ по нашей доброй волѣ.

Какъ-то на одномъ изъ безымянныхъ полустанковъ нѣсколько коммунистовъ, проломавъ крышу въ одной изъ теплушекъ, пытались выкарабкаться, но во время были замѣчены и по моему приказанію жестоко избиты.

За разъѣздомъ Широкимъ мы принуждены были остановиться. По слухамъ станція Мушкетово занята красными, а на Караванной идетъ бой. Я подошелъ къ телефону и соединился съ Караванной. Къ несчастью положеніе дѣйствительно отчаянное. Разговаривавшій со мной комендантъ сообщилъ мнѣ, что черезъ полчаса бросаетъ все и «драпанетъ». Отдѣльныя, разрозненныя части еще дерутся съ красными, но дѣло безнадежно.

Я бросился къ Ежову.

— Ну что вы, голубчикъ, волнуетесь. Попросту вашъ комендантъ ужъ черезчуръ большого труса задаетъ. Не можетъ этого быть чтобы красные кругомъ зажали насъ.

— Но, господинъ лейтенантъ, я полагаю, что положеніе дѣйствительно катастрофическое.., — я пальцемъ указалъ въ сторону все усиливающейся трескотни далекихъ пулеметовъ, — бросимте все и пойдемъ спасаться...

— Что вы ерундите... Какъ же это такъ оставить такую базу. — онъ любовно мотнулъ головой въ сторону международныхъ вагоновъ, — Съ такой базой да явиться въ Ростовъ, а? Ни за что не поддамся бреднямъ вашего паническаго коменданта.

Далекая трескотня все усиливалась и какъ будто приближалась.

Ежовъ немного насупился:

— Ну ка отправляйтесь къ телефону.

Я поплелся на станцію. Отвѣчаетъ мнѣ ужъ совершенно другой басъ и тотчасъ же по манерѣ разговора догадываюсь, что говоритъ со мной красный:

— Дѣла хороши. Красныхъ бьемъ по всей линіи и т. д.

И заключительная фраза:

— А у васъ какъ, тов..., поручикъ.

Кто говоритъ со мной?

— Комендантъ.

— Ваша фамилія?

— Поручикъ... — фамилію чуждый голосъ произноситъ намѣренно неразборчиво. Затѣмъ комендантомъ Караванной былъ капитанъ, а не поручикъ.

Я швырнулъ трубку и бросился со всѣхъ ногъ къ Ежову.

Къ удивленію моему уговаривать его ужъ не пришлось. Еще до меня онъ получилъ ошеломившія его свѣдѣнія и мы рѣшили бѣжать.

— Да, но какъ быть съ этой сволочью? — я указалъ на вагоны съ коммунистами.

— Разстрѣлять...

Ихъ было 88 человѣкъ: 80 мужчинъ и 8 женщинъ. Мужчинъ мы прикончили въ два счета. Но женщинъ разстрѣлять я не далъ. Еще въ первый годъ гражданской войны, когда звѣриное ожесточеніе у обѣихъ сторонъ не достигло еще своего апогея, мнѣ случайно пришлось разстрѣлять одну дѣвушку, оказавшуюся, какъ я потомъ узналъ, моей давнишней хорошей знакомой. Это такъ отразилось на мнѣ, что съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово женщинъ не разстрѣливать (что было малодушіемъ съ моей стороны и чуть не погубило меня).

Итакъ, покончивъ съ коммунистами и, взорвавъ нашъ составъ, мы погрузили на себя самое цѣнное и пошли походнымъ порядкомъ. Всего насъ было семьдесятъ одинъ человѣкъ. Изъ нихъ одиннадцать офицеровъ, а остальные солдаты. Какъ солдаты, такъ и офицеры— всѣ разныхъ частей. Съ бронепоѣзда нашего

были я да лейтенантъ Ежовъ. Затѣмъ два брата Давыдовы (кавказскіе свѣтлѣйшіе князья), служившіе раньше у красныхъ и перебѣжавшіе къ намъ въ началѣ 19-го года и еще семь офицеровъ разныхъ частей. Къ намъ же присоединились одинъ московскій профессоръ (кажется, геодезіи) въ формѣ рядового Марковскаго полка. Солдаты всѣ были сверхъ мѣры нагружены, но ни одинъ изъ нихъ, за малымъ исключеніемъ, не захватилъ съ собой винтовки. Офицеры же — всѣ съ револьверами и винтовками.

Я выбралъ направленіе на Юзовку, гдѣ, по слухамъ, еще держались наши части и мы двинулись въ путь.

Пройдя верстъ пять, замѣчаемъ быстро мчащихся намъ на перерѣзъ кавалеристовъ.

Большинство нашего отряда сбилось въ кучу и остановилось. Кавалеристы, между тѣмъ, подъѣхали совсѣмъ близко.

Въ началѣ при видѣ ихъ у меня мелькнула мысль, что это свои. Но, когда я услыхалъ «сдавайсь, товарыши», я понялъ кто они и приготовился къ борьбѣ. Быстро оріентировавшись я взалъ на себя командованіе и отдалъ нужныя приказанія. Офицеры разсыпались и взяли на изготовку.

Въ это время одинъ изъ выдвинувшихся впередъ красныхъ снова заоралъ:

— Сдавайтесь, дурачье. Ничего вамъ не будя, сдавайсь.

Я прицѣлился и, красный кавалеристъ, не

вскрикнувъ, кувыркомъ метнулся съ лошади въ сугробъ снѣга.

Моимъ мѣткимъ выстрѣломъ солдатня наша была очевидно не особенно довольна; многіе возмутились и вся масса о чемъ-то зашумѣвъ, заколебалась. А затѣмъ, поправивъ на своихъ спинахъ чемоданы и саквояжи, быстро, какъ стадо бароновъ, направилась въ сторону противника.

Насъ осталось одиннадцать офицеровъ съ нѣсколькими преданными вѣстовыми, два вольноопредѣляющихся и профессоръ.

Предложивъ моему, такъ значительно порѣдѣвшему отряду приготовиться къ достойной встрѣчѣ противника, я замѣтилъ, что красноармейцы, посовѣщавшись между собой, снова двинулись на насъ. Сразу сообразилъ, что это не кавалерійскій разъѣздъ (чего я такъ опасался), а конная развѣдка какого-либо пѣхотнаго полка.

Не успѣли они разогнаться, какъ мы подстрѣлили еще двоихъ. А затѣмъ по моей командѣ всѣ бросились въ сторону и начали быстро удаляться. Тогда противникъ, понялъ свой промахъ, кинулся на насъ лавой. Положеніе ухудшалось; приходилось готовиться къ концу. Я рѣшилъ возможно дороже продать свою жизнь. Кого могъ подбадривалъ, кому надо было грозилъ наганомъ. Отстрѣливаясь, мнѣ удалось еще одного снять съ лошади. Красные увидѣли, что живьемъ мы не сдадимся.

Надвигались раннія зимнія сумерки.

Продержись мы еще съ полчаса и развѣдчики повернули бы во свояси, ибо я прекрасно видѣлъ какъ не хочется имъ вступать въ дальнѣйшій бой съ офицерами. Не ввязаться вначалѣ съ нами въ перестрѣлку они не могли, такъ какъ имъ бы нагорѣло за это, но, погарцовавъ вокругъ насъ и понеся потери, они рѣшили, что задачу свою выполнили.

Мы почти торжествовали побѣду.

Въ это время одинъ изъ офицеровъ, прыгнувъ со своимъ вѣстовымъ въ ровъ, крикнулъ: за мной. Не успѣлъ я выяснить въ чемъ дѣло, какъ всѣ бросились за нимъ.

Замѣшкавшись, я подбѣжалъ ко рву слишкомъ поздно, когда на перерѣзъ мнѣ кинулся конный. Рубанувъ меня съ разгону шашкой по папахѣ, онъ самъ чуть не свалился съ сѣдла. Я же оглушенный съ раскроеннымъ черепомъ, обливаясь кровью, повалился на снѣгъ.

Не помню сколько времени пролежалъ я безъ сознанія. Но, вѣрно, не такъ ужъ долго, такъ какъ, прійдя въ себя, я увидѣлъ слѣдующую картину:

Недалеко отъ меня распростерся лейтенантъ Ежовъ съ наполовину оторваннымъ черепомъ, а рядомъ съ нимъ профессоръ-марковецъ тщетно пытается выстрѣлить себѣ въ ротъ изъ пѣхотной винтовки: она слишкомъ длинна и онъ не въ состояніи достать до курка. Человѣкъ пять конныхъ наклонилось надъ рвомъ и

орутъ ему: брось, слышъ, товаришъ, брось... Ей бо, ничаво не будя.

Рядомъ съ лейтенантомъ валяется его маленькій карабинъ, послѣднюю пулю изъ котораго онъ оставилъ для себя. Вся остальная наша братія сгрудилась во рву, побросала винтовки и сдалась «на милость побѣдителей».

Оказывается, идіотъ-офицеръ, выкрикнувшій «за мной», полагалъ, что съ наступленіемъ сумерокъ во рву будетъ легче укрыться, не разсчитавъ, что красные, сидя на лошадяхъ, смогутъ въ упоръ насъ разстрѣливать и даже доставать шашками, — въ то время какъ двигаться во рву мы могли бы лишь по поясъ въ снѣгу.

Такъ оно и произошло и дѣло было проиграно. Мы попали въ плѣнъ. Профессору съ собой покончить не дали и винтовку у него съ трудомъ, но все же отобрали. А замѣтивъ, что я, прійдя въ себя, полѣзъ за револьверомъ, красные бросились ко мнѣ:

— Ишь, сволочь... Кабы не ты, туды твою мать, всѣ бы сдалися... Што-жъ ты, сукинъ сынъ, не видалъ што-ли, што усѣ за насъ?

И пошли меня чистить.

Наконецъ, перетолковавъ между собой о чемъ то, предложили мнѣ раздѣться.

Подъ буркой у меня была прекрасная шинель со вшитыми въ нее погонами моего стараго 2-го коннаго Дроздовскаго полка. Увидѣвъ знаменитое «Д», краснопупы совсѣмъ пришли

въ ярость и порѣшили тутъ-же прикончить: — Вотъ оно што... Дроздъ — б...., сволочь.

Хрясь...— одинъ изъ нихъ, размахнувшись, треснулъ меня по шеѣ.

— Таперя, товаришы, понятно, што яму сдаваться рашоту не было...

— Скидывай! онъ грубо рванулъ меня за шинель.

Я сбросилъ шинель. А подъ ней мой чудный парадный доломанъ съ еще болѣе яркими погонами (и угораздилъ же меня, дьяволъ передъ бѣгствомъ переодѣться).

Сорвали съ меня доломанъ и тотчасъ — же, ощупавъ его, обнаружили хрустящія бумажки.

— Въ емъ што, деньги?

— Деньги.

— Васютинъ, распарывай.

Распороли и здѣсь же подѣлили между собой мои двѣ тысячи англійскихъ фунтовъ и тридцать тысячь русскихъ романовокъ. Сняли съ меня мои изящные сапожки, предложивъ въ обмѣнъ пару дырявыхъ совѣтскихъ калошъ. Вмѣсто моихъ новенькихъ галифэ я облачился въ чьи-то вонючіе портки. Чемоданчика моего съ такимъ цѣннымъ для меня содержимымъ, я, понятно, ужъ возлѣ себя не обрѣлъ.

И вотъ, когда я лежалъ на снѣгу весь продрогшій съ ноющей, острой болью въ черепѣ, съ измазаннымъ запекшейся кровью лицомъ въ ожиданіи скораго, избавившаго бы меня отъ

всего, разстрѣла, — къ нашей группѣ подъѣхалъ верхомъ на хорошей лошади безусый мальчишка лѣтъ 18-ти съ симпатичнымъ, румянымъ лицомъ.

— Это что?

Красноармейцы вытянулись. Старшій приложилъ руку къ козырьку и доложилъ:

— Такъ что, товарищъ комиссаръ, бѣлогвардейцы-афицеры... Съ боемъ у плѣнъ узяли...

— А этотъ, товарищи, вами въ такомъ видѣ былъ забранъ, а? комиссаръ указалъ на меня.

— Никакъ нѣтъ. Это, товарищъ комиссаръ, афицеръ изъ дроздовъ. Троихъ нашихъ пулей съ сѣдла снялъ, аднаво наповалъ. Товарыши ево говорять, што кабы не енъ, они безъ бою бы сдались... А енъ подстрекалъ усѣхъ...

Комиссаръ вспылилъ:

— А ты, будучи въ его положеніи, что-жъ сдался бы, а? Какъ же по твоему онъ долженъ былъ поступить, если онъ не трусъ? Вы же, скоты, его — раненнаго, не только не отправили въ околодокъ, а еще поспѣшили раздѣть... Бандиты, всѣхъ прикажу перестрѣлять.

Онъ обратился ко мнѣ:

— Васъ раздѣли?

— Такъ точно...

— Сейчасъ же возвратить плѣнному всѣ отобранныя у него вещи и айда въ полкъ. Тамъ разберемся.

Насъ присоединили къ толпившимся вдали ранѣе сдавшимся въ плѣнъ, нашимъ солдатамъ и повели въ сосѣднюю деревню въ штабъ полка.

* * *

Полкъ этотъ оказался принадлежащимъ къ 13-ой пѣхотной дивизіи (знаменитой по своей трусости). Номеръ его не то 233, не то 234.

По дорогѣ красноармейцы, къ удивленію моему, отнеслись ко мнѣ почти по пріятельски:

— Ты, братишка, не думай што васъ всѣхъ пострѣляютъ У насъ совсемъ не плохо. Изъ вашихъ бѣлыхъ много служатъ и здорово деруться теперь съ вами. А нашъ командиръ — енъ полковникомъ былъ раньше. Дюжа хорошій челаекъ, только строгонекъ больно.

Насъ привели въ штабъ полка.

Вошелъ командиръ—бравый военный лѣтъ подъ 50, ласково поздоровался съ нами и, оглядѣлъ всѣхъ, остановился на мнѣ:

— Это вѣрно, о васъ докладывалъ мнѣ только что комиссаръ? — вы офицеръ?..

— Такъ точно.

— Васъ раздѣли?

Я, молча, указалъ на мой нарядъ.

— Постниковъ, сейчасъ же возвратить все, отобранное у плѣннаго.

Выскочилъ старшій:

— Слушаюсь, товарищъ комполка.

— Деньги у васъ были?

Мнѣ очень жаль было своихъ, скопленныхъ путемъ такихъ лишеній, фунтовъ, но, поглядѣвъ на сразу ставшія звѣрскими рожи, столпившихся по бокамъ отъ насъ, красноармейцевъ, я отвѣтилъ:

— Нѣтъ...

Распорядившись обогрѣть насъ и покормить, командиръ полка удалился.

Меня отвели въ полковой околодокъ. Врача не было. Какія-то двѣ сестры милосердія представляли собою медицинскую часть полка. Одна изъ нихъ, ловко и умѣло обмывъ и перевязавъ мою рану, всучила мнѣ при уходѣ незамѣтно для ожидавшаго конвойнаго, три тысячи совѣтскими деньгами. Я отказался ихъ взять. Но она, узнавъ изъ разспросовъ, что я — бѣлый офицеръ, настояла на своемъ, замѣтивъ: для меня это пустяки, а вамъ безъ денегъ да еще въ плѣну туго прійдется.

Конвойный проводилъ меня до избы, въ которой были размѣщены плѣнные. Покамѣстъ никто не собирался ихъ кормить. Постниковъ поставилъ возлѣ избы часового, а самъ куда то исчезъ.

Хозяйка избы — сварливѣйшая баба громко выражала свое неудовольствіе по поводу того, что у нее заняли всѣ пять клѣтушекъ и почему то изъ всѣхъ плѣнныхъ отнеслась участливо лишь ко мнѣ, проводивъ меня на печь и покрывъ теплымъ кожухомъ. А спустя немного времени она, тихонько, чтобы никто не под-

глядѣлъ, сунула мнѣ подъ кожухъ краюху хлѣба и пару соленыхъ огурцовъ. Я принялся уписывать огурцы и хлѣбъ съ остервѣненіемъ долго голодавшей собаки.

Между плѣнными шла въ это время оживленная бесѣда:

— Вотъ тебѣ и большевики! —восторженно замѣтилъ одинъ изъ вольноперовъ. — И могутъ же такой поклепъ возвести.. Послушались бы этого дьявола-дроздовца и всѣхъ бы насъ какъ куропатокъ пристрѣлили...

Его поддержалъ одинъ изъ солдатъ, счастливо пронесшій всѣ свои саквояжи:

— Они не только насъ не тронули, а даже и вещей не отобрали...

— И ничего намъ не будетъ!—заявилъ третій. — Шо мы добровольцы, чи шо? Уси обилизованы... Распустятъ таперь по домамъ и баста воевать...

Бесѣда не долго длилась въ томъ же духѣ.

Ворвавшійся въ избу въ сопровожденіи такихъ же бандитовъ какъ и самъ, Постниковъ приступилъ къ «конфискаціи» багажа, а затѣмъ и къ раздѣванію. Чуть ли не ежеминутно слышалось грозное «скидывай» и слѣдомъ за нимъ рядъ непечатныхъ ругательствъ. Протестовавшимъ давали въ зубы и раздѣвали насильно.

Такъ быстро померкли иллюзіи легкомысленныхъ дурачковъ...

Преобразились всѣ, и если бы не тяжелая обстановка плѣна, сколько смѣха и шутокъ раз-

далось бы по поводу костюма каждаго изъ нихъ. Въ своихъ новыхъ одѣяніяхъ плѣнные были до невообразимаго смѣшны и курьезны. Но не до смѣха было имъ. Сумрачные и молчаливые расположились они на ночлегъ. Прошло не болѣе часа-полутора какъ въ избу снова ввалились красноармейцы съ фонаремъ въ рукахъ.

— Плѣнные, выходи.

Для чего и зачѣмъ насъ выгоняли никто не зналъ да и сами красноармейцы, очевидно, не всѣ были въ курсѣ дѣла.

Вышли всѣ. Старшій конвойный обошелъ еще разъ съ фонаремъ всѣ углы и вышелъ во дворъ.

Я прикурнулъ въ уголку печи и чутко насторожился.

Сначала была слышна лишь бранная команда: плѣнныхъ выстраивали. Затѣмъ ихъ долго гоняли по двору и, не стѣсняясь, поминали родителей и прародителей. Послѣ чего ихъ снова погнали обратно въ избу.

Еще долго послѣ этого во дворѣ была слышна чья-то возня и тяжелыя ругательства.

Изъ перешептываній плѣнныхъ между собой я понялъ, что разыскиваютъ меня — офицера съ взорваннаго бѣлыми бронепоѣзда. Но такъ какъ въ качествѣ таковогo меня зналъ лишь одинъ покойный Ежовъ, а документы свои мы успѣли уничтожить, то никто не могъ меня выдать и всѣ видѣли во мнѣ «дрозда».

Все же я изрядно разволновался и снова предчувствіе близкаго и мучительнаго конца охватило меня (смерти, какъ таковой я никогда не боялся, но мнѣ слишкомъ хорошо были знакомы, по разсказамъ друзей, счастливо вырвавшихся отъ красныхъ, примѣняемыя ими часто до разстрѣла пытки) Разгадалъ я также причину поисковъ старшаго офицера бронепоѣзда «генералъ Шкуро».

По своей оплошности и непростительному мягкосердечію я пожалѣлъ разстрѣлять на разъѣздѣ Широкомъ женщинъ коммунистокъ. Послѣднія очутившись на свободѣ, поспѣшили оповѣстить «всѣхъ, всѣхъ» о «произведенномъ бѣлогвардейцами разстрѣлѣ семидесяти товарищей» и теперь меня разыскивали.

Спасли, вѣрно, меня лишь погоны «дроздовца», такъ какъ женщины въ своемъ описаніи моей персоны, указывали, что я съ бронепоѣзда и вдобавокъ, полагаю, меня путали съ покончившимъ съ собой Ежовымъ. Понятно, что съ наступленіемъ утра все разъяснилось бы и предположенія красныхъ о моемъ бѣгствѣ разсѣялись бы при первой же очной ставкѣ между мной и пощаженными коммунистками.

Я глубоко задумался. Надобно бѣжать, не ожидая утра. Но какъ и куда бѣжать...

Изъ разговоровъ уходившихъ изъ избы красныхъ между собой я подслушалъ въ которомъ часу у нихъ смѣна часовыхъ. Малень-

кіе, браслетные съ свѣтящимся циферблатомъ часики Постникова (брошенные имъ мнѣ въ обмѣнъ на мой дорогой брегетъ) показывали въ темнотѣ четверть пятаго. Вся клѣтушка храпѣла во всю. Я поднялся, одѣлъ чьи-то довольно теплые солдатскіе штаны и неподалеку стоявшіе, немного рваные сверху, англійскіе ботинки; обмоталъ ноги обмотками. У другого храпѣвшаго плѣннаго стащилъ сильно поношенную, зато подбитую лисой, бекешу, надѣлъ на голову чью-то старенькую папаху и, осторожно ступая между спящими, вышелъ во дворъ.

Услышавъ мои шаги, стоявшій у дверей, опершись на винтовку, маленькаго роста тулякъ съ полудѣтскимъ, востренькимъ лицомъ испуганно вскочилъ и забормоталъ:

— Куды, товарышъ, куды?

— Оправиться.

— Пойдемъ, провяду.

— Да куда тебѣ. Ты уйдешь со мной, а они всѣ поразбѣгаются.

— Не, усѣ дрыхнуть. А какъ разбѣгутся, такъ што... Лишь бы ты не убегъ...

Я подумалъ: ну что жъ, голубокъ, самъ своей смерти ищешь...

Отошли за уголъ дома. Я занялся дѣломъ. Красноармеецъ, притуливъ винтовку къ стѣнѣ, вытащилъ изъ кармана кисетъ и спички и закурилъ.

Поднявшись и застегиваясь, я обратился къ нему:

— Дай-ка, землячекъ, покурить.

Онъ полѣзъ въ карманъ своихъ брюкъ. А я въ это время, какъ тигръ, бросился на него и обѣими руками ухватился за его горло. Мнѣ казалось, что онъ такъ сильно кричитъ, что все село соберется сейчасъ и я, чтобы чѣмъ-нибудь заглушить этотъ мнимый крикъ, схватилъ его зубами за носъ. И когда черезъ минутъ пять (времени прошло не болѣе этого) я розмялъ свои руки, задушенный мною бѣдняга съ откушеннымъ носомъ, повалился на снѣгъ. Понятно, что несчастный не то что крикнуть, а и опомниться не успѣлъ, ибо я сжалъ его своими руками какъ клещами. Но мнѣ казалось, что онъ долженъ кричать, что онъ невыносимо страшно кричитъ, и я въ нервномъ пароксизмѣ схватилъ его зубами за носъ.

Затѣмъ, долго не раздумывая, я бросился вонъ изъ деревни. Съ расположеніемъ красныхъ заставъ мнѣ случайно пришлось познакомиться, когда насъ гнали по селу. Передъ нашими глазами прошли брички съ красноармейцами, направлявшимися въ опредѣленную сторону. Такимъ образомъ, благополучно миновавъ ихъ посты, я зашагалъ по все тому же направленію на Юзовку.

Стоялъ суровый и мятелистый декабрь 1919 года. По большой дорогѣ идти — опасно, ибо рискуешь ежеминутно напороться на запоздала-

го краснаго и попасть, такимъ образомъ, какъ куръ во щи.

Я поплелся боковыми дорожками.

Стало свѣтать. Мѣсяцъ, краснѣя, снизился къ горизонту. Морозъ, усиливаемый вѣтромъ, крѣпчалъ не на шутку.

Мои силы начали оставлять меня. Чувствую, что еще нѣсколько верстъ такого пути и я свалюсь на хрупкій, синѣющій снѣгъ.

Къ счастью невдалекѣ вырисовались въ туманномъ предразсвѣтѣ неясныя очертанія какихъ-то зданій и построекъ.

Я наддалъ шагу и черезъ полчаса входилъ въ рудничный поселокъ, гдѣ, къ моему несчастью, какъ извѣстно, обитатели большей частью настроены большевитски.

Войдя въ улицу я выбралъ домикъ понаряднѣй и побогаче и направился къ нему. Впустили, не разспрашивая, такъ какъ жестокій морозъ не позволилъ бы и собаку на улицу выгнать; къ тому же немного выдѣлявшаяся изъ подъ папахи повязка вызвала, вѣроятно, жалость ко мнѣ у далеко непривѣтливыхъ хозяевъ.

Обогрѣвшись и прійдя въ себя, я многозначительно началъ поглядывать на стоявшій въ глубинѣ сосѣдней комнаты поставецъ со съѣстнымъ: не предложатъ ли поѣсть...

— Хозяюшка, а хозяюшка, — не вытерпѣлъ я, — не найдется ли поѣсть чего?

Баба встрепенулась:

— И што ты, голубочекъ... Мы сами не знаемо какъ до весны дотягнемъ. Были красни — забырали, потимъ того прышли били — забырали, типеръ красни — опять усе забырають.

Помолчавъ, передохнула и безъ гнѣва предложила:

— Отъ обогрійсь, голубчику, тай иды съ Богомъ...

При послѣднихъ словахъ я про голодъ моментально позабылъ. Мысль пошла работать совершенно въ иномъ направленіи: выйти изъ избы значитъ неминуемо попасть на рыскающихъ вокругъ красныхъ или же на власть имущихъ поселка, оставаться у незнакомыхъ людей (еще вопросъ разрѣшатъ ли послѣдніе?) — тоже не лучше, такъ какъ ежеминутно можетъ явиться какой-нибудь красный квартирьеръ для занятія свободнаго помѣщенія...

Хозяйка, рѣшивъ совершенно не обращать на меня вниманія, занялась по хозяйству своими дѣлами. Я снова завязалъ съ ней безцѣльную для меня бесѣду.

Симпатіи ея безусловно не на сторонѣ красныхъ. Меня она считаетъ принадлежащимъ къ послѣднимъ и поэтому довольно осторожна въ своихъ сужденіяхъ.

Въ это время я вспомнилъ, что у меня вѣдь за душой никакого документа (не догадался, дурень, захватить документъ задушеннаго мною красноармейца).

Рѣшилъ плыть по теченію и принялся снова болтать съ хозяюшкой:

— Что-жъ и мнѣ, матушка, это дѣло тоже надоѣло. Сначала тѣ обилизовали, потомъ эти, а за што и за кого воюешь — грецъ его знаетъ! — я усиленно поддѣлывался подъ крестьянскій говоръ, что мнѣ въ весьма слабой степени удавалось.

Она сочувственно поддакивала мнѣ, а затѣмъ вопросительно указала на мою забинтованную голову:

— Что касается насчетъ головы, то она поправляется. И думаю я теперь, матушка,пробираться домой. Въ Катеринославской губерніи у мене жена съ дѣтьми да старуха-мать; пухнуть съ голоду: работничекъ то я одинъ, вотъ здѣсь теперь болтаюсь... Што-жъ такъ значитъ и пропадать имъ.

— А какъ же ты, прозываешься?

Я рѣшилъ: разъ я не красный и не бѣлый, то кто же я. — и бухнулъ:

— Я, хозяюшка, дезертиръ...

— Дизретиръ!, ахъ ты жъ голубочку мій, чого жъ ты сразу не сказавъ? У насъ по усему поселку дизретиры. А у кума Павла ховаеться мой родный племенникъ...

Хозяйка всплеснула руками:

— Бидный мій, бидный та ще поранетый. Та сидай вже-жъ близче кодъ стола...

Черезъ нѣсколько минутъ я уписывалъ огромнѣйшій кусокъ окорока, за которымъ послѣ-

довали вкусные вареники съ сыромъ въ сметанѣ. Все это запивалось недурнымъ абрикосовымъ самогономъ...

Откуда только все взялось.

Въ промежуткахъ между чваканьемъ я плелъ добродушной хозяйкѣ, что молъ послѣ раненія въ голову я бѣжалъ изъ своей части и теперь начальство разыскиваетъ меня, вѣрно.

— Ты не бойсь. Я сховаю такъ, шо не найдутъ. А дня черезъ два переберешся въ другой поселокъ...

Такъ, откармливаясь, прожилъ я у гостепріимной (для «дизретировъ») хохлушки двое сутокъ, а затѣмъ меня выпровадили, предварительно снабдивъ провизіей и указавъ дорогу. Наказали обратиться въ слѣдующемъ поселкѣ отъ ихъ имени къ нѣкому Ивану Филимоновичу и все будетъ ладно.

Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ дней я пробирался изъ одного рудничнаго поселка въ другой пока не попалъ въ Юзовку.

Всего лишь недѣля прошла со времени занятія красными этого городка-мѣстечка. Изъ случайно подслушаннаго разговора узнаю, что какъ разъ въ тотъ день, когда мы, покинувъ бронепоѣздъ, пробирались къ Юзовкѣ — мой пріятель-дроздъ со своимъ эскадрономъ еще удерживалъ ее въ своихъ рукахъ.

Брожу по городу самъ не свой. Куда приткнуться? Впервые я оказался при власти крас-

ныхъ, которыхъ съ начала 18-го года жестоко ненавидѣлъ и звѣрски истреблялъ.

Всюду на стѣнахъ домовъ и заборахъ безчисленные приказы и плакаты. Хаосъ и неразбериха въ городѣ невѣроятные.

Болтаюсь по вокзалу, гдѣ теплѣе, и понемногу расходую свой небольшой капиталъ: вѣдь ѣсть же надобно, а знакомыхъ — ни души. Всюду красноармейцы, красноармейцы и красноармейцы... Не городъ а военный лагерь. Разговоры исключительно на злобу дня: разгромъ бѣлыхъ. Къ удивленію моему (и радости, понятно,) настроены красноармейцы въ массѣ своей довольно панически. Передаютъ изъ устъ въ уста, что генералъ Шифнеръ-Маркевичъ якобы прорвался и захватилъ раіонъ: Ясиноватая-Яма-Бахмутъ. Тѣмъ самымъ онъ отрѣзывалъ лѣвый флангъ красныхъ. А это не могло не посѣять паники, такъ какъ своимъ маневромъ бѣлые захватывали и Юзовку.

Подбадриваюсь и, плотно перекусивъ, рѣшаюсь продвигаться по направленію, ближайшему къ бѣлымъ, а именно, къ станціи Ясиноватой.

Снова при отчаянно жестокомъ морозѣ поплелся въ путь.

Я сильно ослабѣлъ.

Моя долго неперевязываемая рана начала гноиться и я въ конецъ расхворался.

И, дотащившись до станціи Скотоватой, завалился я совершенно измученный спать прямо

на грязномъ полу вокзала. Да такъ уснулъ, что чуть ли не полчаса меня тормошили, пока я проснулся: контроль...

— Ваши документы, товарищъ.

Молчу.

— Какой вы части, товарищъ?

Молчу.

— Што онъ обалдѣлъ, што ли! Къ коменданту его...

Привели меня къ коменданту станціи.

Я попросилъ папироску, закурилъ и немного очухался:

— Документы свои я потерялъ.

Комендантъ станціи — стрѣлянный воробей:

— Вы — офицеръ?

Смѣюсь:

— Нѣтъ.

— Да вы не бойтесь. Я самъ — бывшій офицеръ. Служилъ у васъ же, попалъ въ плѣнъ, а вотъ теперь — комендантомъ станціи.

— Я всего на всего — солдатъ.

— Да, вы, не скрывайте...

— Говорю вамъ, что я солдатъ.

Видя, что отъ меня многаго не добьешься, комендантъ станціи отправилъ меня въ Юзовку, въ штабъ 13-ой пѣхотной дивизіи.

Здѣсь меня передали въ распоряженіе политическаго комиссара дивизіи.

* * *

Молодой интересный студентъ въ безукоризненно-сшитомъ костюмѣ, сидя въ глубокомъ креслѣ, посмѣивался надо мной. Изъ десятка-двухъ довольно каверзныхъ вопросовъ, заданныхъ имъ мнѣ, я по своей опрометчивости, чуть ли на всѣ отвѣтилъ, совершенно не подозрѣвая въ нихъ заднихъ мыслей.

И онъ заяилъ мнѣ:

— Вы — офицеръ, не отпирайтесь... Затѣмъ, вы безусловно обладаете законченнымъ среднимъ образованіемъ (угадалъ, бестія!), а, быть-можетъ, обучались и въ высшей школѣ..

И засмѣялся:

— Вы, коллега, милѣйшій...

— Вы глубоко заблуждаетесь, госп.., товарищъ политкомъ. Я солдатъ, вахмистръ Иркутскаго гусарскаго полка Иванъ Скулинъ*)..

— Какъ, развѣ у васъ и такой полкъ имѣется? недовѣрчиво переспросилъ меня политкомъ и что-то отмѣтилъ у себя въ блокъ-нотѣ, проворчавъ: что-жъ это наша информація... дьяволъ ее побери!

Затѣмъ, снова усмѣхаясь:

— Вотъ такъ бы вы откровенно, съ самаго

---

*) Незадолго до описываемаго мною, изъ нашего полка былъ выдѣленъ и формировался Иркутскій гусарскій полкъ (кто только тогда не формировалъ и что и какъ формировалъ!) Я зналъ командира и многихъ офицеровъ этого полка по фамиліямъ, а нѣкоторыхъ и въ лицо. Поэтому рѣшилъ „перемѣнить карточку“ и впредь „дроздомъ“ не называться, ибо дрозду, даже рядовому, въ плѣну не поздоровилось бы.

начала... Я и запишу: ротмистръ Иркутскаго гусарскаго полка...

— Не ротмистръ, а вахмистръ. Вы путаете товарищъ политкомъ.

— Фу ты, какъ тяжело съ вами! Ну да ладно, ротмистръ или вахмистръ — мнѣ все едино. На меня вы произвели впечатлѣніе въ высшей степени интеллигентнаго человѣка да и свѣдѣнія, вижу, у васъ не маловажныя, хотя вы, голубчикъ, и жметесь при показаніяхъ. Сейчасъ я занятъ, — онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату:

— Федоровъ, распорядитесь отправить товарища въ партію плѣнныхъ офицеровъ...

* * *

Къ описываемому мною времени въ Юзовкѣ набралось свыше 4000 военноплѣнныхъ. Помѣщались они въ бывшемъ полицейскомъ управленіи — громадномъ и нѣкогда довольно тепломъ зданіи; въ настоящее время о теплѣ не было въ немъ и помину. Зданіе было совершенно разгромлено, стекла отсутствовали почти во всѣхъ окнахъ и жестокій вѣтеръ разгуливалъ по длиннымъ корридорамъ. Плѣнные затыкали отверстія въ окнахъ тряпками, заклеивали бумагой и картономъ, но это мало помогало дѣлу.

Въ этомъ же дворѣ помѣщалось около двадцати женъ полицейскихъ стражниковъ, ко-

торыя или оставались вдовами (послѣ звѣрскаго убійства ихъ, не успѣвшихъ бѣжать, мужей) или же проживали на «вдовьемъ» положеніи (мужья бѣжали, а онѣ съ дѣтьми остались). Никто ихъ пока не тревожилъ и онѣ существовали, подторговывая кое-чѣмъ среди плѣнныхъ и красноармейцевъ, занимаясь стиркой бѣлья и т. п.

Плѣнныхъ офицеровъ было около тридцати. Всѣ они помѣщались въ лучшей части зданія, гдѣ почти всѣ стекла были цѣлы.

По приказанію начальства имъ была поставлена печь и отпущены дрова.

Почти всѣ расположились на нарахъ, а кое-у кого были даже отдѣльныя койки. Полагаю, что предоставленіе офицерамъ такихъ удобствъ дѣлалось сознательно, съ заранѣе обдуманной цѣлью, но объ этомъ подробнѣе дальше.

Конвойный ввелъ меня въ первую комнату: у стола стояло десять офицеровъ и среди нихъ почти всѣ соучастники моего бѣгства съ бронепоѣзда.

Сколькихъ усилій мнѣ стоило дать имъ понять, чтобы они умѣрили свои чувства и подождали ухода конвойныхъ.

Не успѣли послѣдніе захлопнуть за собой дверей, какъ всѣ набросились на меня, кто съ возмущеніемъ, а кто радостно и якобы съ поддѣльнымъ негодованіемъ:

— Ахъ, дьяволъ васъ бери... Да знаете ли вы, что изъ за васъ насъ всѣхъ чуть было не пострѣляли!..

— А искали то васъ... Какъ же всетаки удалось вамъ улизнуть и не попасться.

Лишь послѣ всѣхъ ко мнѣ подошелъ немного смущенный профессоръ-марковецъ и, ласково обнявъ меня, крѣпко пожалъ мою руку.

Накормивъ меня чѣмъ Богъ послалъ, всѣ снова обступили меня и мнѣ пришлось подробно подѣлиться пережитымъ за послѣднiе дни.

— Да, голубчикъ, смѣлый вы человѣкъ. И, главное, вы теперь не офицеръ, а вахмистръ. Это многое значитъ.

Поболтавъ еще немного я, утомленный, разыскалъ на нарахъ свободное мѣстечко и улегся спать.

* * *

Прошло нѣсколько дней. За это время политкомъ дивизiи неоднократно посѣщалъ насъ. Заходилъ почти исключительно въ помѣщенiе офицеровъ. Привозилъ съ собой газеты, большевитскiя брошюры, папиросы, а иногда и леденцы.

Ласково бесѣдовалъ со всѣми и многихъ, повѣсившихъ носъ, ободрялъ:

— Не унывайте. Все же вы въ плѣну у своихъ, а не у чужеземцевъ. Совѣтская власть не мститъ никому. Согласитесь только честно служить, — всѣмъ выхлопочу всепрощенiе.

И уѣзжалъ.

Чуть ли не большинство (а среди насъ были офицеры, имена которыхъ прогрѣмѣли во время головокружительныхъ успѣховъ бѣлаго движенія) горой стояли за большевиковъ.

— Это дѣйствительно разумные люди и затѣмъ они вовсе не башибузуки какіе-то. Быть можетъ не будь нашего движенія вся Россія, объединившись, давно успокоилась бы, ихъ бы признали, и конецъ войнѣ.

Я молчалъ и лишь приглядывался къ этимъ бездушнымъ хамелеонамъ.

И, задумавъ снова бѣжать, подѣлился своими предположеніями съ милымъ профессоромъ-марковцемъ.
марковцемъ.

— Что вы, да это невозможно.

— Убѣгу.

* * *

Наступилъ сочельникъ. Лютый морозъ донималъ во всю и даже у насъ, гдѣ топилась недурная печь, — стало немного продувать.

Какъ-то раздобывъ немного мерзлаго картофеля, я отправился черезъ дворъ къ одной изъ стражницкихъ женъ сварить его на большомъ огнѣ.

Вхожу. Сидитъ компанія изъ нѣсколькихъ красноармейцевъ, военноплѣнныхъ и двухъ-трехъ дѣвушекъ — заводскихъ работницъ. Раз-

говоръ идетъ все больше о «политикѣ». Кто-то обратился ко мнѣ съ вопросомъ, я отвѣтилъ. Понемногу втянули и меня въ бесѣду. Мнѣ этого не хотѣлось и, постепенно, не показывая и виду, я перевелъ разговоръ на другую тему. А затѣмъ предложилъ заняться гаданіемъ. Досталъ у хозяйки кусокъ воску, тарелку съ водой и началъ дурачиться. Всѣ столпились вокругъ меня и, затаивъ дыханіе, глядѣли на тарелку. И какъ поразительно измѣнились у нихъ лица. Красноармейцы видно позабыли, что они красные и пришли охранять военноплѣнныхъ бѣлыхъ. Послѣдніе также перенеслись въ прошлое. Дѣвушки расцвѣли и какъ будто въ мигъ похорошѣли.

Передо мною были дѣти одного великаго и единаго народа, отдавшіяся праздничному настроенію въ такой необычайной (въ особенности для плѣнныхъ) обстановкѣ.

Затѣмъ начала гадать на картахъ одна изъ дѣвушекъ. Гадала одному, другому, а потомъ и мнѣ. Конечно, здѣсь и казенный домъ, и дорога, и пиковый интересъ, и т. п. Я ласково улыбался ей, а самъ думалъ: гадай, не гадай, а я все же убѣгу. Въ это время я вспомнилъ о картофелѣ. Онъ ужъ давнымъ-давно разварился. Снявъ котелокъ съ огня и, попрощавшись, несмотря на уговоры остаться (у кого-то изъ красноармейцевъ былъ самогонъ), побѣжалъ черезъ дворъ къ себѣ ужинать. Смотрю, запыхавшись, меня догоняетъ товарищъ Таня(дѣ-

вушка-гадалка). Остановился: думаю: неужели успѣлъ такъ приглядѣться, что и здѣсь флиртъ затѣвается.

— Вы, товарищъ не обижаетесь на меня?

— Боже сохрани, откуда вы это взяли?

А затѣмъ тихо:

— Когда я вамъ гадала, то всей правды не сказала, такъ какъ тамъ нельзя было... Послушайте, вы задумали бѣжать... Но вамъ предстоитъ неудача и неудача большая. Что-то темное впереди... Не бѣгите...

Я остолбенѣлъ и подозрительно глядѣлъ на нее. Затѣмъ взволнованно и крѣпко пожалъ ей руку и понесъ свой картофель.

Какая-то дрожь охватила меня: вотъ такъ гадалка...

Я съ дѣтства не вѣрилъ ни во что сверхъестественное. И всегда зло смѣялся надъ подобнаго рода вещами.

А здѣсь... Какъ назовете вы это?

* * *

Дня за два до Новаго 1920 года насъ погнали походнымъ порядкомъ въ Бахмутъ. Было насъ всего тысячи четыре съ лишнимъ. А пришло въ Бахмутъ человѣкъ тристо. Всѣ остальные разбрелись и разбѣжались по пути. Да и можно ли было уберечь ихъ, если на всю эту ораву дали двадцать человѣкъ конвойныхъ? Вполнѣ понятно, что отправлявшіе насъ такимъ

порядкомъ заранѣе знали, что мы всѣ разбѣжимся, но... далеко не убѣжимъ. Впереди линія фронта, а кругомъ, куда не прійдешъ, потребуютъ документъ (ни у кого изъ насъ такового не было). И стоило властямъ въ одинъ прекрасный день отдать приказъ всѣмъ предволисполкомовъ — б. старостамъ (въ городахъ словить плѣнныхъ и вовсе легко) о задержаніи безпаспортныхъ, какъ всѣхъ бѣжавшихъ легко было бы снова собрать. Главной же цѣлью подобнаго рода отправки было, мнѣ кажется, дѣйствительное желаніе избавиться отъ насъ. Шуточно ли дѣло довольствовать столько ртовъ, хотя и довольствія-то на каждаго отпускалось, что твой котъ наплакалъ.

Разстояніе между Юзовкой и Бахмутомъ— 120 верстъ. Мы еле добрели до города. Обмороженные среди насъ насчитывались десятками. Я, первое время, едва въ состояніи былъ говорить.

* * *

Явились въ штабъ корпуса. Послѣдній, видимо совершенно не интересуясь нами, сплавилъ насъ въ распоряженіе коменданта города.

Комендантъ распорядился солдатъ размѣстить при коменданскомъ управленіи. Намъ же, взявъ съ насъ предварительно честное слово, разрѣшилъ остановиться въ гостинницѣ.

Въ Бахмутѣ особенно разгуливать по го-

роду я боялся, такъ какъ меня здѣсь немного знали. Правда я обросъ и заросъ до неузнаваемости, но все же опасался нарваться невзначай на кого-нибудь.

Сидя въ гостинницѣ и раздумывая надъ своей злосчастной долей, вспомнилъ вдругъ, что здѣсь вѣдь живутъ мои хорошіе знакомые евреи. Какъ-то еще въ началѣ 19-го года я ихъ вывезъ изъ района, занятаго красными, за что они мнѣ обѣщали вѣкъ быть признательными.

Съ наступленіемъ сумерокъ я отправился въ городъ и разыскалъ ихъ.

Господи, какое ужасное зрѣлище представляла ихъ нѣкогда богатая квартира! То-есть почистили и испоганили что называется классически. А семья у нихъ преогромная: душъ въ восемнадцать. Приняли меня, какъ родного. Устроили въ тотъ же вечеръ ванну, дали чистое бѣлье и поношенные, но еще цѣлые брюки, которые я одѣлъ поверхъ старыхъ. Словомъ попалъ къ «своимъ».

Полагая, что это «товарищи» такъ раздѣлались съ ними, я выразилъ имъ мое глубокое огорченіе и сочувствіе. Каково же было въ началѣ мое изумленіе, а затѣмъ непередаваемый стыдъ, когда хозяинъ дома въ деликатной формѣ замѣтилъ, что ограбили ихъ свои же «бѣлые»:

— Ну да Богъ съ ними, — замѣтила примирительно его жена, — пусть бы они уже вер-

нулись... Съ этими разбойниками развѣ можно жить? При тѣхъ хоть жить давали...

Я думалъ, что провалюсь сквозь землю. Послѣ этого прекрасный горячій ужинъ не шелъ мнѣ въ горло, а радушное участіе хозяевъ было мнѣ даже непріятно. Я поспѣшилъ наскоро поѣсть и убѣжалъ къ себѣ въ холодный номеръ гостинницы. Ужъ очень тяжело мнѣ было оставаться подъ одной кровлей съ людьми, которыхъ МЫ же ограбили (чуть было не сказалъ Я).

На слѣдующее утро госпожа Мечикъ (фамилія евреевъ), разыскавъ меня въ гостинницѣ, снабдила меня деньгами и провизіей, такъ какъ въ теченіе ближайшихъ двухъ дней насъ, группу офицеровъ, должны были отправить въ штабъ Южнаго Фронта.

Не зная точно мѣстонахожденіе штаба, насъ отправили изъ Бахмута окружнымъ путемъ черезъ Касторную. Если бы въ послѣдней мы узнали, что штабъ перешелъ въ Харьковъ, то мы свернули бы на югъ, если же штабъ продолжалъ еще оставаться въ Курскѣ, то мы проѣхали бы прямо.

Довольствія выдали намъ на три дня. А мы пробыли въ пути дней десять.

Всѣхъ насъ было 11 человѣкъ: восемь офицеровъ, одинъ старенькій, лѣтъ подъ 60 — военный чиновникъ, профессоръ-марковецъ да я.

Кромѣ того что мы неимовѣрно мерзли,

насъ отчаянно допекалъ голодъ. Денегъ же къ половинѣ пути ни у кого не осталось.

Выданное на дорогу довольствіе уничтожили въ два дня. А дальше хоть ложись да помирай.

Я присосѣдился къ одному Митюхѣ-конвойному и чуть ли не до послѣдняго дня нашего путешествія онъ считалъ своимъ долгомъ дѣлиться со мной своей краюхой хлѣба. Оказывается, мой Митюха — коммунистъ (кстати, дуракъ тупоголовый). Я подумалъ: хорошо, что его коммунизмъ проявляется хоть въ дѣлежкѣ со мной частью его хлѣба. Ибо, бесѣдуя съ нимъ, нельзя было уразумѣть, понимаетъ ли онъ вообще что представляетъ собой коммунизмъ.

Еще въ самомъ началѣ пути наша группа разбилась на два рѣзко-противоположныхъ лагеря: въ одномъ — я и профессоръ, въ другомъ — вся остальная братія. Эти послѣдніе почти всѣ увѣровали въ большевиковъ. А свѣтлѣйшіе князья Давыдовы просто заявили: «Конечно, это подлинно народная власть и не бѣлымъ съ нею бороться. Смотрите: вотъ взяли насъ, ОФИЦЕРОВЪ, въ плѣнъ и не только не подвергли мученіямъ или разстрѣлу, а даже не избили порядкомъ. А попади КЪ НАМЪ красные да еще офицеры... Что бы мы съ ними сдѣлали... И т. д. въ томъ же духѣ.

Мы съ профессоромъ возражали. Горячо и красиво профессоръ доказывалъ антинарод-

ность совѣтской власти, ея гнетъ и насиліе, безправіе и произволъ, царящіе въ странѣ. Противникъ съ его доводами не соглашался.

Люди объяснялись на разныхъ языкахъ.

* * *

На касторной 11 намъ такъ подвело животы, что мы втроемъ (я, бывш. помощн. коменданта станціи Мушкетово — капитанъ Тереховъ и конвойный) отправились на село, расположенное въ шести верстахъ отъ станціи, просить хлѣба.

И вотъ въ этомъ маленькомъ, полузаглохшемъ, сельцѣ я узрѣлъ что это за «подлинно-народная власть», какъ пріемлетъ ее народъ..

Чуть ли не въ каждой избѣ насъ встрѣчали какъ звѣрей, насъ обливали потоками грязи и каскадами брани. Если бы мы были красными, то мы должны были сгорѣть со стыда.

Подъ конецъ мы сунулись въ послѣднюю хату.

— Тетичка, дай, ради Бога, поѣсть чего...

— Христосъ дастъ коли вѣруешь.

— Ей бо, ужъ трое сутокъ не жрамши...

— Не жрамши. А мы то ѣли?.. То то и есть что правду слопали. Все ликвизируете та ликвизируете... Вонъ Мамонтъ три дня у насъ побылъ дакъ народъ бѣлый хлѣбъ ѣсть началъ, а вы... и снова пошла ругань.

Красноармеецъ возмутился:

— Да это жъ твои, бѣлые, дьяволъ ихъ раздери... Я не себѣ выспрашиваю.

— Какъ бѣлые?

— Да военноплѣнные...

Тетка весьма недовѣрчиво отнеслась къ его словамъ, но когда Тереховъ заявилъ, что онъ, дѣйствительно, плѣнный бѣлый офицеръ,—она поспѣшно засуетилась у стола, поставивъ на него миску съ солеными огурцами и отрѣзавъ больше половины ароматнаго свѣже-испеченнаго хлѣба.

Мы, словно голодные звѣри, жадно слѣдили за ея приготвленіями.

Хозяйка пригласила насъ къ столу.

Тутъ выступилъ я:

— Дѣло, тетушка, вотъ еще въ чемъ. Мы то здѣсь поѣдимъ, а въ вагонѣ насъ ждетъ еще десять человѣкъ, голодныхъ не менѣе нашего...

— Ѣшьте, на всѣхъ хватитъ.

Объемистая миска съ огурцами и хлѣбъ были моментально уничтожены. Конвойный не отставалъ отъ насъ, усердно помогая намъ въ уничтоженіи поставленныхъ «явствъ».

Нагрузивъ насъ на дорогу яйцами, огурцами и цѣлымъ караваемъ хлѣба, сердобольная женщина, пожелавъ намъ счастливаго пути, проводила насъ до околицы.

Въ пути я узналъ, что ген. Мамонтовъ, занявъ это село, принужденъ былъ бросить въ немъ нѣсколько возовъ съ бѣлой мукой. При-

шедшіе красные часть ея реквизировали. Часть же мужичками была припрятана. Эта-то реквизиція да начавшееся снова полуголодное существованіе населенія со всѣми прелестями совѣтской власти въ видѣ безчисленныхъ налоговъ и поборовъ, — возстановило мѣстное крестьянство окончательно противъ красныхъ и всѣ симпатіи ихъ были, понятно, на сторонѣ бѣлаго Мамонтова.

Независимо отъ этого я считалъ, что профессоръ со своими доводами въ примѣненіи ихъ даже и къ этому случаю (бѣлая мука «Мамонта» и симпатіи къ нему крестьянъ!)—все же остается правъ.

И до Мамонтова крестьянство не менѣе яростно ненавидѣло режимъ насилія и пули. Приходъ же его лишь рельефнѣе оттѣнилъ всѣ отрицательныя стороны «рабоче-крестьянской» власти.

* * *

Наконецъ, въ половинѣ января мы добрались до Курска.

Какъ на вокзалѣ, такъ и въ городѣ, на стѣнахъ домовъ и заборахъ — огромнѣйшіе плакаты съ кричащими, разукрашенными заголовками, прославляющіе власть, отмѣнившую СМЕРТНУЮ КАЗНЬ.

«Смертная казнь отмѣнена» — красуется вездѣ и всюду.

Конвойные доставили насъ въ штабъ Южфронта, помѣщающійся въ великолѣпномъ зданіи б. Дворянскаго Собранія. Здѣсь мы впервые лицезрѣли тонныхъ красныхъ офицеровъ (въ большинствѣ своемъ изъ бывш. бѣлыхъ) въ ловко сшитыхъ френчахъ и умопомрачительныхъ чакчирахъ. Конвйныхъ нашихъ зацукали такъ, что бѣдняги не знали куда имъ съ нами дѣваться. Наконецъ, нашелся сердобольный красноармеецъ, который проводилъ насъ въ контръ-развѣдывательное отдѣленіе штаба.

Здѣсь мы попали къ «русскому барину». Я не буду разсказывать о немъ, такъ какъ полагаю, что всѣмъ достаточно извѣстно что нѣкогда представлялъ собою старый русскій баринъ, баринъ съ головы до пятъ.

Заставивъ насъ заполнить какую-то спеціальную анкету (я предусмотрительно скопировалъ для памяти всѣ мои отвѣты на отдѣльномъ клочкѣ бумаги, тщательно схоронивъ его въ моемъ платьѣ), онъ отправилъ насъ въ Особый Отдѣлъ штаба.

Послѣдній помѣщался въ губернаторскомъ домѣ — большомъ мрачномъ зданіи, построенномъ чуть ли не въ ХУІІ вѣкѣ съ массой корридоровъ, корридорчиковъ, темныхъ клѣтушекъ и закоулковъ. Не будь съ нами провожатаго особиста мы заблудились бы въ этомъ отчаянно-запутанномъ, затхломъ отъ спертаго воздуха, лабиринтѣ.

Короткій зимній день быстро догоралъ.

Какая то тоска и ничѣмъ необъяснимая жуть заползли въ мою душу, когда мы, словно тѣни въ Дантовскомъ аду, блуждали по корридорамъ этого мрачнаго зданія.

Типичная картина изъ Средневѣковья.

Мы — жертвы, ведомые на судилище Инквизиціи.

Насъ вызвали въ длинную и не менѣе мрачную нежели прочія, комнату, гдѣ въ сторонѣ за массивнымъ столомъ сидѣло три субъекта и злобно поглядывало на насъ, въ то время какъ сидѣвшій у окна человѣкъ съ каторжной физіономіей приступилъ къ допросу. Человѣчекъ этотъ оказался слѣдователемъ, а субъекты, сидѣвшіе въ сторонѣ — знаменитой тройкой, отъ рѣшенія которой зависѣла дальнѣйшая участь каждаго изъ насъ.

— Разстрѣлять бы всю эту бѣлогвардейскую рвань... Ну да ихъ счастье: смертная казнь отмѣнена... процѣдилъ сквозь зубы одинъ изъ судей при нашемъ появленіи.

Допросъ былъ недологъ. Въ своихъ отвѣтахъ я держался тѣхъ же показаній, что и въ только что заполненной мною анкетѣ.

Черезъ часъ насъ вели въ одинъ изъ подваловъ этого же зданія, гдѣ помѣстили вмѣстѣ съ ранѣе арестованными комиссарами, коммунистами и прочимъ уголовнымъ элементомъ.

На слѣдующій день насъ перевели въ тюрьму.

Восемь дней, проведенные мною въ курс-

кой тюрьмѣ, будутъ памятны мнѣ до конца дней моихъ. Я не посѣдѣлъ, подобно другимъ, но нѣсколько прядей сѣдыхъ волосъ (мнѣ 26 лѣтъ) останутся тяжелымъ наслѣдіемъ этихъ кошмарныхъ часовъ.

Арестованныхъ размѣщали въ камерахъ по пять и по восемь душъ въ каждой. Кромѣ прочихъ заключенныхъ здѣсь сидѣли также жены красныхъ офицеровъ, не успѣвшія по тѣмъ или инымъ причинамъ, бѣжать при отступленіи бѣлыхъ вмѣстѣ со своими мужьями. Ихъ взяли въ тюрьму въ качествѣ заложницъ. Ими помыкалъ и надъ ними издѣвался всякъ (изъ «начальства») кому не лѣнь была. Заставляли въ присутствіи остальныхъ заключенныхъ отправлять въ камерахъ на глазахъ у всѣхъ свои естественныя надобности и т. п.

Въ одной изъ камеръ чекисты, воспользовавшись уводомъ мужчинъ на допросъ, набросились на молодую 23-лѣтнюю заключенную и въ теченіе двухъ часовъ насиловали ее по очереди. Несчастная, впавъ въ безсознательное состояніе и, лишь спустя долгое время послѣ истязаній прійдя въ себя, пыталась въ припадкѣ отчаянія удавиться, но безрезультатно и впослѣдствіи, кажется, сошла съ ума.

А вотъ другая молодая прелестная 26-ти лѣтняя женщина, заключенная вмѣстѣ со мною въ одной камерѣ. У несчастной былъ ребенокъ и, такъ какъ насъ совершенно не кормили, то ребенокъ съ каждымъ днемъ медленно угасалъ

на рукахъ у матери. Однажды въ приступѣ безысходнаго горя несчастная мать хватила ребенка головой о стѣну.

Послѣ этого событія всѣхъ женщинъ перевели куда-то. Мы же продолжали голодать въ ожиданіи томительнаго приговора.

Насъ, повторяю, не кормили совершенно: ¼ фунта ужаснѣйшаго хлѣба и немного теплой бурды единожды въ сутки — вотъ весь нашъ паекъ. Обезсилили и истощились мы страшно въ теченіе первыхъ же трехъ дней заключенія. Вдобавокъ въ тюрьмѣ, какъ и по всей тогдашней Россіи, гулялъ сыпнякъ. Всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ по тифу заключенныхъ мы старались укрывать у себя же въ камерахъ, такъ какъ попасть въ т.-н. «тифозную» камеру (тюремная больница была переполнена и туда не принимали) — это значитъ самому себѣ подписать смертный приговоръ.

Больше того: такъ какъ все же всѣхъ скрыть не было возможности и кое-кто изъ бѣлыхъ попадалъ въ тифозную камеру, то, даже выздоровѣвъ, онъ все же рисковалъ погибнуть. При допросахъ никто себя «добровольцемъ», понятно, не признавалъ и чекисты не могли придраться (тѣмъ болѣе, что и разстрѣлы были отмѣнены). Зато впослѣдствіи многіе изъ бѣлыхъ, проболтавшіеся въ бреду и тѣмъ выдававшіе себя головой, были, при вынесеніи приговоровъ «временно оставлены при тюрьмѣ впредь до выздоровленія», что на особистскомъ

жаргонѣ равнозначно было замаскированному разстрѣлу.

Итакъ, какъ я только что сказалъ, изголодался я за первые дни заточенія до того, что думалъ съума сойду. А здѣсь еще эти ежедневныя картины издѣвательствъ и глумленій надъ заключенными со стороны начальства тюрьмы — въ прошломъ бывшаго уголовнаго элемента. За два дня до освобожденія моего я, въ поискахъ хоть небольшихъ крохъ завалявшагося гдѣ-нибудь табака (отсутствіе послѣдняго мучило не менѣе голода), обнаружилъ въ боковомъ, предназначенномъ для часовъ, карманчикѣ солдатскихъ брюкъ, что-то твердое, на ощупь металлическое. Вытаскиваю: о, чудо небесное! Прелестная, дамская брошка съ рядомъ чудеснѣйшихъ рубиновъ.

Переговоривъ съ караульнымъ я упросилъ его загнать находку и на часть вырученныхъ денегъ купить провизіи.

Послѣдній, возвратившись послѣ смѣны, сообщилъ мнѣ, что брошку продалъ за шесть тысячь рублей съ лишнимъ (очевидно этотъ «лишекъ» составлялъ столько же). На двѣ тысячи накупилъ провизіи, а остальныя деньги, удержавъ за услуги тысячу, мнѣ возвратилъ.

Эта неожиданная находка весьма и очень поддержала не только меня, но и товарищей моихъ по заключенію.

Наконецъ, насъ выпустили изъ тюрьмы и передали въ распоряженіе коменданта города.

Снова, выстроивъ въ рядъ, окружили конвойными. Старшему вручили казенный пакетъ и мы зашагали по улицамъ города подъ безучастными взглядами обывателей.

Комендантъ города—молодой матросъ лѣтъ 23-хъ, распечатавъ пакетъ, огласилъ приговоръ коллегіи Особаго Отдѣла Южфронта.

Братьевъ Давыдовыхъ, какъ перебѣжавшихъ («не доказано») изъ Рабоче Крестьянской Арміи къ бѣлымъ, заключить до окончанія гражданской войны въ архангельскій концлагерь. Всѣхъ прочихъ офицеровъ—на сроки отъ трехъ до пяти лѣтъ, также въ лагери архангельскій и астраханскій (чумный). Профессора-марковца, документально доказавшаго, что попалъ онъ въ плѣнъ къ бѣлымъ въ началѣ 19-го года, работая у красныхъ по укрѣпленію крѣпости Очаковъ,—отъ наказанія освободить и отправить въ Москву въ распоряженіе Наркомпроса.

Мнѣ, какъ насильственно-мобилизованному несознательному элементу, простить временное заблужденіе передъ совѣтской властью и отправить на фронтъ черезъ Харьковъ.

Старичка-чиновника по старости лѣтъ отъ наказанія освободить и также отправить на фронтъ.

Здѣсь же насъ разъединили. Тереховъ едва успѣлъ передать мнѣ письмо къ своей женѣ въ Харьковъ, но будучи страшнымъ ревнивцемъ, адресовалъ его не ей лично, а черезъ какихъ-то знакомыхъ «для передачи».

Меня съ чиновникомъ помѣстили въ прибывшую сейчасъ же вслѣдъ за нами партію красноармейцевъ, отбывавшихъ дисциплинарныя взысканія при Особомъ Отдѣлѣ штаба Южфронта (кто за опозданіе изъ отпуска, кто за дезертирство и т. п.)

Комендантъ обратилъ на меня вниманіе, спросивъ:

— Вы, вахмистръ?

Вытянувшись, я молодцевато откозырялъ:

— Такъ точно, товарищъ комендантъ.

Вижу, что моя выправка и дисциплинированность мальчишкѣ понравились.

— Ну такъ вотъ что. Вы, вахмистръ, и будете старшимъ.

— Слушаюсь, товарищъ комендантъ.

Комендантъ отдалъ распоряженіе и въ теченіе получаса намъ приготовили одинъ общій документъ на всѣх, литеръ на проѣздъ и т. д.

Всего набралось насъ восемь человѣкъ. На вокзалъ идти было поздно. Я обратился къ красноармейцамъ:

— Ну что жъ, товарищи, теперь куды? Поѣзда, навѣрное, до утра не будетъ, И это до утра на вокзалѣ болтаться. Да и продуктовъ, вѣрно, ужъ не выдадутъ: поздно. Давайте попросимся переночевать здѣсь. А завтра съ утра и пойдемъ...

— Вѣрно, товарищъ.

— Ну такъ отправляйтесь ка кто-нибудь къ коменданту и проситесь...

— Что-жъ вы и идите:. Вы — старшій.

Отправился къ коменданту и изложилъ нашу просьбу.

— Ладно, я прикажу сейчасъ. Васъ размѣстятъ на кухнѣ и накормятъ.

— А мнѣ, товарищъ комендантъ, разрѣшите въ городъ сходить?

— Да, пожалуй. Вы теперь свободный человѣкъ, куда угодно.

Размѣстилъ свою команду. А самъ, захвативъ чиновника (ужъ больно жаль было бросать старика да и онъ за меня уцѣпился какъ за родного), направился къ вокзалу.

Мятель на улицѣ слѣпитъ глаза, сбиваетъ съ ногъ и мететъ по краямъ дороги громаднѣйшіе сугробы. На путяхъ стоитъ поѣздъ. Большинство вагоновъ — холодныя «теплушки» безъ печей, уже съ утра биткомъ-набитыя народомъ. Лишь кое-гдѣ недурно-обшитые вагоны съ дымящимися печками. Попасть въ одинъ изъ послѣднихъ невозмжно, ибо согласно послѣдняго приказа: «врывающіеся въ вагоны - теплушки, отведенныя для отвѣтственныхъ сотрудниковъ совучрежденій, подлежатъ аресту со стороны агентовъ Орточеки и передачѣ суду Ревтрибунала». Погрузиться же въ холодную теплушку да еще въ нашемъ одѣяніи это значитъ обречь себя на вѣрную смерть.

Подошелъ къ блуждающимъ по шпаламъ словно тѣни, желѣзнодорожникамъ и разговорился. Большинство изъ нихъ харьковцы и

лишь теперь, съ отправляющейся этимъ составомъ бригадой, получаютъ возможность пробраться къ себѣ домой. Выдалъ себя за «щираго» украинца и заговорилъ на «мовѣ».

Разоткровенничались. Желѣзнодорожники ругательски ругаютъ большевиковъ. На мой вопросъ: когда уйдетъ поѣздъ — лишь усмѣхаются:

— Раньше утра не уйдетъ, а можетъ «у середу» (сегодня понедѣльникъ).

Что тутъ предпринять?

Потолкались мы по станціи часа полтора. Чуть ли не черезъ каждые 10 минутъ я терзалъ дежурнаго по станціи вопросомъ:

— Когда же уйдетъ поѣздъ?

И до того надоѣлъ ему, что онъ едва замѣтивъ мое приближеніе къ нему, кричалъ мнѣ издали:

— Неизвѣстно, неизвѣстно...

Хорошо еще, что я успѣлъ тотчасъ же по приходѣ на станцію отправиться къ этапному коменданту и получить продовольствіе на восемь человѣкъ , не малую толику котораго мы тутъ же съ чиновникомъ уничтожили.

Было около 11-ти часовъ ночи. Стоя у станціонныхъ дверей и, похлопывая рукой объ руку, постукивая ногой о ногу, я тщетно старался согрѣться.

Въ это время къ дежурному по станціи подошелъ высокій господинъ въ инженерной фуражкѣ съ богатой дохой на плечахъ. Странно

поразили меня его глаза. Глубокіе, темные и такіе печальные. Если не ошибаюсь, такіе глаза описаны у одного изъ героевъ виднаго еврейскаго писателя (кажется Юшкевича). Взглядъ травимаго, загнаннаго существа — исключителная особенность нѣкоторыхъ характерныхъ представителей этого гонимаго племени.

Я засмотрѣлся на инженера, обратившагося къ дежурному съ аналогичнымъ моему вопросомъ.

Возмутившись его безразличнымъ отвѣтомъ, инженеръ замѣтилъ:

— Двое сутокъ проторчать и не выѣхать.. Чортъ знаетъ что!

Я поддержалъ его, озлобленно негодуя на станціонные порядки.

Инженеръ спросилъ меня:

— Вы куда ѣдете, товарищъ?

— Въ Харьковъ.

— А мѣсто у васъ есть? — онъ сомнительно окинулъ мою бекешу и съ особеннымъ состраданіемъ оглядѣлъ старичка-чиновника, скрючившагося отъ холоду что называется въ три погибели и походившаго на вопросительный знакъ или что-то въ этомъ родѣ.

— Нѣтъ. Въ томъ то и дѣло, что если и пойдетъ поѣздъ, то я, право, не знаю какъ мы поѣдемъ? Сѣсть же въ т. н. «теплушку» это значитъ навѣрняка пріѣхать обмороженнымъ.

— Вотъ что. Я отправлюсь къ моимъ со-

трудникамъ. И если они ничего не будутъ имѣть противъ, я помѣщу васъ къ себѣ.

Черезъ пять минутъ мы полулежали у теплой печки въ недурно-оборудованной теплушкѣ, гдѣ кромѣ инженера помѣщалось еще три техника.

Передъ тѣмъ какъ мы взбирались внутрь у насъ спросили:

— Вшей у васъ нѣтъ, конечно!

На что я и за себя и за старичка поспѣшилъ отвѣтить:

— Что вы! Только въ субботу въ баню ходили.

Здѣсь то и начались наши мученія. Изъ вагона часто выскакивать опасно: еще нарвешься. На морозѣ наши вши все же не такъ давали себя чувствовать. У теплой же печки мы переживали муки Тантала. Почесаться — значитъ дать понять хозяевамъ, что мы кишмя кишимъ паразитами. А не чесаться — не было силъ.

Я терпѣлъ сколько возможно было. Старичекъ же, разнѣжившись у тепла, не переставалъ скрести себя во всю.

Это было время, когда Ленинъ изрекъ свое знаменитое: «или совѣтская власть побѣдитъ вошь или вошь побѣдитъ совѣтскую власть». Людямъ казалось, что наступаютъ послѣдніе дни, ибо тифъ косилъ направо и налѣво.

Изъ вагоновъ заболѣвшихъ выносили ежедневно десятками, а на ихъ мѣста втискива-

лись сейчасъ же новые пассажиры — новыя жертвы.

Вполнѣ понятно, что наши милые хозяева опасались заразы. Правда, уже на второй день нашего совмѣстнаго пребыванія въ теплушкѣ они, какъ ни остерегались, находили и у себя непрошенныхъ гостей. Но выгнать насъ изъ вагона было бы слишкомъ жестоко съ ихъ стороны и они промолчали.

На станціи Курскъ мы простояли четверо сутокъ. Я со старичкомъ носа изъ вагона не показывали.

Наконецъ, двинулись.

Отъ Курска до Харькова мы тащились почти четыре дня. Уже на вторыя сутки мы со старичкомъ начали голодать. Попутчики наши вначалѣ удѣляли намъ что могли изъ своихъ запасовъ, а затѣмъ въ скорости и сами подверглись нашей участи, такъ какъ достать что либо изъ съѣстного на остановкахъ почти невозможно было.

А въ послѣдніе дни пути мы всѣ были голодны какъ звѣри и съ нетерпѣніемъ ожидали Харькова.

Въ ночь наканунѣ пріѣзда мнѣ пришлось по дежурству топить печку. Страдавшій безсонницей инженеръ, подсѣвъ ко мнѣ, завелъ тихую бесѣду и мы разговорились, не замѣчая времени.

Какъ будто съ давнишнимъ знакомымъ я дѣлился съ нимъ всѣмъ пережитымъ и, ничего

не утаивая отъ него, повѣдалъ ему свою повѣсть. Съ непередаваемымъ интересомъ слушалъ меня инженеръ. И долгіе часы зимней ночи пролетѣли въ увлекательной бесѣдѣ словно мигъ.

Однимъ глазомъ онъ видѣлъ нашу Добровольческую армію во время ея кратковременнаго пребыванія въ Кіевѣ и лишь на этихъ своихъ одностороннихъ наблюденіяхъ рѣшился строить всѣ свои выводы и заключенія.

Я же нарисовалъ ему картину исторіи зарожденія бѣлаго движенія, его цѣли и идеалы и настаивалъ на томъ, что нельзя на основаніи единичнаго и частнаго судить о цѣломъ.

— То, что я простилъ бы краснымъ (въ массѣ своей подлинно революціонерамъ, хотя и безсознательнымъ), того я не могъ простить бѣлымъ, возвѣстившимъ лозунги псевдо-демократической Россіи. Чѣмъ ваше движеніе чище и возвышеннѣе коммунистическаго, имѣющаго въ своемъ основаніи марку хоть дикой, но все же великой идеи?

Лишь подъ утро я задремалъ немного съ тѣмъ чтобы вскочить ужъ подъ самымъ Харьковымъ.

Съ инженеромъ, несмотря на нашъ ночной споръ (или, вѣрнѣе, именно благодаря ему) мы разстались друзьями. Онъ былъ спѣшно вызванъ изъ Кіева въ Харьковъ для какого-то срочнаго обслѣдованія Донецкаго бассейна и предполагалъ остановиться въ помѣщеніи

Совѣта Съѣзда Горнопромышленниковъ Юга Россіи, куда и просилъ меня въ случаѣ надобности обратиться къ нему.

Я снова въ Харьковѣ.

Сколько воспоминаній... Сколько чудныхъ дней и незабываемыхъ ночей пришлось провести въ этомъ миломъ и уютномъ, ставшемъ подъ конецъ чуть ли не роднымъ мнѣ городѣ.

И вотъ сейчасъ я снова въ немъ. Но ужъ не какъ блестящій кавалеристъ-дроздъ, а какъ преслѣдуемый, словленный большевиками, военноплѣнный бѣлый.

Видъ у меня страшнѣйшій. Заросшій бородой до ушей, грязный и вшивый съ истрадавшимся, помятымъ лицомъ я похожъ былъ на кого угодно, но только не на интереснаго ротмистра Скулина.

И шагаемъ мы съ несчастнымъ старичкомъ (тоже, съ позволенія сказать, опаснымъ для совѣтской власти врагомъ) по Сумской, разыскивая знакомыхъ капитана Терехова, къ которымъ у насъ отъ него письмо и гдѣ, мы надѣемся, намъ дадутъ поѣсть и предложатъ переночевать.

Нашли..

Старичекъ, котрому такъ не хотѣлось, несмотря на звѣриный голодъ, покидать теплушку, въ предвкушеніи близкаго тепла, дернулъ за звонокъ изо всей силы.

За стѣной послышалось испуганное «кто тамъ»?

Нашъ спокойный отвѣтъ: «письмо вамъ отъ Аркаши Терехова» и насъ впустили въ пустой, ледяной корридорчикъ.

Не дожидаясь приглашенія пройти въ слѣдующую комнату къ теплу и свѣту, мы шагнули вепредъ.

Взглянувъ пристально на сидѣвшую у окна старушку, я вдругъ узналъ и ее, и даму, и квартиру эту, въ которой я сотни разъ бывалъ.

До чего за эти дикіе дни все перепуталось въ моей несчастной «корокбѣ», что лишь къ вечеру я разыскалъ домъ, который раньше такъ часто посѣщалъ и гдѣ передъ нашимъ постыднымъ бѣгствомъ оставилъ мѣшки съ мукой, сахаромъ и прочими недосягаемыми при совѣтскомъ строѣ вещами.

Старичекъ-чиновникъ безъ спроса направился къ теплой печкѣ и началъ обогрѣваться, я же остановился у окна. Дама, открывшая намъ двери, начала разспрашивать меня гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ я разстался съ мужемъ ея знакомой. Потирая замерзшія руки, я приступилъ къ разсказу, а глаза мои въ это время рыскали по комнатѣ, выискивая что-либо изъ съѣстного, на чемъ онѣ могли бы многозначительно и понятно для хозяевъ остановиться.

Помогъ быстро обогрѣвшійся старичекъ:

— Мы три дня ничего не ѣли... — жалобно протянулъ онъ.

— У насъ, родные, у самихъ ничего нѣтъ. Столько разъ обыскивали, весь домъ перерыли. Ничего не оставили...

Старичекъ чуть не захныкалъ.

Я же, какъ охотничья собака, потянувъ носомъ, почуялъ запахъ чего-то вкуснаго, вродѣ пирога, исходящій изъ угловой комнаты (какъ потомъ оказалось кухни).

Не вытерпѣвъ, я вышелъ на середину комнаты, ближе къ свѣту и болѣзненно выкрикнулъ:

— Марья Михайловна, неужели не узнаете?

Дама перепугалась, вглядѣлась въ меня (она была близорука) и всплеснула руками:

— Голубчикъ, Иванъ Николаевичъ, вы ли это?

Я же, взбѣшенный этимъ гнустнымъ пріемомъ, ринулся въ корридоръ, что-бы бѣжать отъ этихъ подлыхъ, червивыхъ людишекъ.

Марья Михайловна догнала меня у выходной двери:

— Иванъ Николаевичъ, простите, родной. Вѣдь такъ трудно было васъ узнать... Куда вы? она схватила меня за пальто.

— Пустите меня. Сегодня третій день, какъ я во рту ничего не имѣлъ, но все же у васъ ѣсть сейчасъ я буду не въ состояніи... Я знаю, что все, что вы сказали — ложь. Ничего у васъ не отобрали и все, вѣрно, схоронено. А на

кухнѣ — пирогъ съ яйцами (какъ будто угадалъ)..

Я выскочилъ на улицу и сталъ за угломъ. Спустя немного, изъ дому вышелъ старичекъ, бережно неся что-то въ рукахъ и обратился ко мнѣ съ наполненнымъ ртомъ:

— Иванъ Николаевичъ, цѣлый пирогъ дали... А ночевать все же не предложили бестіи. Дали лишь адресъ этой дамочки, къ которой у васъ письмо.

Глядя на жующаго и съ шумомъ проглатывающаго аппетитно-пахнущій пирогъ старичка, я до боли сжалъ зубы, а слюна сама собой катилась изо рта. Наконецъ, не выдержавъ, я въ слезахъ обратился къ насытившемуся старику, безъ словъ отломилъ кусокъ пирога и жадно проглотилъ его.

Ахъ, жизнь ты звѣриная.. До какого жъ паденія доведешь ты вѣнецъ вселенной — человѣка.

* * *

Жена капитана Терехова (будемъ ее называть Еленой Феодоровной) жила у Пушкинскаго въѣзда. Кто знаетъ Харьковъ, тотъ разсчитаетъ какой кусокъ намъ пришлось отмахать покамѣстъ мы добрались до этого въѣзда.

Былъ 12-й часъ. Не забывайте, что дѣло происходило при совѣтской власти, зимой да еще въ городѣ только отвоеванномъ у бѣлыхъ,

объявленномъ на осадномъ положенiи съ разстрѣломъ всѣхъ задерживаемыхъ послѣ 9-ти безъ пропуска и т. п.

Но намъ, храбрецамъ, терять было нечего и мы смѣло брели по пустыннымъ и темнымъ улицамъ и переулкамъ.

Наконецъ, разыскали нужный намъ нумеръ дома. Проникли въ ворота, которыя, къ счастью оказались незапертыми, взобрались на 4-ый этажъ, стучимъ.

Гдѣ-то пробило 12.

Стучимъ добрыхъ минутъ десять, наконецъ шаги:

— Кто тамъ?

— Можно видѣть Елену Феодоровну?

— А вы кто будете?

— Знакомые, по дѣлу...

— Шаги удалились. Слышенъ стукъ въ дальнюю дверь и заглушенный шопотъ:

— Елена Феодоровна, къ вамъ.

Прошло еще тягостныхъ десять минутъ. Снова за дверью взволнованный женскiй голосъ:

— Кто тамъ?

— Елена Феодоровна?

— Я.

— Вамъ отъ мужа письмо. Ради Бога, откройте. Мы замерзли.

На смерть перепуганная Елена Феодоровна приняла насъ такъ, какъ никто нигдѣ не принималъ, несмотря на нашъ сильно непрезента-

бельный видъ и, главное, на столь поздній часъ.

Заснули мы въ ту ночь на полу въ ея комнатѣ какъ убитые.

Утромъ просыпаемся: въ комнатѣ никого, у изголовья каждаго изъ насъ по смѣнѣ чистаго бѣлья, а на столѣ шумитъ самоварчикъ, стоитъ блюдо съ искусно-приготовленной селедкой и корзинка съ нарѣзаннымъ хлѣбомъ.

Позавтракавъ и поблагодаривъ хозяйку за пріютъ, я распрощался, рѣшивъ поискать коекого въ городѣ. Старичекъ же, несмотря на неудобство злоупотреблять гостепріимствомъ одинокой дамы, расположился у нея въ комнатѣ, какъ у себя въ домѣ, боясь носъ на улицу показать.

Побродивъ по Харькову, разыскалъ кое-кого изъ старыхъ знакомыхъ, нѣкогда многимъ мнѣ обязанныхъ. Досталъ взаймы немного денегъ, а также и съ ночевкой устроился недурно.

Дня черезъ три встрѣчаю старичка.

— Что жъ, Иванъ Николаевичъ... Когда же мы въ коменданское отправимся? Я ужъ хочу скорѣй на мѣсто...

Условились на слѣдующій день сойтись вмѣстѣ и явиться къ коменданту города.

Прощаясь, старикъ замѣтилъ:

— А ужъ Елена Феодоровна вами недовольна. Говоритъ: «такую услугу мнѣ оказалъ

и вдругъ скрылся, даже поблагодарить его, какъ слѣдъ, не успѣла».

Я промолчалъ.

Вотъ я въ харьковскомъ коменданскомъ управленіи, помѣщающемся въ той же гостинницѣ, гдѣ не такъ давно помѣщалось наше комендантское.

Вмѣстѣ съ разношерстной преимущественно военной, толпой брожу по лѣстницамъ и корридорамъ въ ожиданіи пріема у коменданта.

Кругомъ—шумящая солдатня, дикій смѣхъ и болтовня, лузганье зеренъ.

Вдругъ, что это? Неужели мнѣ померещилось?

Впереди меня, вытянувшись у стѣны—мой старый вѣстовой, верзила Ухарчукъ, приложивъ руку къ козырьку, рубитъ во всю глотку:

— Здравія желаю, господинъ ротмистръ.

У меня голова пошла кругомъ.

Нѣсколько проходившихъ красныхъ, приняли всю эту, длившуюся не болѣе пяти секундъ, сцену за шутку, — все же остановились, косо подозрительно оглядѣвъ меня.

— Убери свои руки. Ради Бога, убери руки! прошипѣлъ я.

— Та, господинъ ротмистръ... — идіотъ, приблизившись ко мнѣ, радостно оскаблился.

— Ради Бога, не называй ты меня, дубина стоеросовая, «господинъ ротмистръ».

— Пойдемъ. — дернувъ его за рукавъ, я потащилъ его за собой.

Во дворѣ я далъ волю своему гнѣву и чуть не избилъ его.

— Что жъ ты, мерзавецъ, не понимаешь, что могъ погубить меня, безъ ножа зарѣзать..

— Такъ точно, госп.. — снова руку къ козырьку.

— Перестань ты козырять, дъяволъ тебя бери.. Сейчасъ же забудь, что я, ротмистръ, слышишь.. Я — товарищъ Скулинъ, понялъ.

— Такъ точно: ротм.. товарищъ Скулинъ.

И, расчувствовавшись, Ухарчукъ обнялъ меня, расцѣловалъ и заплакалъ.

За годы германской кампаніи и нашего добровольческаго движенія Ухарчукъ былъ для меня отцомъ, братомъ, товарищемъ и нянькой.

Усѣвшись на кучѣ бревенъ у воротъ комендантскаго управленія, мы съ полчаса покалякали по душамъ, а затѣмъ, опасаясь все же съ его стороны новаго напора чувствъ, я выпроводилъ его за ворота, предварительно записавъ его адресъ.

Было время идти на пріемъ къ коменданту.

Комендантомъ Харькова былъ въ это время нѣкій Гринбергъ — интеллигентный 24-лѣтній вольноопредѣляющійся. *)

---

*) Какъ мнѣ случайно пришлось узнать, этотъ Гринбергъ, служа въ одной изъ нашихъ гвардейскихъ частей былъ издѣвательствами и преслѣдованіями со стороны сво-

Когда я со старичкомъ-чиновникомъ подошелъ къ нему и подалъ нашу препроводительную бумагу, онъ, не подозрѣвая, что мы военноплѣнные (насъ вѣдь помѣстили въ общій списокъ съ красноармейцами-дезертирами), спросилъ:

— Вы какого рода оружія, товарищъ?

— Я — кавалеристъ.

— Слушайте, товарищъ, вы хотите попасть въ хорошую часть?

Я усмѣхнулся:

— Да мнѣ, признаться, пріятнѣй было бы домой попасть..

— Ой, домой.. Я бы самъ въ Витебскъ обоими руками и ногами, но что жъ подѣлаешь — служба. Вотъ погодите: раздѣлаемся съ бѣлыми до конца, тогда сразу всѣ по домамъ.. Знаете, я васъ направлю въ такую часть, что вы мнѣ вѣкъ будете благодарны.. Это ужъ часть..

— Куда же?

— Въ Полтаву.. Тамъ мы спѣшно формируемъ сейчасъ латышскую кавалерійскую бригаду. Такъ это жъ будетъ бригада.. комендантъ, сладострастно закативъ глаза, даже причмокнулъ.

Я задумался, а затѣмъ, придавъ своему

его начальства доведенъ до такого состоянія, что не считаясь съ опасностями, стоящими на пути „перебѣжчика" перешелъ въ моментъ наибольших успѣховъ Доброарміи къ краснымъ, сдѣлавшись у нихъ однимъ изъ идейныхъ и на рѣдкость честнымъ коммунистомъ.

лицу какое-то искуственно-проникновенное выраженіе, замѣтилъ:

— Я, конечно, товарищъ комендантъ, считаю за высокую честь попасть въ латышскую бригаду, — я порывисто схватилъ его за руку и крѣпко пожалъ ее, что его, видимо, сильно растрогало, — но, знаете, я до того издергался и измотался, что здоровье мое совершенно разстроено. Попасть бы мнѣ на комиссію и хоть разъ въ жизни получить мѣсячный отпускъ. Вѣдь у меня до сихъ поръ еще не зажила старая рана.. (мое сентябрьское раненіе дѣйствительно еще не совсѣмъ затянулось и иногда основательно давало себя чувствовать).

Я бросился разматывать обмотки, чтобы показать ему рану.

Комендантъ нахмурился:

— Оставьте, я не врачъ.. — и, подумавъ, — ну что жъ, быть по вашему.. Ужъ очень вы, товарищъ, красно говорите. Я вотъ сдѣлаю на вашемъ документѣ отмѣтку, вы отправитесь въ комнату № 16 и васъ тамъ запишутъ на комиссію.

Я снова разсыпался передъ комендантомъ мелкимъ бѣсомъ, благодаря его за «вниманіе къ нуждамъ красноармейцевъ и товарищеское мягкосердечіе».

Послѣ меня къ нему подошелъ старичекъ.

Опять таки, не называя себя, согласно нашего уговора, плѣннымъ, онъ захныкалъ:

— Мнѣ бы въ Москву, гдѣ я раньше служилъ (онъ назвалъ какой-то «продвоенснаб»), вѣдь мнѣ ужъ 57-ой годъ пошелъ.

Почему-то расчувствовавшійся комендантъ согласился отправить старика въ Москву.

Я же — бѣгомъ въ комнату № 16.

* * *

Особенностью совѣтской Россіи является чуть ли не поголовное состояніе всего маломальски грамотнаго населенія на службѣ.

Всѣ, какъ военныя, такъ и гражданскія учрежденія, переполнены главнымъ образомъ женскимъ, правильнѣе было бы сказать дѣвическимъ, элементомъ. Вездѣ барышни, барышни и еще разъ барышни.

Въ какую комнату не заглянешь, всюду сидятъ и строчатъ болѣе или менѣе молоденькія, затянутыя, а подчасъ и надушенныя (это въ совѣтской то республикѣ) дѣвушки. Въ «соціалистическомъ раю» женскій трудъ забилъ окончательно на служебномъ поприщѣ сильную половину рода человѣческаго.

Въ комнатѣ № 16, у длиннаго, заваленнаго бумагами, стола сидѣла молоденькая, лѣтъ 19-ти блондинка и что-то строчила подъ гулъ шумящей вокругъ солдатни. Многіе, сгрудившись вокругъ нея стѣной, какъ свиньи налеглись на столъ и, глядя черезъ плечи впереди стоящихъ, тянулись со своими документами и назойливыми просьбами.

Бѣдняжка раскраснѣлась отъ волненія. Вдобавокъ и разговорчики вокругъ не отличались изысканностью выраженій. А подчасъ, въ связи съ нареканіями на медленность работы съ ея стороны, раздавались по ея адресу замысловатыя трехстепенныя ругательства.

Я попалъ въ эту толпу.

Каждый суется впередъ со своей бумажкой.. Каждому хочется записаться поскорѣй и раньше другихъ попасть на комиссію.

Наконецъ, дошла очередь до меня.

Взявъ мой документъ и отмѣтивъ у себя мою фамилію, барышня спросила какой я части, ибо форма заполняемаго ею бланка требовала этого: въ препроводительной же бумагѣ отъ коменданта гор. Курска значилось лишь «красноармейцы, прибывшіе изъ заключеніе при Особомъ Отдѣлѣ штаба Южфронта» (очевидно, противъ моей фамиліи тамъ упустили сдѣлать отмѣтку «военноплѣнный»).

Я растерялся.

Какъ это раньше не пришло мнѣ въ голову, что у меня могутъ спросить «какой я части»..

Я зналъ поименно многія большевистскія части, но вѣдъ назови я себя принадлежашимъ къ одной изъ нихъ и вдругъ рядомъ со мной окажется дѣйствительный солдатъ этой части...

Вѣдь тогда я навѣрняка погибъ.

Но что-то необъяснимое осѣнило меня вдругъ и я, сдѣлавъ звѣрское лицо (особыхъ усилій мнѣ для этого не потребовалось), гаркнулъ:

— Какой части? Что жъ ты, туды твою мать, неграмотна, што ль? И на што васъ здѣсь держатъ саботажницъ бѣлогвардейскихъ?

— Какой я части? — я стукнулъ моимъ волосатымъ кулачищемъ по столу и сунулъ мой документъ подъ самый носъ поблѣднѣвшей барышнѣ:

— Читай...

Толпа радостно загоготала:

— Правильно, товарищъ... Вотъ это дакъ поддѣлъ...

А другой поддержалъ:

— Она, паскуда, съ самаго утра насъ здѣсь водитъ. Безпремнѣнно афицерская курва,.Усѣ онѣ сюды позабирались...

У несчастной дѣвушки выступили слезы на глазахъ. И она, схвативъ ближайшій бланкъ начертала: «Скулинъ Иванъ. Красноармеецъ Особаго Отдѣла Штаба Южфронта».

Итакъ по мановенію пера, я, благодаря моей выходкѣ, превратился изъ военноплѣннаго дрозда въ солдата Красной Арміи да еще служащаго въ Особомъ Отдѣлѣ.

Да проститъ мнѣ оскорбленная мною блондинка мой безстыдный поступокъ. Быть

можетъ, прочитавъ эти строки, она пойметъ, что къ этому меня вынудило мое безвыходное положеніе и я спасалъ тогда свою жизнь.

* * *

На комиссію направлялись сотни и тысячи красноармейцевъ.

Блестящіе успѣхи красныхъ армій на всѣхъ фронтахъ давали власти возможность щедро увольнять бойцовъ въ отпуска, а нѣкоторыя категоріи и вовсе увольнять отъ военной службы.

Разсчитавъ въ первые два-три дня явки, что на комиссію я попаду не скоро да и вообще свою очередь можно пропустить, я вовсе пересталъ ходить на перекличку и предался легкой и беззаботной жизни. У Ухарчука были деньги и я поселился у него, чувствуя себя какъ у Христа за пазухой.

* * *

Въ первыхъ числахъ февраля я провожалъ старичка-чиновника въ Москву. На прощаньѣ, цѣлуя меня, онъ прослезился, замѣтивъ, что я сдѣлалъ для него больше нежели сынъ родной и что онъ это никогда не забудетъ. Относительно же Елены Федоровны снова замѣтилъ:

— Она вами весьма недовольна. Вчера переѣхала изъ Пушкинскаго въѣзда къ матери и просила васъ обязательно загля-

нуть, — при этомъ старикъ сообщилъ мнѣ ея адресъ.

Я воспользовался любезнымъ приглашеніемъ.

Родные Елены Федоровны — милые, славные люди, перебивающіеся со дня на день и какъ всѣ харьковскіе обыватели того времени, — по улицѣ шагающіе съ поникшей главой а въ домѣ трясущіеся отъ малѣйшаго стука въ дверь.

Со своимъ обычнымъ умѣньемъ и дѣловитостью красные раздѣлали городъ во всю.

Какъ полагается, съ ихъ приходомъ все умерло и позакрывалось.

Арестовывали и разстрѣливали безпощадно. Громили и грабили такъ какъ не снилось вѣрно извѣстнѣйшимъ міровымъ громиламъ.

И все это на законнѣйшемъ основаніи

На всякое очередное преступленіе былъ готовъ свѣже-испеченный декретъ Центральной Власти, или же постановленіе мѣстнаго разбойничьяго Ревкома.

Елена Федоровна заинтересовала меня какъ прелестная женщина. Я такъ изголодался по женской ласкѣ теплой. Но... она въ домѣ у матери, я близко знакомъ съ ея мужемъ да и съ нею у меня лишь мимолетное знакомство: это невозможно.

Зато я повелъ наступленіе совершенно въ иную сторону. За чаемъ сидѣла снимающая у родителей Елены Федоровны комнату, пух-

ленькая, бѣлокурая 25-ти лѣтняя нѣмочка. Служила она въ какомъ-то кооперативѣ и какъ видно недурно питалась, ибо формы ея подошли бы и къ 40 лѣтнему возрасту.

Послѣ чая я собрался въ городъ. Нѣмочкѣ также надобно было куда-то по дѣлу и мы отправились вмѣстѣ.

Прошли нѣкоторое время почти молча.

Вспомнивъ свою былую гусарскую удаль, я смѣло взялъ нѣмочку объ руку, прижавъ ея локоть къ своей груди. А дальше манящая игра пошла безъ словъ и мы молча продолжали гулять никого и ничего не замѣчая.

И я, и она — мы вдругъ почувствовали какъ страсть затуманила разсудокъ каждаго изъ насъ. Вся моя предшествовавшая, почти въ теченіе полугода сдержанно-проведенная, жизнь сказалась въ этотъ моментъ...

Я такъ отвыкъ отъ женщинъ...

Въ тупикѣ какого-то тихаго переулка я обнялъ ее за талью и поцѣловалъ въ мягкія, безвольныя губы, запорошенное снѣгомъ лицо, глаза, волосы...

Такъ бродили мы до девяти часовъ.

Возвратились когда въ квартирѣ ужъ всѣ почивали. Нѣмочка прошла въ свою комнату гдѣ для отвода глазъ возилась минутъ десять, а затѣмъ безшумно впустила меня къ себѣ...

. . . .

Я исчезъ на разсвѣтѣ, когда было еще темно и никто не могъ меня видѣть.

Такъ прошла первая недѣля знакомства съ родителями Елены Федоровны.

По вечерамъ я у нихъ — постоянный гость. Нѣмочка за столомъ ведетъ себя невозможно и кидаетъ безпрестанно въ мою сторону страстно-нѣжные и восторженные взгляды любящей женщины.

Меня это злитъ и возмущаетъ, такъ какъ вижу, что Елена Федоровна все подмѣчаетъ и то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, очевидно догадываясь кое о чемъ.

Такъ попалъ я между двухъ огней.

Какъ-то вечеромъ, нѣмочкѣ дѣйствительно понадобилось куда то по дѣлу.

Якобы ничего не замѣчая, я старался не прерывать своего разговора съ отцомъ Елены Федоровны, и разсерженная нѣмочка отправилась въ городъ соло.

Черезъ нѣкоторое время послѣ ея ухода я пересѣлъ поближе къ Еленѣ Федоровнѣ.

Вначалѣ она немного стѣснялась меня. Но, когда я, разговорившись, разошелся во всю, зная чѣмъ взять женщину, она перестала смущаться и къ концу вечера я нѣжно поглаживалъ ея прелестные длинные пальчики.

II-ый часъ ночи.

Отецъ Елены Федоровны предлагаетъ мнѣ остаться ночевать у нихъ, такъ какъ ужъ поздно и домой возвращаться опасно.

Я располагаюсь въ столовой.

Въ это время возвращается изъ города

нѣмочка. Я замѣчаю ея совершенно недвусмысленные взгляды, молящіе о «ласкѣ нѣжной». Но я отвожу свои глаза въ сторону. Я сторонникъ разнообразія во всемъ, особенно въ любви. Еще только вчера я былъ въ объятіяхъ пухлой нѣмочки, а сегодня я хочу обладать восхитительной и пикантной блондинкой...

. . . .

* * *

Была половина февраля. Раздобрѣвшій и недурно выглядѣвшій я направлялся вверхъ по Рымарской къ Ухарчуку, у котораго предполагалъ призанять немного денегъ: ужъ очень часто за послѣднее время посѣщали мы съ Еленой Федоровной Драматическій театръ.

Съ утра у меня былъ небольшой ознобъ и сильно ломило икры ногъ. Но я не обратилъ на это никакого вниманія

Не доходя до поворота на Сумскую, у меня закружилась голова и я, прислонившись къ телеграфному столбу, какъ пластъ соскользнулъ на троттуаръ.

Какъ сквозь сонъ слышу шумъ толпы вокругъ, чей-то шепелявый говорокъ, возбужденно-обсуждающій съ кѣмъ-то какъ со мной поступить.

Всѣ, сбѣжавшіеся на «зрѣлище» давали прекрасные совѣты и каждый ставилъ без-

упречно-вѣрный въ то дикое время діагнозъ: конечно тифъ и только тифъ.

Меня положили въ сани и отправили въ ближайшій госпиталь № 5, (бывшее помѣщеніе женской гимназіи).

Въ госпиталѣ я пришелъ въ себя.

Какъ сейчасъ помню: я и ведущіе меня объ руку проходимъ по палатѣ № 13, самой огромной въ госпиталѣ, вмѣщающей въ себя до 300 человѣкъ.

Больные лежатъ вповалку на соломѣ, кругомъ грязь и безпорядокъ отчаянные.

Маленькій, вертлявый дежурный фельдшеръ распорядился:

— Вотъ здѣсь вы его и положите.

Зная, что представляетъ собою сыпнякъ и увидѣвъ куда меня предполагаютъ положить, я мысленно распрощался съ жизнью. Но тутъ желаніе жить такъ громко заявило о себѣ что, очнувшись, я заоралъ:

— Что, здѣсь меня положить?.. Бацъ.. со всего размаху я ударилъ маленькаго фельдшера по шеѣ.

— Я васъ мерзавцевъ въ порошокъ изотру... Немедленно подать сюда дежурнаго врача.

Прибѣжалъ перепуганный докторъ:

— Товарищъ..

— Вы знаете кто я?.. Я — соотрудникъ Особаго Отдѣла штаба Южфронта, а вы меня

кладете въ эту могилу.. Гдѣ комиссаръ госпиталя.

Я все болѣе и болѣе приходилъ въ ражъ, чуть ли не повѣрилъ самому себѣ, что я дѣйствительно особистъ.

Явился комиссаръ съ револьверомъ въ кобурѣ.

— Вы, товарищъ комиссаръ?

— Я.

— Что жъ это у васъ дѣлается, а?

Комиссаръ хотѣлъ было объясниться, но я не далъ ему говорить.

— Вотъ дайте прибыть сюда нашему Особому, мы вамъ покажемъ... Разгонимъ въ чистую ваше контръ-революцiонное гнѣздо. Ужъ вы будьте покойны.

— Вѣдь это же форменный саботажъ..

Сбѣжался чуть ли не весь персоналъ госпиталя. Меня успокаивали, утѣшали и молили не волноваться, такъ какъ это молъ вредно моей высокой особѣ.

А я, покачиваясь въ это время отъ головокруженiя и тошноты, глядѣлъ какъ безпрестанно шмыгающiе взадъ и впередъ санитары, буквально топчутъ своими сапогами паразитовъ, мирiадами ползающихъ по грязному полу.

* * *

Черезъ часъ я лежалъ въ палатѣ № 9, помѣщающейся на третьемъ этажѣ. Меня выкупали въ чудной ваннѣ, одѣли на меня свѣ-

жее больничное бѣлье и уложили въ блестящую своей бѣлизной кровать.

Вечеромъ пришелъ докторъ, старичекъ-еврей въ очкахъ. Внимательно изслѣдовавъ меня и дважды переспросивъ «вы не кашляете?», — онъ прописалъ мнѣ какую-то кисловатую микстуру и удалился.

Въ палатѣ нашей, большой и свѣтлой комнатѣ — 12 больныхъ.

По одну сторону отъ меня — полковникъ Толкушкинъ (большевистская persona grata) — бывш. начальникъ укрѣпленнаго района Москвы въ періодъ деникинскаго марша отъ Орла. По другую сторону — нѣкій докторъ Николаевъ, старый коммунистъ (а по моимъ дальнѣйшимъ наблюденіямъ попросту психопатъ и подлецъ большой руки).

Въ нашу палату помѣщали исключительно отвѣтственныхъ соотрудниковъ Соввласти.

И вотъ я въ ихъ числѣ.

Палату обслуживали двѣ сестры милосердія: Нина и Зина, упомянутый уже мною докторъ и санитары.

Сестры — недурненькія, миловидныя дѣвушки, работали, можно сказать, безукоризненно, но относились ко всѣмъ намъ чрезвычайно холодно, со мной же держали себя крайне сдержанно, а подчасъ даже и враждебно.

Да и немудрено. Вѣдь больной былъ «сотрудникомъ Особаго Отдѣла штаба Юж-

фронта» — какъ записали меня въ госпиталѣ (на комиссію я такъ и не попалъ).

Наступили дни кризиса. Старичекъ-докторъ, котораго я прозвалъ «кашляете», сильно безпокоился за работоспособность моего сердца, но, хвала Аллаху, опасность миновала и я быстро пошелъ поправляться.

Въ одну изъ безпокойно-проведенныхъ мною ночей, когда я разметавшись въ жару, бредилъ и стоналъ, сестра Нина дежурила у моей постели.

Богъ его вѣдаетъ о чемъ я болталъ въ бреду. Только вдругъ къ утру (было около шести) чувствую какъ — кто-то, взявъ меня за руку, горячо поцѣловалъ въ лоба и нѣсколько слезинокъ упало на мое лицо.

Что такое?

Изъ-за слабости я не могъ понять въ чемъ дѣло и съ трудомъ пріоткрылъ глаза.

Смотрю: сестра Нина наклонилась надо мной и плачетъ.

— Иванъ Николаевичъ, — шептала сестра съ просвѣтленнымъ и удивительно милымъ лицомъ, — вы — бѣлый?.. Почему же вы скрывали отъ насъ это? Бѣдняжка, представляю себѣ какъ вамъ приходилось страдать, прикидываясь коммунистомъ въ угоду этимъ бандитамъ.. сестра указала на койки прочихъ больныхъ.

Оказывается въ бреду я выкрикивалъ чортъ знаетъ что. Мнѣ представилось поле битвы

и вотъ я ору: «по конямъ» или «поручикъ Лечиченко спѣшите полвзвода и обойдите съ праваго фланга эту красную сволочь».

Со дня минованія кризиса я началъ недурно поправляться, а уходъ сестеръ за мной вызвалъ зависть даже у такого женоненавистника какъ докторъ Николаевъ.

Кормили насъ на убой. Съ сосѣдями своими по палатѣ и съ персоналомъ я поддерживалъ отношенія постольку-поскольку.

Настроеніе у меня было великолѣпнѣйшее, тѣмъ паче, что сестры Нина и Зина, провѣдавъ про мою тайну и будучи обѣ ультра-бѣлыми, души во мнѣ не чаяли.

Какъ то въ началѣ марта въ нашу палату пришелъ навѣстить одного изъ больныхъ его пріятель и, узнавъ, что я соотрудникъ Особаго Отдѣла, замѣтилъ:

— А знаете, вашъ штабъ вчера прибылъ изъ Курска. Вамъ теперь — лафа. Выздоровѣете и получите отпускъ.. Часть ваша здѣсь же...

Я поспѣшилъ его поблагодарить за столь пріятную вѣсть, а у самаго сердце похолодѣло.

Выздоравливавшихъ и поправлявшихся въ родѣ моей персоны больныхъ переводили внизъ, въ особую палату.

Палата эта была отдѣлена лишь тонкой фанерной перегородкой отъ другой, подобной же «женской палаты» (въ ней помѣщал-

ся женскій; боевой и коммунистическій элементъ).

Ну и сценки же пришлось мнѣ наблюдать за десять дней, проведенныхъ мною въ палатѣ для выздоравливающихъ!

Обидно, что я не мастеръ передавать видѣнное въ краскахъ, какъ умѣютъ это художники пера и кисти.

* * *

Нина и Зина были посвящены въ мою мечту попасть домой въ Мелитополь.

Но какъ ее осуществить.

Нормальнаго движенія съ югомъ и не думали возобновлять, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ. Всѣ пути были неимовѣрно забиты плѣненными деникинсками эшелонами.

Продолжать же лежать въ госпиталѣ становилось для меня все болѣе и болѣе опаснымъ.

Тѣмъ болѣе, что Особый Отдѣлъ штаба Южфронта съ недѣлю ужъ какъ прибылъ въ Харьковъ и я рисковалъ напороться на какого-нибудь не «липоваго», въ родѣ меня, а дѣйствительнаго соотрудника Отдѣла, и сложить свою буйную головушку.

А таковой случай въ скорости и представился:

Возвращаюсь какъ-то изъ города. Вижу въ вестибюлѣ сестра Зина оживленно бесѣ-

дуетъ съ какимъ-то субъектомъ разбойничьяго вида съ перетянутымъ черезъ плечо ремнемъ и болтающимся на немъ парабеллюмомъ.

Зина знакомитъ насъ:

— Товарищъ Скулинъ — товарищъ Воробьевъ.

— Вы гдѣ служите, товарищъ?

Я смѣло:

— Въ «Особомъ» штаба Южфронта.

— Товарища Смагина знаете?

— Знаю.

— Ну что, какъ онъ?

— Да кутитъ по прежнему..

— А вѣдь бросалъ не разъ, подлецъ. Вотъ бестія... А Манька — Побирушка все еще у васъ?

— У насъ..

— Какъ же ее держатъ? Вѣдь она, дъяволъ ее бери, знаете что съ разстрѣлянными плѣнными продѣлывала?

— Кто жъ этого не знаетъ?.. ,— я многозначительно подмигнулъ коммунисту глазами (хоть убейте, ни о какихъ тов. Смагиныхъ и Манькахъ-Побирушкахъ*) понятія не имѣлъ).

— Такъ..

---

*) Впослѣдствіи я узналъ, что въ Курскѣ нѣкая сотрудница Особаго Отдѣла по кличкѣ Манька Побирушка занималась тѣмъ, что мастурбировала надъ еще теплыми трупами только что разстрѣлянныхъ бѣлыхъ. Ее не разъ заставали на мѣстѣ преступленія, арестовывали, но ничего не могли съ ней сдѣлать и принуждены были, въ концѣ концовъ, разстрѣлять.

Очевидно, желая меня устроить, Зина замѣтила:

— Вотъ, товарищъ Воробьевъ занимаетъ должность участковаго желѣзнодоржнаго комиссара. Его районъ: Харьковъ-Мелитополь. Вы бы сходили въ пятницу на комиссію, а въ понедѣльникъ смогли бы и поѣхать съ нимъ. У товарища Воробьева экстренный поѣздъ.

Я поспѣшилъ разсыпаться въ любезностяхъ передъ товарищемъ Воробьевымъ, подумавъ: будь покоенъ, я ужъ постараюсь тебя больше не увидѣть.

А затѣмъ, для того, чтобы больше вѣсу придать горячо охватившему меня желанію проѣхаться домой въ сообществѣ этого бандита, я спокойно переспросилъ:

— А какъ же мнѣ разыскать васъ, товарищъ?

Воробьевъ подробно объяснилъ мнѣ куда я долженъ явиться и кого спросить.

Мы распрощались.

Сестрѣ Зинѣ я и виду не показалъ, что она чуть было не подвела меня.

Въ пятницу я отправился на комиссію.

Каково же было мое удивленіе, когда предсѣдателемъ ея оказался мой давнишній знакомый, еще не такъ давно служившій въ нашемъ бѣломъ эвакопунктѣ.

Онъ узналъ меня и, вызвавъ глазами въ свой кабинетъ, спросилъ: что влопался.

На что я въ отвѣтъ сунулъ ему мой документъ и подробно объяснилъ въ чемъ дѣло.

Въ недоумѣніи докторъ развелъ руками:

— Ну и арапъ же вы.. На что вы жалуетесь?

— Я только что перенесъ сыпнякъ.

— Ну такъ мы послѣ тифа представимъ вамъ мѣсячный отпускъ, только при части..

— Но, докторъ мнѣ надо домой, въ Мелитополь и затѣмъ не забывайте какой я «части»..

— Ужъ это вы какъ-нибудь устроитесь.

Я зло посмотрѣлъ на него и буркнулъ:

— Легко сказать устроитесь.

— Или вотъ что, — спохватился онъ, увидѣвъ недовольство на моемъ лицѣ, — когда писарь будетъ готовить вамъ свидѣтельство о болѣзни я прикажу ему и слова «при части» онъ выброситъ..

На слѣдующій день я имѣлъ въ карманѣ мѣсячный отпускъ.

Да, но какъ проѣхать домой..

Къ Воробьеву я, понятно, и не вздумалъ являться: продолжать же валяться въ госпиталѣ и дальше также было неудобно по весьма вѣскимъ основаніямъ, о которыхъ я ужъ упоминалъ и о которыхъ буду говорить еще въ дальнѣйшемъ. Все же, несмотря на все это, я продолжалъ аккуратно приходить ночевать въ палату для выздоравливающихъ

Тамъ меня знали какъ сотрудника Особаго Отдѣла и не выставляли вонъ.

Милыя, сестры были весьма обезпокоены моимъ положеніемъ и придумать не могли чѣмъ бы помочь мнѣ. Особенно сильно тревожило ихъ подозрительное отношеніе ко мнѣ одной изъ сестеръ 2-го отдѣленія госпиталя — нѣкоей сестры Нюры.

Исторія этой сестры настолько интересна и сестра эта сыграла столь незавидную роль во всѣхъ моихъ дальнѣйшихъ пертурбаціяхъ, пережитыхъ среди красныхъ, что я долженъ хоть вкратцѣ разсказать о ней на этихъ страницахъ.

Будучи родной внучкой основоположника бѣлаго движенія генерала М. В. Алексѣева и состоя замужемъ за однимъ изъ доблестнѣйшихъ офицеровъ Добровольческой арміи, сестра Нюра уже въ концѣ 1917 года попала въ ряды активныхъ большевиковъ и, пользуясь имѣвшимися при ней документами, пролѣзала вездѣ и всюду въ штабы бѣлыхъ, а также во всевозможныя организаціи, подготавливавшія возстанія противъ большевиковъ и, ведя безупречно свой шпіонажъ, предавала вся и всѣхъ въ руки красныхъ. Позднѣе она сошлась съ нѣкіимъ комиссаромъ Марковымъ и зажила мирной жизнью госпитальной сестры. Но все же и здѣсь въ госпиталѣ она не могла, очевидно, отдѣлаться отъ привычекъ шпика.

И хотя меня — «свои» сестры и предупреждали относительно нея, но я въ разговорѣ, вѣрно, съ кѣмъ-нибудь наболталъ лишнее, ибо въ послѣдніе дни моего пребыванія въ госпиталѣ, она, какъ я ужъ говорилъ, относилась ко мнѣ весьма подозрительно.

Въ 20-хъ числахъ марта черезъ Харьковъ проходила на южный фронтъ «№-ая санитарная летучка Сѣвернаго фронта», переброшенная изъ Минска.

Въ госпиталѣ появилось объявленіе о томъ, что на службу въ эту летучку въ числѣ прочаго медицинскаго персонала приглашаются и сестры милосердія. Такъ какъ у насъ сверхштатныхъ сестеръ было предостаточно, то Нина и Зина рѣшили записаться въ эту летучку съ тѣмъ, чтобы устроившись въ ней, провезти меня домой въ качествѣ кузена одной изъ нихъ.

Въ послѣднее время я отъ нечего-дѣлать, а, быть можетъ, и подъ вліяніемъ любовнаго угара, охватившаго обѣ половины (и мужскую и женскую) «палаты выздоравливающихъ» началъ энергично ухаживать за Зиной. При чемъ увѣренъ былъ, что отпора съ ея стороны не встрѣчу. Къ тому же и марка «кузена» позволяла держать себя съ ней почти по родственному.

Сестра Нюра, узнавъ, что Нина и Зина записались въ летучку, поспѣшила записаться въ нее также (мужъ ея орудовалъ въ это

время гдѣ-то подъ Одессой). Это всѣмъ намъ не особенно понравилось, но...

Здѣсь же я попалъ еще въ одно, какъ у насъ говорятъ, «корявое» положеніе: я встрѣтился на улицѣ съ 17-ти лѣтней гимназисточкой Женечкой Беккеръ, родители которой — большіе друзья моихъ родныхъ. Бѣдняжка мечтала пробраться на Пасху домой (они жили на станціи Кронсфельдъ въ 40 верстахъ отъ Мелитополя) и, узнавъ о летучкѣ, пристала ко мнѣ съ просьбой познакомить ее съ сестрами.

Познакомилъ и дѣло уладилось гораздо проще нежели я предполагалъ. Женечка была выдана за дочку нашихъ хорошихъ знакомыхъ пролетаріевъ, понятно (у отца Жени милліонное состояніе), и безболѣзненно водворена въ летучку.

Харьковъ мы покинули поздней ночью.

Все же передъ отъѣздомъ я успѣлъ побывать у хорошенькой Елены Федоровны и не разъ перецѣловать ея пальчики и ямочки въ углахъ губъ.

* * *

Пріѣхали на станцію Люботинъ, а дальше ни шагу. Ѣхать некуда, все забито.

Лишь послѣ безконечныхъ мытарствъ и хлопотъ насъ, продержавъ все же трое сутокъ, отправили дальше на Синельниково.

Въ пути я перезнакомился со служащими летучки.

За исключеніемъ двухъ старыхъ сестеръ (одной — москвички и другой — латышки), трехъ нашихъ сестеръ, Женечки Беккеръ, меня и санитаровъ, — всѣ прочіе были евреи.

Старшій (и единственный) врачъ летучки — докторъ Лившицъ, стройный мужчина лѣтъ 35-ти, парень себѣ на умѣ, всегда серьезный и строгій, умный въ своихъ сужденіяхъ и часто остро-злословящій по поводу «нашей власти».

Комиссаръ Геллеръ — мелкая, ничтожная личность, выдаетъ себя за гвардейскаго офицера и носить шпоры (въ дѣйствительности же бывшій музыкантъ Мингрельскаго полка).

Завхозъ Хисинъ — славный, безобидный еврейчикъ, коситъ на одинъ глазъ. Влюбленъ въ сестру-латышку по уши. Послѣдняя — грубая и неинтеллигентная баба пользуется этимъ, держитъ его подъ пятой и изрѣдка даже поколачиваетъ.

Про Хисина вся летучка распѣваетъ пѣсенку (на мотивъ одесской босяцкой «Алеша-ша ..»):

«А Хисинъ — завехозъ у насъ.

Хотя онъ ДА косой.

На одинъ глазъ..» и т. д.

Изъ сестеръ необходимо отмѣтить сестру Фиру.

За три дня, что мы простояли въ Люботинѣ я, оставивъ въ покоѣ Зину, пріударилъ

за Ниной, имѣлъ успѣхъ, а затѣмъ чуть приволокнулся за Женечкой Беккеръ (цвѣткомъ невиннымъ..).

Я видѣлъ женщинъ всѣхъ темпераментовъ и оттѣнковъ, отъ самыхъ страстныхъ до холодныхъ какъ ледъ, но такой женщины какъ сестра Фира мнѣ встрѣчать не приходилось. Я не смѣю назвать ее развратной.. Напротивъ, въ повседневномъ обиходѣ она до щепетильности была цѣломудренна. Но... любви физической предавалась свободно и не считала это почему-либо зазорнымъ.

Въ поѣздѣ ее называли «жрицей огня». Мнѣ же она напоминала одинъ изъ женскихъ типовъ арцыбашевскихъ драмъ.

Сегодня она превращаетъ случайно попавшаго къ намъ въ летучку молоденькаго политкома какой-то части въ человѣка окончательно потерявшаго себя и весь свой, ранѣе, вѣрно, такой размѣренный путь жизни.

А на завтра она ужъ не замѣчаетъ бѣднягу, блуждающаго какъ тѣнь, съ синими кругами подъ глазами, — и снова съ Гришкой — альфой и омегой ея любви.

Гришка — 17-ти лѣтній сорванецъ, братъ доктора, праздно-болтающаяся личность, хотя онъ и увѣрялъ меня какъ-то, что занимаетъ какую-то, довольно туманную по названію должность въ летучкѣ. Развращенъ малецъ порядкомъ, а нахальству и самоувѣренности его нѣтъ предѣловъ.

Гришка — гражданскій мужъ Фиры. Несмотря на это, онъ никогда не становился на ея пути, когда она вдругъ, на болѣе или менѣе долгій срокъ, избирала объектомъ своей любви кого-либо изъ состава летучки.

На боку у Гришки болтается громадныхъ размѣровъ нестрѣляющій Смитъ и Вессонъ стараго образца... Еще носитъ онъ широчайшіе бриджи съ краснымъ кантомъ, напоминающіе украинскіе шаровары, желтые сапоги на ногахъ (тогдашняя комиссарская мода), а на френчѣ выдѣляется у него массивная изъ мѣди, коммунистическая звѣзда.

Коммунистомъ Гришка никогда не былъ, но значекъ носилъ и вездѣ, начиная отъ Харькова, гдѣ бы мы ни останавливались, онъ всюду лѣзъ впереди всѣхъ и когда окружающіе (не принадлежащіе къ составу летучки) почтительно называли его «товарищъ комиссаръ», — физіономія его лоснилась отъ тщеславія...

* * *

На станціи Синельниково насъ такъ застопорили, что мы и думать бросили о продвиженіи дальше, на Александровскъ.

Жизнь въ летучкѣ проходила страшно скучно и монотонно. Сестры опротивѣли мнѣ окончательно. Лишь одна Фира подчасъ интересовала меня еще, какъ интересный пато-

логическій типъ (но только не какъ женщина)...

Нина и Зина, недавно бывшія столь закадычными подругами, чуть не передрались изъ-за меня. Зина пыталась даже устраивать мнѣ сцены ревности, хотѣла стрѣлять въ меня, а подъ конецъ принялась съ горя за свои старыя привычки. Но, такъ какъ кокаину у Лившица достать невозможно было, то она по цѣлымъ днямъ нюхала эфиръ.

Нина, мучимая угрызеніями совѣсти, не разъ говаривала мнѣ, что это подло съ моей стороны такъ играть сердцемъ женщины, на что я въ отвѣтъ лишь дерзко смѣялся.

Когда же мои поползновенія простерлись въ сторону Женечки Беккеръ, то, испугавшіяся за ея нравственность, сестры, объединились и не позволяли мнѣ даже подходить къ ней.

Одна лишь сестра Нюра какъ будто не интересовалась нашими мелкими любовными дрязгами. Всегда сосредоточенная и серьезная она занималась тѣмъ, что устраивала не рѣже раза въ недѣлю (обычно по воскресеньямъ) скучнѣйшія собесѣдованія въ вагонѣ-клубѣ, на которыя собирался весь персоналъ летучки и красноармейцы.

Здорово натасканная въ коммунистической премудрости она въ популярнѣйшемъ изложеніи рисовала собранію тѣ соблазнительныя перспективы, которыя сулитъ въ будущемъ

изстрадавшемуся человѣчеству коммунистическій строй.

Послѣ собесѣдованій предлагалось обыкновенно задавать вопросы съ мѣстъ. И вотъ порой я, а чаще докторъ Лившицъ (позже и Гришка) задавали Нюрѣ вопросы, ставившіе ее подчасъ въ тупикъ. Тогда она отдѣлывалась тѣмъ, что отвѣчала намъ стереотипной фразой: «это разсужденіе чисто буржуазной логики и въ примѣненіи къ пролетарскому мышленію совершенно не подходитъ» (передаю буквально)...

Меня поражалъ докторъ Лившицъ... Кажется ужъ служишь Совѣтамъ, будь же лойяленъ.

Онъ же держитъ себя чуть ли не вызывающе. Геллера третируетъ какъ послѣдняго красноармейца. Зло издѣвается надъ всѣми декретами и постановленіями совѣтской власти. Говоритъ Нюрѣ (фактически сдѣлавшейся комиссаромъ летучки), что до соціализма, а тѣмъ паче коммунизма, человѣчество доростетъ быть можетъ лишь черезъ тысячилѣтія. «Что вотъ вы кричите все о соци да о соци, о Карлѣ-Марлѣ да о прочемъ, а у красноармейцевъ вшей не выведешь и тифъ коситъ тысячами свою жатву. На всю летучку полагается три фунта мыла въ недѣлю въ то время, когда среди военной добычи отнятой у бѣлыхъ значатся нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ мыла. Я въ Харьковѣ самъ ви-

дѣлъ какъ спекулируютъ вагонами деникинскаго мыла... Да развѣ только это?... Это — мелочь и т. д. въ томъ же родѣ.»

Съ Лившицомъ Нюра спорила и его возраженія очевидно ее затрагивали. Меня же она безъ злобы не могла слушать.

Однажды въ разговорѣ она поинтересовалась къ какой организаціи Р. К. П. я принадлежу и за какимъ номеромъ у меня партбилетъ. Я постарался разговоръ этотъ замять, но все же (какъ мнѣ показалось) мое минутное замѣшательство отъ нея не укрылось. Въ особенности Нюра была зла на меня за т.-н. «перерожденіе Гришки».

Какъ я уже говорилъ, Гришка мнилъ себя отчаяннымъ коммунистомъ. Но еще въ Люботинѣ подъ моимъ энергичнымъ воздѣйствіемъ весь его ходъ мыслей получилъ совершенно иное направленіе. Я выдрессировалъ его такъ, что на второй же день нашего знакомства онъ уже рабски подражалъ мнѣ во всемъ и былъ въ высшей степени восхищенъ мною. Какъ же: вѣдь я почти шишка — сотрудникъ «Особаго» штаба Южфронта.

Словно освобождаясь отъ большой тяжести, онъ на какомъ-то полустанкѣ беззаботно выбросилъ свой коммунистическій знакъ за окно. Большевиковъ началъ ругательски ругать, а когда къ нему случайно все же обращались: «товарищъ комиссаръ», — онъ злобно отвѣчалъ: «какого чорта, комиссаръ.»

Подъ самымъ Александровскомъ нашъ составъ продержали въ степи цѣлыя сутки. Мы съ Гришкой отправились въ ближайшую деревню, достали нѣсколько бутылокъ самогону и, распивъ ихъ, затянули «Боже, царя храни». Я началъ, а Гришка поддержалъ. На шумъ явился какой-то сельскій милицейскій, но мы его такъ «обложили», что онъ посчиталъ за лучшее убраться по добру, по здорову.

Чуть ли не вся деревня высыпала глазѣть какъ два коммуниста (!), обнявшись, распѣваютъ во все горло «Боже, царя храни», а затѣмъ и «Смѣло мы въ бой пойдемъ за Русь Святую».

Послѣ этого и подобныхъ ему вечеровъ Гришка превратился въ заядлаго монархиста. Понятно, Гришка былъ легкомысленный мальчишка съ вѣтромъ въ головѣ, неустойчивый въ своихъ юныхъ порывахъ и влеченіяхъ.

* * *

Я никогда не забуду одного случая...

Когда я въ полупьяномъ видѣ разсказалъ ему (также бывшему навеселѣ) исторію нашей германской кампаніи, описалъ боевые эпизоды изъ жизни нашихъ старыхъ царскихъ гусаръ 15 и 16 гг... и особенно долго остановился на разсказахъ о моемъ молодомъ 2-мъ конномъ Дроздовскомъ, — Гришка заплакалъ

пьяными слезами и, цѣлуя меня, простоналъ, потрясая своими дѣтскими кулачками:

— Ахъ, мерзавцы, мерзавцы, во что они превратили Россію...

На слѣдующій день, проснувшись съ сильной головной болью, я вспомнилъ вчерашнее и у меня волосы стали дыбомъ: «Что я натворилъ!.. Чортъ знаетъ что... Этотъ мальчишка отправится къ своему брату и все ему выболтаетъ. Вѣдь они евреи и сегодня же мнѣ финишъ... Вотъ пьяная скотина, доигрался.. злорадствовалъ я надъ самимъ собой.

Блѣдный, съ встревоженнымъ лицомъ отправился я въ столовую.

Каковы же были восторгъ и буйная радость меня охватившіе, когда Гришка, ожидая меня у входа на площадкѣ, молодцевато откозырялъ мнѣ:

— Здравія желаю, господинъ ротмистръ.

Мы расцѣловались.

Въ столовой никого, такъ какъ ужъ поздно и всѣ давнымъ-давно позавтракали.

Выпивъ чаю, я приложилъ палецъ къ губамъ и прошепталъ:

— Гришка, о вчерашнемъ ни слова, слышишь... Даже Фирѣ.

Гришка возмутился:

— Что я, сумашедшій, что ли? Бабѣ разсказывать подобное...

Для того же, чтобы воздѣйствовать на его юный умъ и больше мощи придать «на-

шимъ» (бѣлымъ) воображаемымъ силамъ, я прибавилъ:

— Гришка, ты знаешь, что такихъ какъ я — сотни и тысячи... Если я буду преданъ, то...

Гришка, сильно покраснѣвъ, весь забурлилъ какъ кипятокъ.

Я не далъ ему говорить и, обнявъ его, зажалъ ему ротъ.

* * *

...Апрѣля 1920 года.

Докторъ Лившицъ (очевидно, Гришка, все же кое-что ему сболтнулъ) относится ко мнѣ все съ большимъ вниманіемъ. Иногда задерживаетъ меня послѣ обѣда въ столовой и я, не скучая въ его обществѣ, бесѣдую съ нимъ часами.

Какъ странно, я, впитавшій ненависть къ евреямъ съ молокомъ матери, не знавшій по отношенію къ нимъ другого слова кромѣ «жидъ», — я получаю сейчасъ глубокое удовлетвореніе отъ общенія «вотъ съ такимъ жидомъ».

Вѣдь вотъ это они, «эти жиды» завладѣли Россіей. Не понапрасну же на югѣ поютъ пѣсню:

«Жила-была Россія — великая держава,
Жиды ее продали налѣво и направо.»

Ихъ верховная массонская ложа оперируетъ надъ бездыханнымъ тѣломъ моей родины вотъ ужъ третій годъ. Они — ярые

враги всего міра, тысячелѣтней культуры человѣческой и, главнымъ образомъ, христіанства, они — разрушители...

Такъ думалъ я еще до вчерашняго дня.

Такъ мыслятъ на сей счетъ добрыя три четверти нашей Добровольческой арміи.

А вотъ сегодня я не вѣрю этому. Не могу этому вѣрить...

И не потому что этотъ докторъ — еврей такой обаятельный человѣкъ... Нѣтъ.... Я совсѣмъ ужъ не такъ легко способенъ поддаться духовному превосходству мужской личности (Вотъ прекрасная половина рода человѣческаго — это другая статья...).

Посмотрѣть на этого Лившица. Кромѣ еврейской фамиліи у него ничего еврейскаго: чисто-русское лицо, сѣрые глаза, русые волосы, прекрасная правильная русская рѣчь... Москвичъ по рожденію, а любитъ Россію какъ...

Правда, лишь теперь я понялъ почему между нами и ими такое отчужденіе. Вѣдь каждый изъ нихъ, даже наилучшій, чувствуетъ себя между нами отверженнымъ. Ибо на каждомъ шагу ему могутъ бросить «жида».

Этимъ, полагаю, все объяснимо...

Лишь сейчасъ я понялъ какія неисчислимыя бѣдствія для государства приноситъ звѣриная травля отдѣльныхъ національностей со стороны господствующей націи...

И, быть можетъ, если однимъ изъ «вопросовъ», изъ-за которыхъ наше бѣлое движеніе свернуло себѣ шею, былъ вопросъ крестьянскій, то на второмъ мѣстѣ я поставилъ бы вопросъ «еврейскій».

Да, надо сознаться... Мы погромно-церемоніальнымъ маршемъ прошли Украину. И наши погромы были однимъ изъ плюсовъ (среди многихъ другихъ), сознательно брошенныхъ нами на сторону красныхъ.

Это отрицать невозможно...

* * *

Нюра все настороженнѣй и подозрительнѣй относится ко мнѣ. Вчера прямо заявила:

— Вамъ бы, товарищъ, лучше убраться изъ летучки и ѣхать въ отпускъ одиночнымъ порядкомъ... Вы невозможно испортили Гришку. Я ужъ говорила объ этомъ доктору. Затѣмъ, я отказываюсь совершенно понимать какъ вы, соотрудникъ «Особаго» и членъ Р. К. П., ведете себя въ отношеніи этого мальчишки... Вашъ образъ мыслей положительно подходитъ болѣе къ настроеніямъ по ту сторону фронта...

Я не далъ сестрѣ распространиться и дѣланно расхохотался:

— Что вы, сестра Нюра. Я и въ помыслахъ не имѣю заниматься воспитаніемъ юношества. Это дѣло Комсомола...

Примирившаяся, наконецъ, со мной сестра Нина совѣтуетъ мнѣ не обострять отношенiй съ Нюрой, утверждая, что послѣдняя опредѣленно затѣваетъ противъ меня какую-то очередную гадость.

Я рѣшилъ вырвать инициативу изъ рукъ противника, а такъ какъ другого оружiя кромѣ мужского ума и силы у меня не было, то я началъ за Нюрой исподволь, и вначалѣ какъ будто шутя, ухаживать.

Мнѣ запомнилась слѣдующая фраза какого-то индуса въ одномъ изъ новѣйшихъ романовъ современнаго нѣмецкаго писателя, фамилiю котораго, къ сожалѣнiю, я забылъ (кажется, Бонзельсъ):

«Женщины все равно, что пальмы: вездѣ въ мiрѣ онѣ одинаковы. Неужели ты никогда не замѣчалъ, что всѣ онѣ въ сущности очень глупы.»

Въ данномъ случаѣ я нашелъ подтвержденiе этой фразы.

Вначалѣ немного удивленная, съ чувствомъ настороженности и недовѣрiя, а немного спустя ужъ удовольствiя, встрѣтила Нюра мои поползновенiя.

Была она довольно интересна. Хорошо сложена и недурно развита для своихъ 24 лѣтъ.

Я повелъ наступленiе довольно рѣшительно, такъ что Гришка даже испугался моей рѣ-

шимости и предупреждалъ меня отъ увлеченія.

Но... неожиданно для меня я сорвался.

Я совершенно упустилъ изъ виду, что Нюра не видѣлась со своимъ мужемъ свыше полугода. Мое же ухаживаніе довело ее до такого состоянія, что она превратилась въ крайне нервную и раздражительную особу.

Однажды мы отправились въ поле развлечься. Нюра соблазнительно пріодѣлась. Какъ видно, я долженъ былъ, наконецъ, завершить начатое. Но, несмотря на мой южный темпераментъ и на весьма недвусмысленные авансы съ ея стороны, я дальше лицемѣрныхъ поцѣлуевъ отъ коммунистической сестры сорвать не рѣшался: брезгалъ...

Разстроенная и недовольная мною возвратилась Нюра съ прогулки.

А черезъ полчаса прибѣжали сестры съ крикомъ: «докторъ, ради Бога, скорѣе къ сестрѣ Нюрѣ.»

Оказывается съ ней приключилась жесточайшая истерика. Докторъ поставилъ вѣрный діагнозъ и былъ даже настолько любезенъ, что предупредилъ меня:

— Развѣ можно доводить до такого состоянія молодую женщину да еще весной? Теперь ужъ на вашей обязанности, голубчикъ, чтобы подобное съ ней впредь не приключалось...

Помогъ мнѣ Гришка.

Гдѣ-то познакомился онъ съ бывшимъ вольноопредѣляющимся, состоящимъ нынѣ на службѣ въ какой-то красной артбригадѣ. Молодой 22-лѣтній юноша атлетическаго сложенія, онъ увлекся всѣми сестрами сразу, будучи ошеломленъ ихъ бурнымъ натискомъ. Понравился онъ всѣмъ, а Фирѣ въ особенности. Послѣднее было весьма неблагопріятно для моихъ цѣлей. А посему я постарался устроить все такъ, чтобы онъ въ теченіе первыхъ же дней нашего знакомства съ нимъ, оставался возможно чаще съ Нюрой.

Такимъ образомъ я обезопасилъ себя...

Увлекшись молодцеватымъ артиллеристомъ, Нюра перестала обращать на меня вниманіе совершенно.

Наступилъ канунъ Пасхи.

Мы собрались въ церковь.

Праздничное настроеніе охватило не только всѣхъ насъ, но даже Гришку, не отдѣлявшагося отъ нашей компаніи. Лишь Нюра косилась на всѣ наши приготовленія и неодобрительно отзывалась о моемъ поведеніи:

— Какой же вы, коммунистъ, если признаете религію? Это, товарищъ, несознательно съ вашей стороны.

Я нагло улыбался ей.

Сегодня Лившицъ получилъ изъ санитарнаго отдѣла штаба фронта телеграмму о томъ, что по линіи отдано приказаніе пропустить

насъ внѣ очереди на Александровскъ, гдѣ мы поступимъ въ распоряженіе штаба арміи.

Прибыли въ Александровскъ.

Отъ радости мы кампаніей (я, Гришка, Нина, Зина и всѣ сестры за исключеніемъ Женички Беккеръ и Нюры, понятно) отправились въ какой-то захудалый трактирчикъ, гдѣ достали вина и отчаянно перепились. Сестра-латышка вела себя невозможно, била посуду, такъ что для ея усмиренія пришлось пустить въ ходъ даже силу. Домой, на станцію, возвращались на извозчикахъ поздней ночью и орали во всю.

Запоздалые прохожіе при проѣздѣ нашемъ шарахались въ сторону и быстро скрывались въ темнотѣ.

Изъ штаба арміи пришелъ приказъ развернуть летучку въ госпиталь подъ № 26 и отправиться въ Каховку.

На слѣдующій день мы съ Женечкой Беккеръ переѣхали къ пріятелю ея отца, бывшему владѣльцу машиностроительнаго и другихъ заводовъ въ Александровскѣ и его окрестностяхъ.

При прощаніи со мной Гришка на виду у всѣхъ заплакалъ, обнялъ меня и просилъ обязательно возвратиться къ нимъ, а если почему-либо не смогу, то писать ему.

Я обѣщалъ ему это.

Докторъ Лившицъ вызвалъ меня къ себѣ

въ купе и, крѣпко захлопнувъ дверь, многозначительно замѣтилъ:

— Мы, какъ вамъ извѣстно, направляемся въ Каховку. Хотите остаться у меня въ летучкѣ. Я вамъ могу предложить должность помзавхоза. Обязанности его: разъѣзжать по деревнямъ и закупать для больныхъ госпиталя продукты. Конечно, въ своихъ поѣздкахъ надобно быть сугубо осторожнымъ и не попасться, сохрани Богъ, въ руки бѣлыхъ, разъѣзды которыхъ зарываются иногда вглубь нашихъ тыловъ...

Я великолѣпно понялъ доктора Лившица. Но мнѣ такъ хотѣлось домой, что я съ сожалѣніемъ отклонилъ его любезное приглашеніе, замѣтивъ, что если нигдѣ не смогу устроиться, то возвращусь въ летучку и съ удовольствіемъ займу предлагаемое имъ мѣсто.

Ссадилъ Женечку на станціи Кронсфельдъ, а самъ поѣхалъ дальше.

Настроеніе у меня преотличнѣйшее: я ѣду домой:..

Сидя въ теплушкѣ и свѣсивъ ноги въ пространство, я вдыхалъ живительный воздухъ благодатныхъ степей родной Тавріи и пѣлъ о чемъ-то прекрасномъ, далекомъ...

Думать я ни о чемъ не думалъ.

Вотъ пріѣду домой, обниму свою состарившуюся красавицу-мать, расцѣлую сестренокъ и отдохну.

И лишь подъ самымъ городомъ я очнулся:

— Что я дѣлаю?

Я — разстрѣливавшій красныхъ въ Мелитополѣ (да и въ одномъ ли только Мелитополѣ!) десятками и сотнями...

Я, — котораго знаютъ въ лицо всѣ уличные мальчишки и вся городская шпана, — я добровольно возвращаюсь въ этотъ городъ къ душегубамъ въ лапы...

Правда, въ настоящій моментъ я не въ томъ блестящемъ одѣяніи, въ которомъ меня привыкли всегда видѣть, но меня вѣдь узнаютъ... Носи я свою недавно снятую шевелюру — еще туда-сюда. Но эта дьявольская «буржуйная» привычка быть всегда аккуратно выбритымъ и подстриженнымъ...

Я заметался въ поискахъ выхода, такъ и не найдя его до самаго города.

Будь что будетъ...

До сихъ поръ сходило, авось и дальше повезетъ...

Въ городъ, расположенный въ трехъ верстахъ отъ станціи, отправился пѣшкомъ. Неподалеку отъ завода Классена встрѣчаю партію буржуевъ (на три чертверти состоящую изъ мелитопольскихъ евреевъ) съ лопатами въ рукахъ. На основаніи декрета о трудовой повинности ихъ гонятъ на принудительныя работы.

Одинъ изъ нихъ, узнавъ меня, остановил-

ся: — Ваня, откуда? и подошелъ ко мнѣ, несмотря на протесты конвойныхъ.

— Ты что съ ума сошелъ? Откуда и куда ты?

Я поблѣднѣлъ и, не молвивъ ни слова, поплелся дальше.

Ну, думаю, самъ себя предаю въ ваши руки, «товарищи».

Прошелъ маленькими уличками предмѣстья, рѣшивъ домой сразу не являться (наши жили въ центрѣ), а зайти сначала къ теткѣ, проживавшей на одной изъ окраинъ города.

На углу Межевой и Маріинской меня встрѣтили и узнали двѣ дѣвушки, у которыхъ старшій братъ-офицеръ недавно разстрѣлянъ, а младшій служитъ въ войскахъ ВеЧека командиромъ батальона.

— Иванъ Николаевичъ, вы?

Я объяснилъ: я молъ служу у красныхъ и вырвался на нѣсколько дней домой. Но мнѣ желательно было бы, чтобы онѣ въ городѣ о моемъ прибытіи не особенно распространялись...

Тетка, несказанно мнѣ обрадовавшаяся, послала сейчасъ же за матерью.

Слезы, объятія, снова слезы, снова объятія...

Бѣдная мама...

Бѣдныя русскія матери... Вашими слезами не омыть всего горя и страданій, на-

ложенныхъ карающей десницей на недавно еще столь мощную, а нынѣ повергнутую въ прахъ и объятую невиданнымъ пожаромъ, великую страну...

Плачьте... Омойте ручьями слезъ горе россійское... Быть можетъ всепрощающій Создатель смилостивится и освободитъ несчастную Родину отъ сжавшаго ее въ своихъ тискахъ кроваваго мора...

Красные, бѣлые...

Кровь и страданіе...

Приступили къ совѣщанію: что дѣлать?

Я заявилъ, что пробуду дома дня два, а затѣмъ уберусь.

Въ сумеркахъ пробрался къ своимъ.

Мальчишки-евреи, увидѣвшіе меня входящимъ во дворъ, оглушительно заорали:

«Бѣлый краснаго спросилъ
Зачѣмъ Россію погубилъ?
Красный бѣлому въ отвѣтъ:
Четыре съ боку, вашихъ нѣтъ.»

Явился сосѣдъ по двору еврей-сапожникъ. Мы съ нимъ — давніе друзья, какъ только могутъ быть друзьями баринъ и добрый слуга...

Вошелъ и радостно поздоровался:

— Ну что, слава Богу, живой...

Мама снова въ слезы, а затѣмъ, прикинувшись (вѣдь сапожникъ еврей):

— Что жъ онъ будетъ, Израиль, дѣлать если, не дай Господь, бѣлые вдругъ вернутся?

— А будьте вы мнѣ здоровенькіе... Надо наплевать и на тѣхъ и на другихъ. Я бы никому не служилъ...

И помолчавъ:

— Что у него, жена, дѣти? Поднялся и улетѣлъ какъ «оролъ»...

Къ вечеру ужъ весь городишко зналъ, что бывшій ротмистръ Скулинъ возвратился домой.

Одни предполагали во мнѣ тайнаго шпіона бѣлыхъ. Другіе говорили, что я добровольно перешелъ на службу къ краснымъ и занимаю теперь у нихъ видный постъ и т. д.

Когда ужъ совсѣмъ стемнѣло, — пробрался къ намъ съ чернаго хода пріятель моего покойнаго отца — присяжный повѣренный Стародубцевъ и возмущенно набросился на меня:

— Ты что, съ ума спятилъ, что ли? Чтобъ къ утру же твоего духу здѣсь не было... Весь городъ ходоромъ ходитъ по поводу твоего пріѣзда...

Невѣроятно напуганный всѣми предполагаемыми страхами я бы сейчасъ убрался изъ дому, но куда?

Ночевалъ я въ ту безспокойную ночь у сапожника Израиля гдѣ, какъ мы правильно предположили, меня искать не станутъ.

Утромъ остановились на слѣдующемъ рѣшеніи:

Сестра моя Валя служитъ въ народномъ

судѣ. Секретаремъ же Совнарсуда состоитъ нѣкій Снѣговой, прежде служившій подъ началомъ у моего отца и не разъ при «проклятомъ старомъ режимѣ» его милостями взысканный.

И вотъ Валя отправилась къ Снѣговому. Послѣдній обѣщалъ выкрасть сегодня же (если только удастся) у Предсѣдателя Суда печать и написать мнѣ комадировку отъ Совнарсуда въ Чаплыновку (одну изъ прифронтовыхъ деревень).

Снѣговой приготовилъ мнѣ документы въ двухъ экземплярахъ. Одинъ на имя Сергѣя Владимировича Левинскаго, а другой на мое настоящее имя.

Я рѣшилъ раньше всего возвратиться къ доктору Лившицу. Если удастся у него устроиться и эта дрянь, Нюра, не подведетъ, то перейти къ бѣлымъ въ районѣ Каховки.

Въ противномъ случаѣ, какъ сотрудникъ Совнарсуда, проберусь въ Чаплыновку или еще лучше въ Преображеновку (село у самаго фронта) и перебѣгу тамъ.

Снѣговой подсунулъ предсѣдателю мои документы (вѣрнѣе, чистые бланки), тотъ подмахнулъ ихъ. Затѣмъ очень удачно воспользовался казенной печатью и къ вечеру я, получивъ отъ «Мелитопольской Организаціи помощи бѣлымъ» 25 тысячъ рублей, двинулъ обратно въ Александровскъ.

* * *

Госпиталь засталъ еще въ городѣ. Хисинъ набиралъ для обоза лошадей. Здѣсь то я развернулъ свои таланты во всю.

Хисину казалось, что чѣмъ лошадь полнѣе и чѣмъ толще у нея ноги, тѣмъ она лучше. Я же, какъ старый кавалеристъ, зналъ лошадямъ цѣну.

Завѣдывающій ремонтомъ проклиналъ тотъ часъ, когда я явился къ нему въ сопровожденіи доктора Лившица.

Мы выбрали чуть ли не самыхъ лучшихъ лошадей изъ имѣвшагося у него состава и лишь усиленныя его мольбы смягчили подъ конецъ мое жестокое сердце и мы включили въ нашъ списокъ наравнѣ съ хорошими лошадьми и нѣсколькихъ клячъ.

Погрузились на пароходъ и преблагополучно прибыли въ Каховку.

* * *

Сегодня — І-ое мая: въ Каховкѣ грандіозныя торжества.

Какъ разъ къ этому времени сюда прибыла часть конницы Буденнаго, переброшенная съ польскаго фронта.

На парадъ были выведены лишь два полка этой конницы.

Не говоря уже о рѣдкомъ подборѣ людей и лошадей, — масти лошадей по эскадронамъ, — меня поразила ихъ форма.

Вотъ одѣть бы имъ погоны и воскресли бы наши старые Ахтырцы, Нижегородцы, Бѣлоруссы и др. У всѣхъ какъ по заказу, — откуда только добытыя ими, — синіе венгерки со шнурами, блестящіе парадные доломаны и тончайшіе галифэ, въ особенности у офицеровъ...

И офицеры то!.. Не зеленая молодежь изъ красныхъ школъ или изъ бывшихъ прапорщиковъ военнаго времени, а бравые питомцы нашихъ старыхъ кавалерійскихъ училищъ...

Больно было мнѣ глядѣть на эту блестящую русскую конницу...

Почему она здѣсь на Каховскомъ фронтѣ, у береговъ воспѣтой Гоголемъ великой русской рѣки, фронтѣ противъ «бѣлыхъ»? Зачѣмъ рѣетъ надъ ней красная тряпка кроваваго интернаціонала вмѣсто нашего національнаго сине-бѣло-краснаго знамени?

Вывелъ меня изъ задумчивости Гришка.

Ночью, угощаясь гдѣ то, онъ изрядно выпилъ и сейчасъ, не совсѣмъ еще протрезвившись, вышелъ на середину площади, гдѣ долженъ былъ происходить парадъ.

Взглянувъ на начальника гарнизона, сидѣвшаго на прекрасномъ рыжемъ жеребцѣ какъ только можетъ сидѣть верхомъ штатскій еврей, никогда не знавшій сѣдла, Гришка возмущенно рявкнулъ:

— Что вы, идіоты, этого лапсердака на лошадь посадили? Его мѣсто въ нужникѣ...

Не успѣлъ Гришка докончить своей фразы, какъ выскочившіе совѣтскіе архангелы моментально подхватили его подъ руки и увели.

Заварился колоссальнѣйшій скандалъ.

Если бы не заступничество доктора Лившица, а, главнымъ образомъ, сестры Нюры, сдѣлавшейся къ этому времени оффиціальнымъ комиссаромъ госпиталя (Геллеръ уѣхалъ въ отпускъ, вѣрнѣе спекулировать), то Гришку законопатили бы изрядно.

Но, продержавъ его двое сутокъ подъ арестомъ, товарищи принуждены были его выпустить, такъ какъ съ Нюрой считались, а она возмущенно протестовала противъ примѣненія «высшей мѣры наказанія», оправдывая Гришку, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ винныхъ паровъ.

На слѣдующее же за инциндентомъ утро докторъ Лившицъ потребовалъ меня къ себѣ:

— Иванъ Николаевичъ, немедленно оставьте Каховку... Въ вашихъ же интересахъ сдѣлать это возможно быстрѣе. Извѣстно ли вамъ, что заявила вчера сестра Нюра въ Особомъ Отдѣлѣ Штарм'а: здѣсь не Гришку надо упечь, — это всего лишь дѣтская выходка, а слѣдовало бы пощупать нашего красно-бѣлаго помзавхоза»...

Вечеромъ того же дня я попался на глаза Нюрѣ и она заорала:

— Чтобъ вашего духу не было здѣсь, го-

сподинъ Скулинъ... По васъ ужъ давно камера плачетъ...

Этой же ночью я поспѣшилъ улетучиться.

Въ Чаплыновку направлялась телѣга съ продуктами для какой-то «роты пополненія» и ужъ 3-го мая я былъ у желаннаго фронта, въ 35-ти верстахъ отъ Каховки.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Мелитополя Валя подробно сообщила мнѣ какъ я долженъ себя держать въ случаѣ если мнѣ дѣйствительно придется использовать «командировку» въ Чаплыновку въ качествѣ сотрудника мелитопольскаго Совнарсуда.

А именно: Совнарсудъ якобы недоволенъ медленностью работы въ судахъ Чаплыновки и сосѣднихъ волостей, несвоевременнымъ доставленіемъ рѣшенныхъ дѣлъ и т. д.

Въ Чаплыновкѣ стояла въ то время латышская дивизія. «Латышскими» части ея были лишь по названію. Еще въ 18 и 19 гг... эта отборная «гвардія совѣтовъ» была, за малымъ исключеніемъ, перебита въ ожесточенныхъ бояхъ на всѣхъ фронтахъ съ наступавшими бѣлыми арміями, и въ настоящее время на каждую роту т.-н. латышскихъ полковъ приходилось въ лучшемъ случаѣ 20—30 латышей. Вся же остальная солдатская масса — были все тѣ же туляки, орловцы, куряне, сибиряки и т. д., Господи ты ихъ вѣси...

Но большевики разумно сохранили чисто-русскимъ по составу полкамъ наименованіе

«латышскихъ», ибо, смѣло утверждаю, одно лишь донесеніе нашихъ развѣдокъ: «противъ насъ латыши», дѣйствовало подчасъ парализующе на многія, стойкія до того, части.

Солдаты, съ которыми я пріѣхалъ, отправились къ своей ротѣ. Мнѣ же предстояло позаботиться о ночлегѣ. Но куда я не совался — вездѣ полно. Въ каждой избѣ солдаты и снова солдаты.

И вотъ я — неизвѣстный никому, а посему подозрительный штатскій, блуждаю по селу въ поискахъ крова.

Достаточно знакомый съ военными порядками въ прифронтовой полосѣ въ отношеніи подозрительныхъ элементовъ (въ особенности въ условіяхъ гражданской войны) я понималъ, что придраться ко мнѣ со стороны кого-либо изъ красныхъ, принявъ меня за шпіона, — пустое дѣло...

А тамъ ужъ извѣстно чѣмъ это кончается...

Я направился къ сельскому управленію, у котораго мои солдаты сгружали привезенные ими мѣшки. Вижу на порогѣ — какой-то прилично одѣтый военный, указываетъ на меня головой и допытывается о чемъ-то у красноармейцевъ.

Догадавшись, что рѣчь идетъ обо мнѣ и не желая подать и мысли о намѣреніи съ моей стороны стушеваться, я подхожу поближе и называю себя.

Передо мной — командиръ одного изъ латышскихъ полковъ.

Строго, на ломанномъ русскомъ языкѣ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: что дѣлаю я въ районѣ расположенія красныхъ войскъ?

Солдаты въ это время закончили разгрузку и уѣхали.

Я, не растерявшись, подробно объяснилъ командиру кто я и зачѣмъ прибылъ въ Чаплыновку, а подъ конецъ моего разсказа попросилъ даже содѣйствія съ его стороны въ пріисканіи мнѣ ночлега.

Командиръ №-скаго латышскаго пѣхотнаго полка, бывшій кадровый штабсъ-капитанъ Лауданись пригласилъ меня къ себѣ. Онъ занималъ избу рядомъ съ сельскимъ управленіемъ.

Помаленьку разговорились о пятомъ, о десятомъ. Я разыгралъ изъ себя настоящаго штатскаго человѣка. И поражался: «насъ удивляетъ, что до сихъ поръ вы еще не справились съ Крымомъ. Только что я проходилъ по селу. Сколько здѣсь пѣхоты, конницы, пушекъ. А вѣдь тамъ у бѣлыхъ горсть бойцовъ, и, говорятъ, полное отсутствіе артиллеріи»...

— Да, товарищъ, вы отчасти правы, — согласился со мной латышъ, — но вотъ позиціи у нихъ укрѣпленныя и затѣмъ всѣ глав-

ныя наши силы сосредоточены сейчасъ на польскомъ фронтѣ...

Наша бесѣда еще долго длилась въ томъ же духѣ. Латышъ былъ увѣренъ, что передъ нимъ дѣйствительно сотрудникъ мелитопольскаго Совнарсуда, сторонникъ «нашей» власти, но откровенничать со мной, какъ со штатскимъ, все же воздерживался: полагаю, что въ данномъ случаѣ сказывалось попросту полученное имъ въ условіяхъ старыхъ военныхъ традицій, воспитаніе.

Мы провели съ нимъ вечеръ не скучая. Онъ дѣлился со мной впечатлѣніями своими отъ фронтовой жизни.

Много интереснаго узналъ я отъ него о томъ, что творится по ту сторону фронта, гдѣ бились родные мнѣ полки, и повеселѣлъ...

Отрадно было слышать изъ устъ врага, что мы сильны и упорно деремся, дорого продавая право называть себя русскими.

Латышъ угостилъ меня чѣмъ Богъ послалъ, а затѣмъ предложилъ устраиваться на ночлегъ. Самъ же онъ собрался обойти позиціи полка, находящіяся верстахъ въ 2½ отъ Чаплыновки.

Я, словно новичекъ въ этомъ дѣлѣ, наивно прикинулся передъ нимъ, что никогда не видалъ окоповъ вблизи. Тотчасъ же съ его стороны послѣдовало радушное приглашеніе отправиться съ нимъ вмѣстѣ.

Было около 2-хъ часовъ ночи, когда мы

проходили по пустыннымъ, звенящимъ тишиной, уличкамъ деревни.

Идемъ молча...

Настроеніе мое все повышается...

Подходимъ къ позиціямъ.

Здѣсь я долженъ откровенно констатировать, что постановка военнаго дѣла, обнаруженная мною на позиціяхъ, была въ полномъ смыслѣ слова блестящей.

Всѣ на своихъ мѣстахъ. Бодрствующіе посты и сторожевыя охраненія. Довольно приличные, въ условіяхъ современной войны, окопы. Безъ пароля — ни шагу. Словомъ вездѣ —и во всемъ сказывалась работа стараго кадроваго офицерства.

Побродили больше часу.

Кое-гдѣ небо начало розовѣть. Чувствовался прекрасный лѣтній разсвѣтъ.

И вдругъ все воздушное пространство прорѣзалъ столь знакомой мнѣ рѣжущій свистъ, за нимъ другой, третій...

То заработала бѣлая артиллерія.

Не успѣли мы съ латышомъ повернуть во свояси, какъ сзади насъ образовалось нѣчто вродѣ огневой завѣсы.

Латышъ спустя немного все же исчезъ. Я же, вытянувшись на землѣ, блаженствовалъ, ощущая пріятную и столь знакомую мнѣ музыку и раздумывая надъ тѣмъ: а не проползти ли мнѣ впередъ немного, чтобы тутъ же перейти къ своимъ.

Признаться, эту мысль я, самъ того не замѣчая, лелѣялъ еще тогда, когда только попалъ съ латышомъ въ окопы.

Но, къ сожалѣнію, красные не замедлили пустить въ ходъ свои баттареи. И послѣ короткой артиллерійской дуэли все смолкло.

Латышъ въ сопровожденіи трехъ улыбающихся красноармейцевъ разыскалъ меня во рву и, посмѣявшись надо мной, «перепуганнымъ штатскимъ», увелъ къ себѣ.

До 12-ти часовъ дня я дрыхнулъ у него въ комнатѣ. А затѣмъ отправился «по дѣламъ службы».

Исполкомъ изъ Чаплыновки переѣхалъ куда-то, такъ какъ всѣдствіе близости фронта считалъ для себя небезопаснымъ оставаться въ деревнѣ. Въ отсутствіи былъ и судья, котораго «временно замѣщалъ» секретарь.

Войдя въ помѣщеніе суда, я не успѣлъ изложить сути своего дѣла, какъ секретарь, пошептавшись о чемъ то съ писаремъ, учинилъ мнѣ форменный допросъ. Во-первыхъ у меня былъ потребованъ мой документъ. Удостовѣрившись въ его подлинности, секретарь началъ разспрашивать меня о фамиліяхъ Предсѣдателя суда, его членовъ и т. д.

Къ счастью для меня сестра Валя все это вдолбила мнѣ передъ отъѣздомъ въ голову и, такимъ образомъ, я не попалъ впросакъ.

Когда я, поблѣднѣвшій и порядкомъ струсившій, набрался, наконецъ, храбрости и воз-

мутился всѣмъ этимъ, секретарь мнѣ преспокойнѣйше объяснилъ:

— Видите ли, товарищъ, вы вашей командировкой вселили въ насъ величайшее недовѣріе къ вашей личности. Вѣдь мелитопольскій Совнарсудъ не можетъ не знать, что еще въ прошломъ году произошло выдѣленіе Чаплыновки съ ея волостью въ районъ Днѣпровскаго уѣзда. Какое же онъ имѣетъ къ намъ отношеніе? И вдругъ вы являетесь съ командировкой и запросомъ о рѣшенныхъ дѣлахъ... Вы давно въ здѣшнихъ мѣстахъ, товарищъ?

Я остолбенѣлъ: такъ опростоволоситься.

Неужели Валя со Снѣговымъ подвели меня?

И, перетрусившій въ конецъ, я далъ волю своему гнѣву:

— Нѣтъ, товарищъ, я самъ недавно изъ Москвы... И если вы мнѣ не довѣряете въ чемъ либо, то, пожалуйста, — я съ удовольствіемъ отдохну здѣсь у васъ, а вы за это время запросите Мелитополъ въ правильности моей командировки (я прекрасно учитывалъ, что съ Мелитополемъ можно снестись только кружнымъ путемъ череззъ Каховку-Александровскъ, а это отняло бы массу времени и затѣмъ Снѣговой въ случаѣ чего не выдалъ бы)... Я возмущенъ, товарищи, не менѣе вашего, что меня, человѣка, совершенно новаго здѣсь, послали въ столь опасную командировку по близости отъ фронта и не въ свой

районъ, не снабдивъ вдобавокъ ни деньгами, ни продуктами...

— Это чортъ знаетъ что такое...

Кажется секретарь какъ будто повѣрилъ въ искренность моего возмущенія, хотя и не совсѣмъ.

Но тутъ неожиданно помогъ мнѣ латышъ.

Проходя мимо суда и замѣтивъ въ окнѣ мою пришибленную физіономію, онъ весело бросилъ мнѣ:

— Ну какъ, товарищъ, очухались отъ утренней перепалки, а? Пойдемте ка обѣдать...

Когда я передалъ ему черезъ окно въ намѣренно пріятельскомъ тонѣ (для форсу передъ секретаремъ, знавшимъ съ кѣмъ я разговариваю) о только что происшедшемъ инциндентѣ онъ, очевидно ничего въ моемъ объясненіи не разобравъ, еще разъ повторилъ свое приглашеніе отправиться съ нимъ обѣдать.

Секретарь, видя такое знакомство, почтительно молчалъ и я удалился.

Уже къ вечеру того же дня я постарался по добру-по здорову изъ Чаплыновки убраться.

До Каховки подвезъ меня на своей арбѣ направлявшійся туда мужичекъ.

Снова проклятый вопросъ: что же дѣлать дальше?

Въ Каховкѣ я не могу оставаться ни одной минуты: Нюра выдастъ «Особому», какъ миленькаго.

Тутъ я вспомнилъ, что еще въ бытность мою въ Мелитополѣ мама въ одномъ изъ своихъ проектовъ предлагала мнѣ отправиться на хуторъ вблизи Михайловки (село въ 45 верстахъ отъ Мелитополя) къ ея двоюродному брату Гавріилу, (бывшему архіепископу одной изъ епархій центральной Россіи, нынѣ скрывающемуся подъ видомъ чернорабочаго на своемъ же хуторѣ).

Быть можетъ тамъ и мнѣ удалось бы пристроиться въ качествѣ простого рабочаго и продержаться до «лучшихъ дней».

На томъ и остановился...

Въ Каховку пріѣхалъ поздней ночью.

Разбудилъ Гришку, послѣдній, какъ я и ожидалъ, принялъ во мнѣ горячее участіе. Откуда то онъ добылъ настоящій большевистскій документъ на имя нѣкоего «Никиты Ферапонтова» и заставилъ меня на всякій случай взять у него небольшую сумму денегъ, какъ я отъ послѣднихъ не отказывался.

Рано утромъ отходитъ на Александровскъ пароходъ съ ранеными и Гришка взялся въ 5 часовъ утра, когда всѣ еще будутъ почивать, погрузить меня на него незамѣтно для глазъ постороннихъ.

Въ Александровскѣ я остановился на квартирѣ у того самаго бывшаго заводчика,

который любезно оказалъ мнѣ съ Женечкой Беккеръ гостепріимство въ первый мой пріѣздъ въ городъ.

Ограбленный заводчикъ жилъ по тѣмъ временамъ относительно прилично. Утромъ меня накормили недурнымъ завтракомъ и пригласили явиться обязательно къ обѣду.

За обѣдомъ знакомятъ меня съ интереснымъ молодымъ человѣкомъ, вышедшимъ къ столу изъ комнаты, расположенной рядомъ съ той, въ которой я провелъ истекшую ночь.

Когда я пристальнѣй вглядѣлся въ лицо этого молодого человѣка, то у меня ноги подкосились и сердце, оборвавшись, ринулось куда-то внизъ.

Но, призвавъ на помощь все свое хладнокровіе, я пробормоталъ свою фамилію и началъ хлебать борщъ.

Мой новый знакомый былъ никто иной, какъ политическій комиссаръ 13-й пѣхотной дивизіи, допрашивавшій меня въ Юзовкѣ, когда меня доставили къ нему въ качествѣ бездокументнаго военноплѣннаго.

Вначалѣ комиссаръ не обращалъ на меня совершенно никакого вниманія. Но, постепенно, вслушиваясь въ мой голосъ, замѣчая интонаціи его и внимательно вглядѣвшись въ меня, онъ неожиданно обратился ко мнѣ:

— Знаете, товарищъ, я васъ гдѣ то встрѣчалъ...

Я — спокойно:

— Быть можетъ...

— Вы, гдѣ служите?

Я отвѣтилъ, назвавъ, конечно, «Особый» штаба Южфронта.

А затѣмъ съ своей стороны:

— Думаю, что могли мы встрѣчаться въ Курскѣ, а быть можетъ и въ Харьковѣ, гдѣ я послѣднее время болѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Не въ Курскѣ и не въ Харьковѣ, а гораздо раньше... Я такъ хорошо помню, что бесѣдовалъ съ вами о чемъ то чрезвычайно важномъ, но гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ.

Я — усмѣхнувшись:

— Я васъ вижу впервые...

А самъ сижу какъ на иголкахъ...

Вѣдь стоитъ этому дьяволу вдругъ вспомнить картину допроса въ Юзовкѣ и я готовъ, спекся...

А это могло случиться каждую минуту...

Какъ долго тянется этотъ дурацкій обѣдъ.

Къ счастью, какъ комиссаръ ни ломалъ себѣ голову, а вспомнить, гдѣ мы съ нимъ встрѣчались, ему не удалось...

Ночью я исчезъ изъ Александровска, направившись снова на югъ.

На станціи Кронсфельдъ, высунувшись изъ вагона, я увидѣлъ на перронѣ милую Женечку Беккеръ, объ руку прогуливающуюся со своей подругой.

Шутя и смѣясь, она уговорила меня погостить у нихъ денька два-три.

Я согласился.

* * *

На мельницѣ бр. Беккеръ я прожилъ до прихода бѣлыхъ.

Женичка, узнавшая про всѣ мои злоключенія, сообщила обо всемъ своимъ старшимъ братьямъ — милымъ и славнымъ людямъ (Женичкины родители жили въ Берлинѣ) и послѣдніе настояли на томъ, чтобы до поры, до времени я остался у нихъ.

Такъ провелъ я на «курортѣ» свыше мѣсяца.

Вставалъ я въ восемь часовъ утра, въ то время какъ все и вся поднималось въ пять. На столѣ меня ужъ ждетъ горячее кофе со свѣжими сливками и легкій завтракъ. А тамъ купанье, ранній — въ 12 часовъ — обѣдъ, снова сонъ, прогулки въ поле, тихіе безмятежные лѣтніе вечера и т. п... все такое же прелестное и согрѣвающее.

Я поздоровѣлъ физически, а, главное, духовно.

Мельница у Женичкиныхъ родителей была товарищами національзирована. И всѣмъ орудовалъ комитетъ. Но такъ какъ среди рабочихъ (поголовно нѣмцевъ) не нашлось ни одного коммуниста, то большевики назначили

предсѣдателемъ комитета какого-то прощалыгу изъ Александровска.

Послѣднiй, будучи большимъ растяпой, почти ни во что не вмѣшивался и дѣло шло по старому, годами заведенному порядку.

Женичкины братья числились «спецами», одинъ — по машинному отдѣленiю, другой — по бухгалтерiи.

Когда я въ первый же день прiѣзда попытался объяснить братьямъ Беккеръ кто я и чѣмъ они рискуютъ въ случаѣ обнаруженiя меня у нихъ, — тѣмъ паче, что на станцiи и въ поселкѣ всѣ мѣстные другъ друга отлично знаютъ, — они меня успокоили: «здѣсь всѣ свои, а дурачку Фармаковскому, (предрабкому) много надо. Его мечты и не простираются дальше того, какъ бы стянуть съ мельницы куль петлёвки (лучшiй сортъ муки) и отправить своей любовницѣ въ Александровскъ»...

Изъ окна моей комнаты я ежедневно наблюдаю какъ красные эшелоны безостановочно мчатся все на югъ да на югъ: то, вѣрно, подкрѣпленiя на крымскiй фронтъ.

Безпрерывно плывутъ мимо станцiи огромнѣйшiе составы съ платформами, груженными пушками, аэропланами, броневиками и прочимъ, «губительнымъ матерiаломъ».

Очевидно, заключаю я, бѣлые нажимаютъ порядкомъ.

* * *

Во второй половинѣ мая мнѣ удалось дать знать своимъ въ Мелитополь гдѣ я.

Пріѣзжала Валя, привезла мнѣ кое-что изъ дому, пробыла два дня и уѣхала.

Просилъ ее успокоить бѣдную маму, передавъ ей, что я глубоко вѣрю въ то, что «лихая» вывезетъ.

И дѣйствительно какъ только Валя уѣхала я, находясь на своемъ наблюдательномъ посту, началъ замѣчать среди красныхъ какую-то ничѣмъ необъяснимую нервозность.

Огромные составы съ цѣннымъ грузомъ слѣдовали съ курьерской скоростью ужъ не на югъ, а въ обратномъ направленіи (очевидно изъ Мелитополя).

Какъ разъ въ эти дни высадился знаменитый дессантъ Слащева и, ударивъ краснымъ въ тылъ, часть изъ нихъ прижалъ къ Азовскому морю.

Слащевъ занялъ Мелитополь утромъ 28 мая, а-ужъ въ 12 часовъ того же дня мы, благодаря одному изъ желѣзнодорожниковъ-нѣмцевъ, знали объ этомъ.

Ликованію моему не было предѣловъ.

Вѣдь это же освобожденіе... Еще одинъ нажимъ и «мои родные полки» здѣсь... Я бѣсновался отъ счастья...

А здѣсь еще въ подтвержденіе моихъ предположеній красные эшелоны все стремительнѣе бѣгутъ на сѣверъ.

Но вотъ прошелъ день, другой, а ничто

не указываетъ на то, что бѣлые продвигаются впередъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что какъ разъ въ это время красное командованіе дважды пыталось отбить Мелитополь. І-го іюня имъ это удалось и они, ворвавшись въ городъ, выбили изъ него части генерала Слащева, но ненадолго...

* * *

Женичкины братья, опасаясь какихъ-либо непріятныхъ неожиданностей въ связи съ отступленіемъ красныхъ, перевели меня на квартиру къ одному вѣрному рабочему-нѣмцу. Послѣднему было сообщено кто я, но и безъ этого братья были увѣрены, что у него я перебуду эти рѣшающіе дни въ безопасности.

А дни, дѣйствительно, наступали рѣшающіе...

Вотъ красные броневики подошли къ нашей станціи и начинаютъ бить въ упоръ по линіи, — мое сердце ликуетъ и рвется наружу... Значитъ, уходятъ.

Артиллерія бѣлыхъ приближается: ну еще, еще немного... — молю я, сидя въ домикѣ у нѣмца-рабочаго.

Но вдругъ броневики продвигаются за Кронсфельдъ на югъ, бѣлые отвѣчаютъ все слабѣе, — настроеніе мое падаетъ и я шепчу: неужели, неужели уйдутъ?..

Такъ длится дня три.

Красные нѣсколько разъ вели упорный обстрѣлъ станціи и особенно прилегающаго къ ней нѣмецкаго поселка. Все населеніе попряталось по погребамъ. Мельницы пріостановили свою работу.

Лишь мнѣ одному неловко было лѣзть въ погребъ и, не взирая на настостойчивые уговоры Женички, я оставался въ квартиркѣ у нѣмца-рабочаго.

* * *

Въ домъ къ Беккерамъ зачастили, особенно въ перерывахъ между боями, всякаго рода комиссары, коммунисты, матросы со звѣрскими физіономіями и прочая уголовная братія.

Конечно, производили обыски, изъятія, реквизиціи и прочія разбойничьи дѣйства, но вмѣсто цѣнностей находили, большей частью, «фигу» и убирались.

Въ день, предшествовавшій ихъ окончательному и постыдному бѣгству, они явились въ рабкомъ и потребовали выдачи кожаныхъ и верблюжьихъ ремней изъ мельницы (рабочіе, будучи знакомы съ фокусами красныхъ, заблаговременно спрятали ремни, безъ которыхъ мельницу нельзя было бы впослѣдствіи пустить въ ходъ).

Такъ какъ Фармаковскій скрылся еще за недѣлю до эвакуаціи, то матросы арестовали

весь «буржуйный» рабкомъ и грозили ему, въ случаѣ невыдачи ремней, разстрѣломъ.

Женичкины братья настаивали на томъ, чтобы рабочими ремни были выданы немедленно и все обошлось бы безъ жертвъ.

Но въ это время одинъ изъ рабочихъ подалъ въ разговорѣ съ кѣмъ-то изъ членовъ рабкома реплику на нѣмецкомъ языкѣ, и возмущенный матросъ, принявъ ее очевидно на свой счетъ и обозлившись, отстегнулъ ремень, на которомъ висѣлъ огромнѣйшій кольтъ и пристрѣлилъ нѣмца .

Застывшіе отъ ужаса рабочіе тотчасъ же выдали бандитамъ драгоцѣнные ремни и тѣмъ инциндентъ былъ исчерпанъ (красные рѣжутъ ремни на подметки для сапогъ).

У застрѣленнаго бѣдняги остались жена и четверо ребятъ...

А на слѣдующій день я ужъ былъ «на конѣ» и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ этого слова.

Съ утра еще ничто не предвѣщало такого счастья.

Съ боязнью увидѣть снова на вчерашнемъ мѣстѣ мощный красный броневикъ я проснулся въ этотъ день.

Глянулъ въ окно: броневики приготовились къ бою. Передній изъ нихъ, старый знакомый мой «товарищъ Урицкій» выдвинулся значительно впередъ навстрѣчу бѣлымъ.

Къ рабочему моему въ домикъ ежеминут-

но забѣгаютъ обшарпанные красноармейцы, прося чего нибудь поѣсть, и съ жадностью проглатываютъ вкусное нѣмецкое кофе. Я сейчасъ же завязываю съ ними бесѣду:

— Что жъ это вы, такъ «бѣгите», а?

— Да што, его прётъ видимо-невидимо, а, главное, товарищъ, што тамъ эти «таньки», ляхъ ихъ бери.

Танки въ наступленіи бѣлыхъ, по отзывамъ всѣхъ красноармейцевъ, сыграли дѣйствительно рѣшающую роль..

Въ итогѣ въ Кронсфельдѣ не осталось ни одного цѣлаго стекла. Земля гудѣла подъ ногами отъ ожесточенной бомбардировки съ обѣихъ сторонъ. Красные броневики и артиллерія въ теченіе шести часовъ били по поселку, а затѣмъ начали медленно отходить на сѣверъ.

Вотъ они скрылись совершенно.

Я не выдерживаю искуса и вылетаю изъ домика вонъ.

На селѣ тихо, ни души.

Изъ боковой улицы выѣзжаетъ какая-то телѣга, а рядомъ съ ней шагаютъ два солдата.

Подхожу поближе.

Одинъ изъ нихъ обращается ко мнѣ: гдѣ красные?

Я подозрительно оглядываю ихъ: защитные гимнастерки безъ погонъ...

Конечно, это красные. Но почему же они меня спрашиваютъ о своихъ же?

Я отвѣчаю, указывая на сѣверъ: — а вонъ...

И вдругъ у одного изъ нихъ примѣчаю слабо различаемые, намалеванные химическимъ карандашомъ, иниціалы 2-го Таманскаго полка: Кубанецъ...

Я взвизгиваю отъ радости и, схвативъ его за винтовку, ору: давай сюда...

Удивившись моему буйному восторгу, онъ равнодушно указываетъ на телѣгу: — вонъ тамъ, возьми...

Телѣга наполнена винтовками. Они посланы вслѣдъ отступающимъ краснымъ для сбора бросаемаго ими оружія.

* * *

Черезъ полчаса я являлся къ командующему группой генералу Туненбергу:

— Бывшій въ плѣну у красныхъ ротмистръ 2-го коннаго Дроздовскаго полка Скулинъ Иванъ прибылъ въ распоряженіе Вашего Превосходительства.

Генералъ милостиво протянулъ мнѣ руку.

Въ кругу семьи Беккеръ и въ обществѣ милаго генерала, любезно благодарившаго Беккеровъ за пріютъ, оказанный добровольческому офицеру, я пробылъ еще полчаса.

А затѣмъ, раздобывъ коня, бросился вмѣстѣ съ имѣвшейся при группѣ кавалеріей, впередъ.

Ну и поработалъ же я тогда...

Въ такой моментъ — такъ прекрасно было бы «умереть, уснуть»...

Чтобы не видѣть всѣхъ тяжелыхъ послѣдствій катасгрофы, постигшей наше національное дѣло, не страдать отъ трехъ ужасныхъ раненій въ животъ, полученныхъ мною два мѣсяца спустя въ знаменитомъ бою за каховскій тетъде-понъ...

Но, разскажу все по порядку.

Несмотря на приглашеніе генерала Туненберга, сразу оцѣнившаго меня какъ конника, занять у него должность начальника развѣдки, я отказался.

Дроздовецъ не можетъ быть внѣ своей части*)...

Провелъ три дня въ освобожденномъ Мелитополѣ и въ полкъ.

Начиная съ конца іюня и вплоть до знаменитаго и рокового для меня августовскаго боя, я не пропустилъ ни одного интереснаго эпизода въ крымской эпопеѣ...

Тѣмъ болѣе, что армія наша была такъ бѣдна кавалерійскими частями и насъ безпрестанно швыряли съ одного участка на другой, нами затыкали всѣ прорѣхи и дыры, расползавшагося подъ все большимъ напоромъ красныхъ, фронта...

---

*) Въ ноябрѣ 1919 года и позже я не былъ съ полкомъ, потому что меня отрѣзали отъ него.

Какъ сейчасъ вспоминаю этотъ незабываемый мною и понынѣ день...

Я со своимъ зскадрономъ ворвался въ Каховку.

Красные, очевидно, только готовились къ эвакуаціи, такъ какъ нашимъ налетомъ мы внесли замѣшательство и панику въ ихъ отступающіе обозы.

Я влетѣлъ въ улицу, гдѣ въ бытность мою въ Каховкѣ, былъ расположенъ госпиталь № 26. Гляжу: все на мѣстѣ.

Здѣсь я рубить не далъ никого . . .

А, вытащивъ свой наганъ, показалъ его Фесенкѣ (унтеру изъ плѣнныхъ красноармейцевъ — отчаянному головорѣзу) и наказалъ:

— Помни, всѣ должны быть доставлены въ цѣлости, понялъ?

— Такъ точно, господинъ ротмистръ.

Отдавъ еще кое-какія приказанія, я бросился искать Нюру.

Послѣдней нигдѣ не оказалось.

Птичка успѣла улетѣть, — подумалъ я.

Мы двинулись дальше за красными.

Почти стемнѣло и по небу то тамъ, то здѣсь начали зажигаться невидимой рукой яркія звѣздочки.

И вдругъ у одной изъ глубокихъ, поросшихъ камышемъ впадинъ знаменитыхъ днѣпровскихъ плавней, я замѣтилъ какую-то тѣнь...

Остановилъ эскадронъ, а самъ проѣхалъ немного впередъ.

Совершенно случайно счастливо пригнулся къ сѣдлу, такъ какъ тотчасъ же мимо меня со стономъ просвистѣла пуля.

Я соскочилъ съ лошади и бросился въ плавни: недолгая борьба и въ рукахъ у меня очутилась отчаянно-бьющаяся женская фигура.

Когда я вывелъ ее на средину дороги и взглянулъ на нее при лунномъ свѣтѣ, я вздрогнулъ отъ неожиданности: передо мной была Нюра.

Съ искаженнымъ отъ муки и гнѣва лицомъ она свирѣпо глядѣла на меня и тщетно пыталась высвободить хотя бы одну изъ сжатыхъ мною рукъ, все намѣреваясь вытащить что-то изъ-за корсажа.

Когда же я нарочно предоставилъ ей эту возможность, въ рукахъ у нея оказался маленькій темный флакончикъ.

Не говоря ни слова, я выбилъ его у нея изъ рукъ, — Нюра при этомъ вскрикнула, — я прохрипѣлъ:

— Идите, сестра Нюра и не давай вамъ Боже попасться кому-либо изъ нашихъ молодцовъ въ руки... Вѣдь меня можетъ и не быть тогда съ ними...

Я не разстрѣлялъ ее...

Часа два спустя послѣ описаннаго мы на-

поролись на группу отступавшихъ красныхъ, встрѣтившихъ насъ дружными залпами.

Перевѣсъ былъ на сторонѣ противника.

Тутъ же меня ранили тремя пулями въ животъ: кошмарныя раненія...

Изъ Каховки до станціи Рыково (свыше 85 верстъ) меня транспортировали на ужаснѣйшемъ биндюгѣ, отправивъ затѣмъ въ хирургическій госпиталъ въ Симферополь.

И лишь въ концѣ сентября я сталъ на ноги.

Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось разыскать Гришку и вотъ...

Я кончилъ...

КОМИССАРША НЕСТЕРЕНКО

(Изъ записокъ врача)

I.

За какихъ-нибудь два мѣсяца совѣтской власти нашъ госпиталь перевидалъ четырехъ комиссаровъ.

Въ январѣ прибыла комиссарша Нестеренко. Бѣлобрысая, 25-лѣтняя особа съ подстриженными бѣлесыми волосами, худая какъ щепка; довольно наглое, можно сказать, преступное лицо.

Оказывается, что не только къ намъ въ госпиталь прислали военнымъ комиссаромъ женщину, но и во всѣхъ остальныхъ, брошенныхъ Врангелемъ, госпиталяхъ, комиссары-мужчины были замѣнены женщинами. Чѣмъ вызваны были столь мудрыя назначенія (въ особенности въ нашъ «специфическій» госпиталь) мнѣ выяснить не удалось. Но послѣдствія этого назначенія на нашемъ госпиталѣ сказались немедля.

Вмѣсто довольно безобиднаго, не вмѣшивавшагося совершенно въ медицинскую часть, полуграмотнаго Столицы, намъ прислали безстыдную и наглую женщину, не стѣ-

сняющуюся въ своихъ выраженіяхъ и матерныхъ ругательствахъ и всюду (подчасъ и въ назначенія врачей) совавшую свой носъ.

Правда, распустившійся до-нельзя низшій персоналъ госпиталя подтянулся немного, испугавшись ея начальническаго тона, а за малѣйшую провиность и мордобитія.

Съ другой стороны, не менѣе серьезно были напуганы ея появленіемъ кое-кто изъ «бѣлыхъ» больныхъ, продолжавшихъ еще «лечиться»*) въ госпиталѣ при благосклонномъ соучастіи почти всего медицинскаго персонала. Среди этихъ т.-н. «больныхъ» было нѣсколько бѣлыхъ офицеровъ, попавшихъ въ госпиталь въ качествѣ больныхъ солдатъ б. бѣлой арміи («военноплѣнныхъ», — какъ мы ихъ записывали, согласно терминологіи оффиціальнаго приказа) или же съ недурно сфабрикованными подложными документами новоиспеченныхъ красноармейцевъ.

Нестеренко въ первый же день обошла всѣ палаты и особенно пристально оглядывала (кто-то изъ «перелетовъ» ужъ успѣлъ снаушничать) б. бѣлыхъ.

На слѣдующій день въ канцелярію госпиталя были вызваны б. вольно-опредѣляющійся Уланскаго полка Желиховскій и б. капитанъ Смирновъ и, допрошенные вызваннымъ изъ находящейся неподалеку отъ госпиталя Чеки,

*) Правильнѣе было бы сказать: „продолжавшихъ существовать еще вслѣдствіе этого".

слѣдователемъ (б. писаремъ окружнаго суда), были арестованы и посажены въ подвалъ.

Присутствовавшая при допросѣ Нестеренко не стѣснялась въ угрозахъ по адресу врача Далина, дѣйствительно не вѣдавшаго кто лежалъ у него въ палатѣ. Далинъ весьма исполнительно относившійся къ своимъ обязанностямъ ординатора совершенно не интересовался политической принадлежностью и классовымъ происхожденіемъ тѣхъ больныхъ, которые были объектомъ его работы въ госпиталѣ.

— Я и васъ въ Чеку упеку! — орала Нестеренко на на смерть перепуганнаго врача. — Укрываете бѣлоогвардейцевъ... Всѣ вы здѣсь, контръреволюціонеры.

Фельдшера палаты Агеенку она тутъ же избила, сопровождая свое рукоприкладство сочной и отборной матерщиной. Даже слѣдователь-чекистъ и тотъ пожалъ плечамми при видѣ такой необузданной распоясанности.

А въ 12 часовъ дня, когда въ госпиталь явился главный врачъ Ловіусъ (прежній главный врачъ бѣжалъ съ бѣлыми) — Нестеренко подняла крикъ и на него.

Ловіусъ — флегматичный и уравновѣшенный 55-ти лѣтній нѣмецъ, не давъ ей разойтись — при всѣхъ оборвалъ ее:

— Я, товарищъ комиссаръ, знаю лишь Начэвака*). Вы здѣсь у насъ въ госпиталѣ «для

*) Начальникъ эвакуаціоннаго пункта.

наблюденія за дѣятельностью учрежденія, за политической жизнью его, а также за медицинскимъ персоналомъ, за тѣмъ чтобы не было здѣсь ни контръ-революціи, ни противоправительственной агитаціи» — великолѣпно...

Нестеренко снова повысила голосъ.

— Зачѣмъ же вы орете? Вы состоите при главномъ врачѣ и главрачъ вамъ не подчиненъ.

Ловіусъ передохнулъ и продолжалъ:

— Вы обнаружили въ госпиталѣ сокрытаго кѣмъ-то бѣлогвардейца. Если имѣете данныя, что это дѣло рукъ главнаго врача, то дайте дѣлу ходъ, заявите объ этомъ куда слѣдуетъ, — меня арестуютъ и, какъ полагается, дѣлу дадутъ ходъ. Если вамъ угодно, провѣрьте больныхъ всего госпиталя. Я вступилъ въ исполненіе обязанностей главрача съ тѣмъ составомъ больныхъ, который былъ налицо. Пріемомъ коечныхъ больныхъ вѣдаетъ въ настоящее время амбулаторія, во главѣ которой — докторъ Картавцевъ, — разспросите его...

— Вы — контръ-революціонеръ и не умѣете себя съ комиссаромъ держать какъ слѣдуетъ. Если вы сидѣли въ Чекѣ, то васъ неправильно выпустили и теперь васъ надобно посадить туда еще разъ.

— Дежурный, позовите доктора Картавцева.

Ловіусъ, поблѣднѣвъ, замѣтилъ:

— Я повторяю вамъ еще разъ, что контръреволюціонность моя очевидно не страшна совѣтскому правительству, ибо Чека меня выпустила на своободу. Если у васъ имѣются данныя противоположнаго свойства — свобода дѣйствій для васъ открыта.. .

— Ладно-ладно. Мы съ вами еще поговоримъ...

Явился перепуганный Картавцевъ, дряхлый старикъ съ трясущейся головой.

— Вы что жъ это принимаете въ госпиталь бѣлогвардейцевъ, а? Кто принялъ Желиховскаго? Извѣстно ли вамъ, что я отправила его въ Чеку? А сейчасъ и васъ отправлю вслѣдъ за нимъ...

Картавцевъ, путаясь и заикаясь, началъ оправдываться:

— Желиховскій, товарищъ военкомъ, лежалъ въ госпиталѣ еще при бѣлыхъ. Я его не принималъ и въ лицо его не знаю...

— А кто передѣлалъ въ его исторіи болѣзни фамилію и чинъ? Куда дѣвалось вымаранное слово «вольноопредѣляющійся»?

— При чемъ же я здѣсь, товарищъ военкомъ?

Мертвенно-поблѣднѣвшій старикъ чуть не плакалъ.

Разбушевавшаяся Нестеренко орала:

— Агеенку обязательно подведу подъ разстрѣлъ. Это онъ мерзавецъ взятку, навѣрное, ухватилъ и все устроилъ...

А на прощанье бросила:

— Вотъ я до всѣхъ доберусь, мать ихъ за бока. Врангелевцы проклятые! Бароново отродье!

Ежедневно въ госпиталѣ происходили инцинденты между Нестеренкой и чуть ли не всѣмъ медперсоналомъ, а отношенія между ней и главрачемъ обострились до нельзя, Ловіусъ никакъ не желалъ къ ней подлаживаться и несмотря на всѣ уговоры вновь назначеннаго помглаврача, караима Мовчана, постараться не вступать съ ней въ пререканія и какъ-нибудь обходить пункты преткновеній,—Ловіусъ не выдерживалъ характеръ и всегда осаживалъ ее.

Нестеренку же это доводило до бѣлаго каленія. Хозяиномъ госпиталя она считала себя и никакъ не могла примириться съ мыслью, что она при главрачѣ, а не онъ при ней.

Ловіусъ говаривалъ бывало намъ:

— Я просидѣлъ въ Чекѣ почти три недѣли. Какъ въ анкетахъ, такъ и на допросахъ я заявлялъ, что я убѣжденный монархистъ. Меня приговорили къ разстрѣлу и вотъ-вотъ должны были разстрѣлять... Къ счастью меня вывезла моя спеціальность (давай ей Богъ дальнѣйшаго преуспѣянія)... Но фактъ вѣдь остается фактомъ. Какъ бы тамъ ни было, по какой бы то ни было причинѣ, но разъ Чека меня выпустила значитъ я ужъ не контръ-революціонеръ. Такъ чего же я буду гнуться передъ какой-то швалью! Я добро-

совѣстно исполняю свои обязанности и совершенно ея не боюсь.

Умный, но пришибленный Мовчанъ возражалъ:

— Вамъ же извѣстно, Теодоръ Генриховичъ, какъ легко попасть въ Чеку и какъ мудрено выкарабкаться оттуда, въ особенности вторично. Вы лучше помягче съ ней и старайтесь все уладить миромъ. Изъ-за этого и мы всѣ попадаемъ подчасъ въ неимовѣрно тяжелое положеніе . . .

Мовчанъ былъ правъ.

Изъ-за стычекъ комиссарши съ главрачомъ влетало почти всегда всему прочему персоналу госпиталя и мы страдали какъ никогда.

Счастливое исключеніе представлялъ собою докторъ Чернетенко. Лишь онъ одинъ не поддавался угрозамъ комиссарши и, несмотря на то, что до послѣдняго дня «конца бѣлыхъ» носилъ всѣ ордена и кресты (что видѣли многіе изъ бывшихъ ранѣе у красныхъ, больныхъ, поспѣшившіе донести объ этомъ комиссаршѣ) — онъ безбоязненно вступалъ съ ней въ перепалку и всегда давалъ ей отпоръ.

Песлѣднее объяснялось, понятно, не только тѣмъ, что Чернетенко былъ независимымъ и смѣлымъ человѣкомъ. Уже много времени спустя мнѣ случайно удалось узнать, что у него на дому пользовался «самъ Бела Кунъ»,

о чемъ, понятно, ни одинъ смертный не вѣдалъ (а при Бела-Кунъ въ Крыму охъ, какъ много вовсе не почтеннаго возраста людей были ежесекундно смертны!).

Когда Нестеренко приставала къ нему бывало, онъ часто вовсе не удостаивалъ ее отвѣтомъ.

Но однажды бросилъ ей многозначительно:

— Послушайте («тов. военкомомъ» — онъ никогда ее не называлъ), мнѣ надоѣли ваши вѣчныя угрозы арестомъ. Знаете что: отправимтесь сейчасъ въ Чеку. Туда мы попадемъ вмѣстѣ, а вотъ обратно — неизвѣстно: я или вы останетесь въ подвалѣ.

Фраза эта такъ сильно была сказана, что смутившаяся комиссарша что-то пробормотала и удалилась къ себѣ въ кабинетъ.

II.

Еще при бѣлыхъ во II-ое отдѣленіе госпиталя (люэтическое) попалъ здоровый дѣтина лѣтъ 28-ми въ погонахъ какой-то кавалерійской части дивизіи генерала Барбовича. Иногда онъ заглядывалъ и въ наше отдѣленіе, но вообще старался не выдѣлятся. Какъ только вступили въ городъ красные, нашъ кавалеристъ моментально преобразился. Откуда-то появились у него совѣтскіе документы и встрѣчному и поперечному онъ твердилъ, что,

попавъ къ Врангелю въ плѣнъ, онъ сокрылъ свое званіе, — что онъ старый коммунистъ, у красныхъ былъ начальникомъ продотряда и т. д. Затѣмъ самочинно при первомъ же прибывшемъ въ госпиталь комиссарѣ, объявилъ себя политрукомъ*), въ качествѣ каковаго и пребывалъ при всѣхъ быстро смѣнявшихся комиссарахъ.

Въ первые же дни «новой власти» онъ, въ кампаніи такихъ же негодяевъ, какъ и самъ, успѣлъ разгромить квартиры нѣкоторыхъ разстрѣлянныхъ офицеровъ, куда являлся якобы для производства обыска, а на самомъ дѣлѣ для грабежа.

Все награбленное открыто и тутъ же распредѣлялось между соучастниками. На Вайнтраубѣ (фамилія негодяя) появился блестящій мундиръ и высокіе кавалерійскіе сапоги. Въ дополненіе не хватало лишь «спринцовки» (большевистскій головной уборъ со звѣздой посрединѣ, напоминающій германскую каску и лишь отличающійся отъ нея тѣмъ, что заканчивается подобіемъ наконечника отъ спринцовки, откуда и названіе), но и ее удалось ему обмѣнять у какого-то захудалаго красноармейца на великолѣпную гусарскую венгерку съ чужого плеча.

Свой сифилисъ (кстати, до госпиталя совершенно имъ не леченный) Вайнтраубъ лечить у насъ ужъ давно окончилъ. Но госпи-

*) При всякой воинской части полагается „политическій руководитель".

таль покидать ему не хотѣлось и, такимъ образомъ, онъ порѣшилъ задѣлаться политрукомъ, тѣмъ паче, что у него откуда то появился якобы «старый» партійный билетъ.

Съ этимъ то Вайнтраубомъ и сошлась Нестеренко. Началась на виду у всего госпиталя любовная эпопея. Вайнтраубъ знакомилъ свою сановную супругу съ распорядками госпиталя, раскрывая ей подноготную всѣхъ и вся.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней изъ госпиталя исчезла вся «бѣлогвардейщина». Мы — врачи догадывались куда поволокли въ одну мрачную ночь всѣхъ этихъ несчастныхъ больныхъ людей. Уцѣлѣли лишь единицы: это тѣ, кто прибылъ въ госпиталъ уже при красныхъ съ подложными документами, кого Вайнтраубъ раньше не зналъ.

По оговору Вайнтрауба были уведены также и два госпитальныхъ фельдшера, при чемъ одинъ изъ нихъ, медикъ старшаго курса Лаврентьевъ — славный, подававшій большія надежды юноша безудержно рыдалъ, умоляя о разрѣшеніи сбѣгать домой проститься съ матерью.

Недосягаемымъ для комиссарши оставался, повторяю, лишь одинъ докторъ Чернетенко. Во-первыхъ, у него лежалъ въ палатѣ самъ Вайнтраубъ, который питалъ къ нему признательность за сердечное и внимательное отношеніе его еще при бѣлыхъ, и во-вторыхъ,

та смѣлость и свобода, съ которой держалъ себя въ отношеніи начальства этотъ молодой еще врачъ, говорили за то, что у него имѣется гдѣ-то «заручка» и «заручка» не изъ малыхъ, а посему подъ конецъ нашей совмѣстной службы Чернетенко былъ оставленъ совершенно въ покоѣ.

Зажило наше начальство въ комнатѣ б. главрача, куда Вайнтраубъ приказалъ перенести и свою койку. Молодожены дѣлились нерѣдко грубыми ласками на виду у всѣхъ. Тогда больные протестовали, грубо ругались и отправлялись съ жалобами къ главрачу. Ловіусъ разводилъ лишь руками. Онъ пересталъ съ комиссаршей даже раскланиваться и вообще старался не замѣчать ее. Всѣ же необходимые по госпиталю переговоры съ ней велись черезъ посредство помглаврача.

Однажды докторъ Мовчанъ пригласилъ меня въ кабинетъ къ комиссаршѣ. Нестеренко, хитро улыбаясь, замѣтила: только пусть докторъ Калужинъ дастъ слово, что объ этомъ никто не будетъ знать.

Докторъ Мовчанъ возразилъ: вы напрасно безпокоитесь, товарищъ комиссаръ, врачебная тайна вообще запрещаетъ разглашать что-либо.

— Вотъ что, Левъ Германовичъ, товарищъ комиссаръ не знала, что Вайнтраубъ боленъ и заразилась отъ него (какъ я понялъ, Нестеренко давнымъ-давно была знакома съ этой бо-

лѣзнью вѣка). Ей необходимо сдѣлать вливаніе «914». Но такъ какъ ей нежелательно было бы, чтобы сальварсанъ былъ выписанъ изъ нашей аптеки на ея имя, то мы хотѣли васъ просить сдѣлать слѣдующее:

— Когда вы будете назначать больнымъ очередное массовое вливаніе, то распредѣлите дозы такъ, чтобы одна въ 0,6 грамма осталась свободной*).

Нестеренко оправдывалась передо мной:

— Когда я съ этимъ мерзавцемъ (Вайнтраубомъ) познакомилась, то я спросила у него, что это у него на лицѣ (у Вайнтрауба послѣ леченія остались кое-гдѣ на лицѣ слѣды отъ папулезнаго сифилида), — онъ мнѣ заявилъ, что это у него послѣ бритья. Я вмѣстѣ съ нимъ ѣла изъ одной тарелки, пила чай изъ одного стакана — вотъ и заразилась.

. Совершенно не интересуясь исторіей заболѣванія этой милой дамы, я было хотѣлъ возразить доктору Мовчану, что слѣдовало бы избрать иной способъ полученія сальварсана для этой особы, а не урывать его у больныхъ красноармейцевъ, но, увидя его многозначи-

*) Т. е. иначе говоря, докторъ Мовчанъ предлагалъ мнѣ украсть у больныхъ красноармейцевъ 0,6 грамма этого препарата для комиссарши. Сальварсана оставалось въ госпиталѣ все меньше, такъ какъ изъ имѣвшихся при уходѣ бѣлыхъ 1850 деци, – 1600 были украдены въ первую же недѣлю какимъ-то самозванцемъ-врачемъ вмѣстѣ съ однимъ изъ комиссаровъ 4-ой арміи. А оставшагося количества хватило, конечно, на немногое. Красное же медснабженіе вовсе не торопилось съ доставкой намъ этого необходимѣйшаго препарата.

тельные, молящіе кивки, — я принужденъ былъ съ нимъ согласиться (ужъ очень не хотѣлось ему перечить нашему начальству).

На слѣдующій день Мовчанъ мнѣ сообщилъ, что Нестеренко безъ приглашенія съ его стороны была у него на дому и онъ ей сдѣлалъ вливаніе своего собственнаго препарата. Она же обѣщала ему, получивъ отъ меня оставленную для нея дозу, разсчитаться съ нимъ.

Я забѣгаю впередъ, но долженъ сказать, что докторъ Мовчанъ не только не получилъ своей ссуды обратно, на даже избѣгалъ напоминать о ней.

Отъ него же я узналъ и нѣкоторыя біографическія подробнрсти относительно этой коммунистической особы.

Родилась она въ г. Елисаветградѣ, якобы въ семьѣ какого-то полковника. Отецъ ея умеръ еще при старомъ режимѣ. Остались небольшія средства, которыя быстро были прожиты. И впереди рисовались лишь безпросвѣтная нужда да нищета. Единственный братъ ея поступилъ въ Елисаветградское кавалерійское училище, мать попала куда-то въ приживалки, а Маруся на скопленныя за долгіе мѣсяцы труда и лишеній 35 рублей отправилась въ Москву.

Это было въ 13-мъ году. А черезъ годъ разразилась великая бойня и все перевернулось вверхъ тормашками.

Во время войны она не разъ бывала арестовываема по подозрѣнію въ неблагонадежности, но за отсутствіемъ вѣскихъ уликъ ее всякій разъ освобождали. У нея появились связи съ подпольниками. Послѣдніе видѣли въ ней недурную пособницу и «сочувствующую», снабжали ее деньгами и она училась.

Къ концу войны она окончательно превратилась въ ярую соціалистку и во время революціи вся была на сторонѣ возставшихъ, бросила курсы, на которыхъ пробыла 4 года (первые два года — медичкой, а затѣмъ на юридическомъ) и открыто пошла служить новой власти. А дальше ужъ «сплошное горѣніе и дѣйственная борьба». Здѣсь и фронтъ и работа въ качествѣ комиссара желѣзнодорожнаго транспорта, затѣмъ увлеченіе вопросами партіи и даже участіе въ карательныхъ экспедиціяхъ въ повстанческихъ областяхъ.

Въ одну изъ такихъ экспедицій она случайно попала въ родной Елизаветградъ и, входя въ Особый Отдѣлъ расположенной въ городѣ дивизіи, опознала въ одномъ изъ выходившихъ изъ зданія арестованныхъ своего родного брата. Разспросивъ о немъ, она узнала, что братъ ея пойманъ съ документами ротмистра Драгунскаго полка Нестеренко, что не мѣшало ему на допросѣ заявлять, что это документы его командира эскадрона, самъ же онъ мобилизованный солдатъ Лобковъ, а документами съ нимъ обмѣнялся ротмистръ Не-

стеренко. Какой-то плѣнный, захваченный вмѣстѣ съ нимъ удостовѣрялъ, что онъ дѣйствительно есть Кузьма Лобковъ, мобилизованный, изъ крестьянъ Таврической губерніи.

Когда по ея настоянію ей предоставили съ Лобковымъ очную ставку, послѣдній держалъ себя съ мужествомъ, заявивъ что впервые ее видитъ. Взбѣшенная, она крикнула особистамъ:

— Это онъ, я его знаю, мерзавца, какъ облупленнаго. По немъ давно пуля плачетъ. Еще въ началѣ 19-го года я слыхала не разъ про его номера, добиралась до него, да все улепетывалъ, сволочь... Доблестная «кавалегія» (она передразнила его выговоръ) и съ презрѣніемъ ткнула его сапогомъ въ бокъ.

— Вы раздѣньте его и на правой ягодицѣ обнаружите большое родимое пятно. И если это — не онъ, я голову дамъ на отсѣченіе.

Ротмистра Нестеренко выволокли въ сосѣднюю комнату, а черезъ полчаса его еще теплый трупъ былъ закопанъ въ свалочномъ мѣстѣ сосѣдняго съ Особымъ Отдѣломъ огорода.

III.

Ко времени войны съ Польшей Нестеренко командовала въ арміи Буденнаго «отрядомъ особаго назначенія». Здѣсь она дала волю своимъ преступнымъ наклонностямъ развращенной садистки.

Въ завоеванныхъ вражескихъ областяхъ она разрѣшала себѣ и своимъ молодцамъ все, наказуемое въ цивилизованныхъ странахъ тягчайшими статьями уголовнаго кодекса. Въ частности заставляла красноармейцевъ насиловать въ своемъ присутствіи беззащитныхъ женщинъ, дѣвушекъ, подчасъ малолѣтнихъ.

Послѣ польской кампаніи армія Буденнаго была переброшена на Врангеля и Нестеренко, попавъ съ нею въ Крымъ, не удержалась почему-то въ отрядѣ и ухватилась за назначеніе въ нашъ госпиталь.

Какъ я ужъ говорилъ съ ея появленіемъ матерная ругань въ стѣнахъ госпиталя не только не вывелась, но еще болѣе усилилась. Всегда съ папиросой въ зубахъ, невыспавшаяся, съ осунувшимся, помятымъ лицомъ, — она производила впечатлѣніе безсонно-проводящей ночи проститутки самаго низкаго пошиба.

И брань, ругань, матерщина и даже зуботычины на каждомъ шагу.

Большинство госпитальныхъ больныхъ таковое поведеніе представителя власти мало задѣвало, понятно. Но были среди нихъ и комиссары, подчасъ интеллигентные люди, и послѣдніе возмущались ею. Своимъ безшабашнымъ поведеніемъ она возстановила противъ себя не только людей порядочныхъ, но многихъ, по нравственному облику, себѣ подобныхъ.

Среди больныхъ комиссаровъ долженъ отмѣтить двоихъ, вступившихъ съ ней въ далеко непріязненныя отношенія, это: комиссаръ 55-го кавалерійскаго полка Бобрышевъ и комиссаръ 9-й пѣхотной дивизіи Олимпійскій. Оба они, и въ особенности первый изъ нихъ, съ перваго же дня своего появленія въ госпиталѣ, подняли кампанію противъ комиссарши и такъ и вели ее болѣе или менѣе энергично вплоть до увольненія ея отъ службы.

Бобрышевъ — ничтожество полнѣйшее, о которомъ не стоило бы и упоминать, свелъ всѣ свои отношенія къ Нестеренко почти исключительно къ дѣламъ личнымъ. Олимпійскій же — умный и относительно недурнообразованный семинаристъ поставилъ вопросъ гораздо шире. Къ сожалѣнію онъ въ госпиталѣ не задержался, иначе нашу комиссаршу убрали бы вѣрно гораздо раньше съ занимаемой ею должности.

Безусловно, назначать въ нашъ госпиталь женщину нельзя было никоимъ образомъ. И будь на мѣстѣ Нестеренко иная, даже самаго послѣдняго разбора, коммунистка — послѣдняя устроилась бы иначе, внѣ службы въ венерическомъ госпиталѣ.

Но для падшей Нестеренко — море было по колѣно.

Какъ будто невзначай она заглядывала въ палаты во время визитаціи. И когда возму-

щавшіеся больные протестовали, она цинично и грубо обрывала ихъ:

— Чего кобенишься? Поймалъ такъ держи... Не видала я, што-ль...

Врачи покорно безмолвствовали.

Упомянутый мною выше комиссаръ Бобрышевъ, прибывшій въ госпиталь въ первые же дни вступленія красныхъ въ Крымъ и мечтавшій послѣ увольненія безграмотнаго Столицы занять вакантное мѣсто, былъ несказанно огорченъ назначеніемъ на «столь отвѣтственный постъ» «какой-то безстыжей дѣвки», какъ онъ справедливо отзывался о Нестеренко.

И вотъ завязалась борьба. Грубая и языкастая Нестеренко не стѣснялась и орала при всѣхъ:

— Коммунистъ, а нарочно леченіе затягиваетъ... Развѣ трипперъ это болѣзнь?

Но такъ какъ Бобрышева выжить не такъто легко было, — все же онъ не рядовой красноармеецъ, а комиссаръ и свой же братъ коммунистъ, — то Нестеренко настояла на томъ, чтобы была назначена для освидѣтельствованія состоянія его здоровья спеціальная комиссія. Въ эту комиссію попали: предсѣдателемъ — докторъ Мовчанъ, а членами — я и Чернетенко.

Нестеренкѣ очень хотѣлось присутствовать при освидѣтельствованіи Бобрышева, но Мовчанъ отговорилъ ее отъ этого.

Мнѣнія мое и д-ра Чернетенко не расхо-

дились, Мовчанъ къ намъ присоединился и Бобрышевъ былъ оставленъ въ госпиталѣ для дальнѣйшаго леченія, хотя изъ теченія его болѣзни и явствовало, что больной позволялъ себѣ, очевидно, эксцессы, что весьма задерживало радикальное излеченіе.

Возмущенію Нестеренко не было предѣловъ...

Такъ какъ больные комиссары и прочій начальствующій элементъ не желали лежать вмѣстѣ съ рядовыми красноармейцами въ общихъ палатахъ, то имъ были отведены двѣ комнаты во второмъ этажѣ госпиталя, рядомъ съ аптекой.

И вотъ въ отместку Бобрышеву Нестеренко порѣшила выселить его оттуда.

Бобрышеву пришлось уступить, но въ общую палату онъ все же не легъ, а, перейдя на амбулаторное леченіе, поселился гдѣ-то въ городѣ въ реквизированной квартирѣ.

Съ своей стороны Бобрышевъ путемъ грубаго доноса доказалъ, что Нестеренко незаконно пользуется «слабой» (діэтой больныхъ), выписывая не только для себя, но и для Вайнтрауба, яйца, молоко и прочее.

Однимъ словомъ нашла коса на камень...

* * *

При комиссарѣ Столицѣ мы исходатайствовали черезъ него у комиссара эвакопункта разрѣшеніе не дежурить по ночамъ,

поручивъ послѣднее живущимъ при госпиталѣ фельдшерамъ.

Тяжело-больные — у насъ явленіе рѣдкое и перспектива проводить въ нашемъ миломъ учрежденіи кромѣ дня еще и ночи не очень то намъ улыбалась.

Нестеренко, вступивъ въ конфликтъ со всѣмъ медперсоналомъ, сразу же при вступленіи своемъ въ должность эту льготу отмѣнила и, хочешь-не хочешь, намъ приходилось отбывать и ночныя дежурства.

Это было тяжело, въ особенности для врачей-стариковъ, проживавшихъ далеко отъ госпиталя. Чернетенко устроился черезъ посредство всесильнаго Бела Куна и на дежурства не являлся.

Я же, а немного спустя и кое-кто изъ коллегъ, послѣдовавшіе моему примѣру, устроились иначе:

Съ вечера я являлся въ дежурную комнату, обходилъ палаты и якобы устраивался на ночлегъ. Обычно Нестеренко исчезала изъ госпиталя часовъ въ 7—8 вечера, чтобы явиться затѣмъ лишь подъ утро въ полупьяномъ видѣ или же до безчувствія нанюхавшись кокаину; такъ что съ ея стороны можно было не опасаться ночного контроля. Такимъ образомъ госпиталь я покидалъ въ 9 часовъ вечера. Утромъ же являлся на часъ раньше, когда начальство еще «дрыхло» въ постели.

Все это у меня сходило довольно гладко.

Большинство врачей, и, въ особенности, мои старшіе коллеги, какъ Картавцевъ, Мовчанъ и др. жаловались Ловіусу на малую продуктивность работы при такомъ положеніи вещей, но главрачъ лишь отмахивался рукой: молъ меня здѣсь нѣтъ.

* * *

Своими незаконными требованіями о выдачѣ ей кокаина Нестеренко терроризовала всѣхъ врачей. Въ началѣ своей службы въ нашемъ госпиталѣ она попросту отправлялась въ аптеку и выклянчивала у фармацевтовъ малыя дозы; но, когда послѣдніе начали, въ концѣ концовъ, отказывать ей, ссылаясь на невозможность для нихъ выдачи въ дальнѣйшемъ кокаина безъ рецептовъ, она безцеремонно стала приставать къ врачамъ.

Больше всего доставалось, понятно, бѣдному Мовчану. И, такъ какъ на ея имя выписывать нельзя было, то она заставляла врачей выписывать кокаинъ якобы для больныхъ, въ формѣ не бросающихся въ глаза прописей. Въ аптекѣ же ей выдавали исключительно чистый кокаинъ, безъ прочихъ ингредіентовъ.

Я долго противостоялъ всѣмъ ея наглымъ натискамъ, но однажды все же выписалъ ей ½ грамма, но на ея имя, замѣтивъ, что дѣлаю это только ради бѣдняги Мовчана, къ которому она пристала какъ піявка, и котораго попросту я долженъ былъ выручить.

Но не прошло послѣ этого и мѣсяца какъ наступленіе ею было повторено.

Какъ-то, когда я ужъ собирался уходить изъ госпиталя домой, — Нестеренко, догнавъ меня въ корридорѣ, заорала по своей обычной манерѣ, нисколько не опасаясь разгуливающихъ больныхъ:

— Докторъ Калужинъ, на одну минутку. Выпишите мнѣ полграмма кокаину: у меня желудокъ не въ порядкѣ...

Я, не останавливаясь, зло бросилъ ей:

— Я кокаина не выписываю...

— Вы что, шутите? Наглянка вспыхнула.

— Нисколько... Я взялся за ручку дверей.

— Если вы мнѣ не выпишите сейчасъ же кокаину, то я отправлюсь въ Чеку и сообщу, что вы и докторъ Ловіусъ занимаетесь контръреволюціонной пропагандой среди больныхъ.

— Но вѣдь это — ложь, но пока ее выяснятъ, вы мѣсяцъ-другой просидите въ подвальчикѣ.

Я промолчалъ и отправился домой.

Вечеромъ прихожу на дежурство. Въ «дежуркѣ» сидитъ ужъ Нестеренко.

— Докторъ Калужинъ, если я не получу сейчасъ кокаину, я пойду на все... Я знаю, что вы — человѣкъ крѣпкій... Но я не могу... Вы же врачъ. Вы же понимаете, что со мной... Я знаю, что это подло съ моей сторо-

ны, но я пойду въ Чеку и сдѣлаю то, о чемъ днемъ говорила вамъ.

Мнѣ «немного сдѣлалось не по себѣ», какъ говорятъ у насъ на югѣ евреи.

Чортъ ее бери... Вѣдь изъ-за этой стервы гляди дѣйствительно въ подвалъ попадешь!..

Отправился въ аптеку и попросилъ у управляющаго взаймы полграмма кокаину: рецепта писать не хотѣлъ.

Вручивъ комиссаршѣ кокаинъ, я замѣтилъ:

— Только примите къ свѣдѣнію, что даю его вамъ не изъ боязни передъ Чекой, а потому что, хоть и совершаю этимъ преступленіе, но какъ врачъ понимаю ваше настоящее состояніе... И не вздумайте больше никогда меня объ этомъ просить...

Съ дрожащей, животной улыбкой на лицѣ схватилась Нестеренко за мой рукавъ обѣими руками и, поминая сотни разъ подрядъ Всевышняго, клялась никогда больше не безспокоить меня.

IV.

Съ Вайнтраубомъ отношенія у комиссарши портились съ каждымъ днемъ.

Какимъ-то образомъ онъ прослѣдилъ, что Нестеренко посѣщаетъ на дому доктора Мовчана и возмутился почему его не сочли нужнымъ посвятить въ подробности. Нестеренко изобразила изъ себя невинность, напавъ на

него съ упреками: вѣдь это онъ ее заразилъ...

По другой версіи, влюбленные подрались изъ-за дѣлежа добычи. Гдѣ-то компаніей они ограбили богатую квартиру и Вайнтраубъ будто хапанулъ немного лишняго...

Такъ или иначе, но въ одинъ прекрасный день разрывъ произошелъ окончательный и сопровождался онъ скандаломъ грандіознѣйшимъ.

Сопровождаемая тремя вооруженными красноармейцами Нестеренко ворвалась въ палату, гдѣ числился больнымъ Вайнтраубъ и, не обращая вниманія на производившаго обходъ врача, принялась за производство обыска въ вещахъ Вайнтрауба.

Послѣдній, взбѣшенный этимъ, сжималъ въ порывѣ ярости свои огромные кулачища и оралъ:

— Маруська, оставь, не доводи меня до края.

А Нестеренко, нагло ухмыляясь, приговаривала, отбирая награбленныя бандитомъ вещи: это — казенное, это — краденное и т. д.

Когда подъ конецъ невыдержавшій Вайнтраубъ все же бросился на нее со сжатыми кулаками, красноармейцы скрутили ему руки...

Врачъ, производившій визитацію, прекратилъ работу, такъ какъ чуть ли не весь госпиталь собрался у дверей палаты лицезрѣть разыгравшійся фарсъ.

Не удовлетворившись подобнымъ сведеніеммъ счетовъ, Нестеренко изобличила своего недавняго любовника въ томъ, что онъ поддѣлалъ свой партійный билетъ, что коммунистомъ онъ никогда не былъ и, самое маловѣроятное, къ Врангелю онъ якобы перебѣжалъ, служилъ у него въ кавалеріи Барбовича и даже носилъ (о, ужасъ!) погоны съ шифромъ одного изъ членовъ Императорской фамиліи.

Заварилось цѣлое дѣло.

Вайнтрауба потащили для допроса въ Особый Отдѣлъ.

Въ качествѣ свидѣтелей своей коммунистической непорочности онъ выставилъ коекого изъ уцѣлѣвшихъ служащихъ госпиталя и почти всѣхъ врачей.

И вотъ отправились мы впятеромъ въ Особый Отдѣлъ 4-й арміи (я, Мовчанъ, Картавцевъ, Чернетенко и Мироновъ).

У массивнаго стола слѣдователь — невзрачный, черномазый субъектъ съ подозрительной физіономіей, университетскій значекъ съ обломанной короной въ петлицѣ, дорогой перстень съ брилліантомъ на среднемъ пальцѣ правой руки, нечесанная борода клочьями и грязный замусленный воротникъ...

Къ удивленію моему онъ, судя по говору походилъ на чистѣйшаго еврея, хотя въ показаніяхъ, которыя мы давали и значилось, что допрашивалъ насъ младшій слѣдователь

административно-слѣдственнаго отдѣленія товарищъ Романовскій.

Каждый изъ насъ заполнилъ «небольшую» анкету (около 45 вопросовъ) со всѣми полагающимися въ данномъ случаѣ свѣдѣніями до вопроса о, «партійной принадлежности и классовомъ происхожденіи» вашей прабабушки.

Однимъ словомъ — галиматья полнѣйшая.

Но въ дальнѣйшемъ, давая показанія о Вайнтраубѣ, мы изъ боязни чтобы послѣднія не расходились, (а это могло повлечь, если не для всѣхъ, то для кое-кого изъ насъ, тяжкія послѣдствія, ибо превратиться изъ свидѣтеля въ обвиняемаго въ Р. С. Ф. С. Р. — пустое дѣло...), попросту списывали все другъ у друга съ небольшими видоизмѣненіями.

Мовчанъ все опасался, что насъ могутъ почему-либо въ Особомъ Отдѣлѣ задержать и когда мы направились, наконецъ къ выходу, то милое лицо его дрожало отъ волненія.

Но вотъ, слава Богу, мы на улицѣ.

И красноармеецъ, стоявшій у выходныхъ дверей и товарищъ его, расхаживающій съ винтовкой у колючей проволоки, ограждающей это «злачное» мѣсто, — безпрепятственно выпустили насъ, отобравъ пропуска, на волю.

Мовчанъ шумно вздохнулъ полной грудью.

Немного спустя Вайнтраубъ изъ госпиталя да и изъ Симферополя, кажется, исчезъ совершенно.

Обязанности политрука были временно возложены на одного изъ больныхъ коммунистовъ, товарища Илью Соловьева — невзрачнаго и подленькаго субъекта, походившаго на кого угодно, только не на человѣка.

Это, я бы сказалъ, человѣкоподобное, превосходно уживалось съ комиссаршей, такъ какъ лебезило передъ ней и всегда стояло на заднихъ лапкахъ. Нестеренку же, какъ и всѣхъ женщинъ, лестью можно было всегда побѣдить.

* * *

Ранней весной въ одно изъ моихъ дежурствъ въ госпиталѣ появился молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти въ студенческой фуражкѣ бывш. технолога съ довольно интеллигентнымъ лицомъ и приличными манерами.

Освѣдомившись о главрачѣ и узнавъ, что таковой бываетъ въ госпиталѣ лишь до двухъ, онъ снизошелъ къ бесѣдѣ со мной, «дежурнымъ».

— Видите ли, товарищъ. Я — нездоровъ, въ госпиталѣ лечиться не желаю и товарищъ комиссаръ эвакопункта разрѣшилъ мнѣ получить у васъ нѣсколько ампулъ сальварсана на руки.

Я передалъ незнакомцу исторію исчезновенія нашего сальварсана, а для того чтобы онъ меня не заподозрилъ во лжи, послалъ санитара за управляющимъ аптекой. Послѣдній —

аккуратнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, притащилъ съ собой свои громаднѣйшія вѣдомости, гдѣ ясно, черным по бѣлому было написано, что госпиталь вотъ ужъ второй мѣсяцъ живетъ безъ сальварсана.

Незнакомецъ исчезъ.

Дней черезъ пять я, замѣняя въ амбулаторіи заболѣвшаго Картавцева, замѣтилъ моего давнишняго незнакомца, стоящаго въ очереди у пріемнаго стола.

И виду не показывая, что мы съ нимъ знакомы, я машинально взялъ у него изъ рукъ препроводительную бумажку. Въ послѣдней значилось:

«При семъ препровождается на излеченіе адъютантъ командира 6-го желбата (желѣзнодорожнаго батальона) товарищъ Никитинъ».

— На что вы жалуетесь?

— У меня старый простатитъ, докторъ.

Я удивленно взглянулъ да него.

Только на дняхъ онъ былъ у меня съ требованіемъ сальварсана (слѣдовательно, онъ страдаетъ «болѣзнью вѣка»), а сегодня у него ужъ простатитъ — заболѣваніе изъ совершенно другой области.

Изслѣдовавъ его довольно внимательно я, положа руку на сердце, не сказалъ бы, что товарищъ Никитинъ подлежитъ госпитальному леченію.

Но... при коммунистическомъ строѣ надобно держать ухо востро...

Скажешь такому Никитину, что онъ — здоровъ и не только получишь отъ него «контръ-революціонера», — больше того: слетишь съ мѣста и отправишься въ мѣста не столь отдаленныя...

Разспросивъ его подробно о предшествовавшихъ заболѣваніяхъ, я предложилъ больному:

— Хотите лечь въ палату или амбулаторно будете лечиться?

Въ концѣ концовъ, подумалъ я, — неужели мнѣ не безразлично, кто будетъ лежать на койкѣ у меня въ палатѣ, Никитинъ ли этотъ или какой-нибудь другой Чортъ Иванычъ Коммунистовъ?..

Лишь бы избѣжать скандала... и заключительнаго аккорда въ видѣ подвала Чеки... Всѣмъ идти навстѣчу, дѣлать невозможное для власть имущихъ больныхъ бандитовъ — коммунистовъ, но, Боже упаси, возстановить кого-либо изъ нихъ противъ себя, ибо всѣ мы здѣсь — вчерашніе бѣлые числимся военноплѣнными и передъ большевистскимъ закономъ — ничто!..

И, повторяю, что-либо не такъ и тебя, раба Божьяго упекутъ на Мурманъ или въ иныя, почище послѣдняго, мѣста...

Никитинъ, изысканно наклонивъ свой корпусъ, процѣдилъ:

— Я бы хотѣлъ въ палату, докторъ.

* * *

Стояли чудные, весенніе дни.

Нестеренко изнывала отъ ничего-недѣланья.

Стычки съ главрачемъ опротивѣли, Бобрышевъ на время утихомирился. Пьянство и отравленіе кокаиномъ пріѣлись...

Нестеренко жаждала любви...

И вотъ, не разспрашивая, мы, врачи, узнавали, что многіе изъ нашихъ коечныхъ больныхъ, заканчивавшіе леченіе острыхъ формъ уретрита, проводили ночи въ комнатѣ у коммунистической куртизанки.

Ей терять совершенно было нечего. Но моихъ больныхъ, людей большей частью молодыхъ, лечившихся впервые въ жизни, — мнѣ было отъ души жаль.

Сообщить же о томъ, что подлянка больна сифилисомъ я, согласно правилъ врачебной этики, не имѣлъ права.

Въ особенности памятенъ мнѣ одинъ случай, когда однажды производя обходъ, я замѣтилъ одну изъ коекъ совершенно не примятой.

— А гдѣ же Антоновичъ?

Фельдшеръ, хитро усмѣхнувшись, прошепталъ:

Онъ, господинъ докторъ, вотъ ужъ третью ночь проводитъ у комиссарши. Сегодня вѣрно, проспалъ.

Я представилъ себѣ этого славнаго мальчишку: 18-ти лѣтній красный офицеръ, по про-

исхожденію изъ родовитой старинной дворянской фамиліи (отецъ его генералъ старого времени), самъ въ высшей степени интеллигентный и порядочный малый и вотъ онъ попалъ въ руки къ этому удаву въ юбкѣ...

Ничего не сказавъ, я продолжалъ обходъ.

Весь остатокъ того дня былъ ужъ у меня испорченъ.

И я голову ломалъ надъ тѣмъ, какъ предупредить мнѣ несчастнаго мальчишку отъ грозящей ему опасности.

V.

Съ первыхъ же дней появленія въ госпиталѣ Никитина онъ произвелъ на комиссаршу огромнѣйшее впечатлѣніе.

Съ иголочки всегда одѣтый, чистенькій и выхоленный, онъ вѣжливо здоровался и бесѣдовалъ съ врачами, съ Нестеренкой и съ членами нашей комъячейки и, пользуясь своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, не давалъ никому изъ товарищей-коммунистовъ чувствовать своего превосходства надъ ними.

Вдобавокъ онъ довольно чисто говорилъ по-французски и совершенно не обращалъ вниманія на Нестеренку, какъ на женщину.

И комиссаршѣ пришлось самой повести на него аттаку.

Вначалѣ Никитинъ какъ будто бы не поддавался ей, но и не для посвященнаго было

ясно, что это лишь тонкая игра съ его стороны.

Однажды онъ явился ко мнѣ на пріемъ въ мой частный кабинетъ, когда я заканчивалъ вечернюю визитацію.

— Вы, чего здѣсь?

Смѣется:

— Развѣ вы забыли, докторъ, какъ я у васъ сальварсанъ выпрашивалъ?.. У меня «эта исторія» еще со временъ моей службы въ старой гвардіи...

Что такое... Я раскрылъ глаза. Что за мистификація...

— Да, да, да, докторъ. Я совсѣмъ не тотъ, за кого меня принимаютъ. Вопервыхъ, я не коммунистъ, хотя мнѣ и выгодно таковымъ числиться въ глазахъ окружающей меня красной скотинки. Затѣмъ, кромѣ родныхъ моихъ вы единственный человѣкъ теперь, который будетъ знать, что я бывшей гвардіи поручикъ. Въ Воронежѣ у меня старушка-мать и двѣ сестренки.

— Собственно ради нихъ я и пошелъ къ этимъ изувѣрамъ служить.

— Къ вамъ, дорогой доктръ, я явился съ огромнѣйшей просьбой. Боленъ я давно. Въ госпиталѣ по основаніямъ, которыя я вамъ сейчасъ изложу, я отъ «генерала» лечиться не хотѣлъ бы. А посему не откажите пользовать меня здѣсь въ вашемъ кабинетѣ. Я знаю, что вамъ это не очень то улыбается и вы

избѣгаете лечить госпитальныхъ больныхъ у себя на дому, но для меня, надѣюсь, вы сдѣлаете исключеніе. Не хотѣлъ бы я лечиться въ госпиталѣ и отъ «этого» не только потому что неловко, а, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что я недѣли черезъ двѣ женюсь на нашей комиссаршѣ.

Я изумленно взглянулъ на него. Да что онъ рехнулся или опредѣленно мистифицируетъ меня...

— Да, да, да, не удивляйтесь. Я провѣдалъ, что у этой бестіи есть нѣсколько бриллiантовъ, изъ коихъ одинъ въ 12 каратъ да и золота награбленнаго не малая толика. Все это, конечно, она держитъ подъ семью замками...

— Ко мнѣ она несовсѣмъ равнодушна... Вначалѣ полагала, что со мной можно какъ съ первымъ встрѣчнымъ больнымъ попросту сойтись на одну-другую ночь. Но я ее раскусилъ и сейчасъ она ухаживаетъ за мною во всю...

— За послѣдніе дни я довелъ ее чуть ли не до бѣлаго каленія. Она ужъ не протестуетъ и противъ законнаго брака. А для меня самое главное — это втереть ей очки. Я приберу ея драгоцѣнности къ рукамъ. А тамъ ищи вѣтра въ полѣ... Совѣтскому браку — грошъ ломаный цѣна...

Я сидѣлъ и слушалъ его:

— Скажите, Никитинъ, собственно какое я имѣю ко всему этому отношеніе?

— А видите ли, докторъ, вы милый и единственный человѣкъ, къ которому я могъ придти и подѣлиться своими радостями. А во-вторыхъ, самое главное, какъ я ужъ вамъ говорилъ, мнѣ необходимо подлечиться, такъ какъ вы жъ понимаете въ какой просакъ я попаду, если сейчасъ же послѣ брака моя супружница заболѣетъ.

Мнѣ очень хотѣлось сообщить ему пріятную вѣсть о томъ, что онъ можетъ совершенно не опасаться передачи болѣзни своей будущей женѣ, но.. .

Я сидѣлъ и внималъ его разглагольствованіямъ...

Конечно, я согласился лечить его у себя на дому, согласился и на то, чтобы гонораръ былъ мнѣ уплаченъ послѣ его женитьбы.

Хотя я и узналъ отъ него самого, что онъ не «велика шишка», но вѣдь онъ женится на комиссаршѣ и, чѣмъ чортъ не шутитъ, быть-можетъ, какъ глава дома, будетъ имѣть вліяніе на нее.

Такимъ образомъ дважды въ недѣлю я имѣлъ честь лицезрѣть у себя въ кабинетѣ этотъ извращенный продуктецъ кошмарной гражданской войны...

Господи, чего только я не услыхалъ отъ него за часы моихъ бесѣдъ съ нимъ.

Несчастный, изломанный и въ конецъ исковерканный человѣкъ...

Ничего святого не уцѣлѣло у него отъ «прекраснаго русскаго прошлаго». Все съ горя потопилъ онъ въ винѣ и проигралъ въ карты...

Женщинъ, послѣ того, какъ отъ одной изъ нихъ онъ заболѣлъ тяжелой болѣзнью, Никитинъ старался больше не замѣчать...

У него были связи съ видными коммунистами. Его всячески обхаживали на предметъ привлеченія въ ряды членовъ партіи, но онъ умѣло и тонко давалъ товарищамъ понять, что для политической работы не подходитъ совершенно. Такъ попалъ онъ въ адъютанты къ командиру желбата.

Должность беззаботная, особыхъ знаній не требующая и недурно вдобавокъ по совѣтскимъ временамъ оплачиваемая.

* * *

Сегодня весь госпиталь, за исключеніемъ двухъ-трехъ врачей, потащился въ бывш. кабинетъ главврача съ поздравленіями: вчера Нестеренко обвѣнчалась съ Никитинымъ.

Они зарегистрировались не только въ совѣтскомъ Загс'ѣ (Отдѣлъ записи актовъ гражданскаго состоянія), но были и у попа, который закрутилъ ихъ по всѣмъ обрядамъ церковнымъ.

Это Нестеренко-то, слѣпо преданная коммунистической вѣрѣ, вѣнчалась у православнаго попа...

Это — пустяки, что у супруга, кромѣ простатита обнаруженъ мною еще и полуострый уретритъ...

Ее, очевидно, ничто бы не могло устрашить...

И она отправилась подъ вѣнецъ съ завѣдомо больнымъ человѣкомъ.

Я ужъ не говорю о томъ, что они скрывали другъ отъ друга другой тяжелый недугъ нашего вѣка, поразившій ихъ (люэсъ).

И эти люди думали имѣть потомство...

Представляю себѣ какихъ кретиновъ преподнесли бы они въ даръ человѣчеству...

Къ счастью для послѣдняго такіе патологическіе экземпляры, какъ наши молодожены едва ли въ состояніи зачать...

А если, паче чаянія, сіе и случается, то такія женщины, какъ наша комиссарша едва донашиваютъ до 3-хъ мѣсяцевъ.

* * *

Наступилъ медовый мѣсяцъ.

Никитинъ на виду у всѣхъ какъ примѣрный супругъ удѣлялъ Нестеренкѣ максимумъ нѣжнаго вниманія и заботливости и окружалъ ее своимъ попеченіемъ.

Приходилось поражаться до какого искусства можетъ дойти человѣкъ, чтобы такъ умѣло играть свою роль.

По отзыву доктора Чернетенко наша

комиссарша какъ будто похорошѣла и расцвѣла «какъ только можетъ распуститься безобразное, чужеядное растеніе — паразитъ, обильно напоенное дождевой влагой и пригрѣтое горячими лучами солнца.»

И все же для большинства, имѣвшихъ общеніе съ нею, она была отвратительна, въ особенности, когда наряжалась въ мужской военный костюмъ и сапоги, а на голову одѣвала описсанную мною выше «спринцовку».

И подъ руку со своимъ тоннымъ супругомъ она разгуливала въ этомъ клоунскомъ одѣяніи по главнымъ улицамъ города.

Мнѣ случайно довелось услыхать вслухъ произнесенный по поводу ея костюма человѣкомъ, очевидно военнымъ, отзывъ:

— Я бы ее стерву раздѣлъ нагишомъ и прогналъ бы сквозь строй... Палокъ ей, негодницѣ дать бы...

Больные красноармейцы ее ненавидѣли. Чины комсостава (командного состава) не раскланивались съ ней...

А больные коммунисты не разъ поднимали на собраніяхъ своей комъячейки вопросъ о принятіи по отношенію къ ней, какъ къ члену партіи, репрессивныхъ мѣръ.

Комиссарша же наша и въ усъ не дула.

Полагаю, что если ей извѣстно было бы изреченіе людовика XV: «послѣ меня хоть потопъ», она смѣло примѣнила бы его къ своей особѣ...

VI.

Моя младшая сестренка — медичка 4-го курса Таврическаго Университета была еще по врангелевской мобилизацiи назначена фельдшерицей въ 37-ой полевой госпиталь.

Санитарная часть при «мудромъ» генералѣ-авантюристѣ мобилизовала все, что только возможно было.

Такимъ образомъ, студенты-медики 3-го и 4-го курсовъ были съ одной стороны оторваны отъ своихъ занятiй въ клиникахъ, съ другой стороны, будучи совершенно неподготовлены къ практической работѣ, не приносили, понятно, никакой существенной пользы въ обслуживаемыхъ ими госпиталяхъ.

Да и на поляхъ битвъ, куда большая часть этихъ юношей была послана, они мало коечему научились; о пользѣ же съ ихъ стороны для санитарнаго дѣла, повторяю, говорить не приходится.

Когда Врангель постыдно бѣжалъ — красные, вообще не способные къ созиданiю и, къ сожалѣнiю, въ совершенствѣ лишь овладѣвшiе умѣньемъ разрушать и дезорганизовать старое, — въ отношенiи бѣлыхъ госпиталей оставили все по прежнему.

Въ 37 госпиталѣ главнымъ врачемъ былъ докторъ Павловскiй. — коллежскiй ассесоръ съ рядомъ орденовъ на груди, передъ властя-

ми лебезящій и заискивающій; богомольный «до отказу», понятно.

Студентокъ-медичекъ, работавшихъ въ его госпиталѣ онъ всегда подтягивалъ, требовалъ чтобы при его появленіи онѣ вставали и привѣтствовали его не иначе, какъ «здравія желаемъ, господинъ главрач».

Какъ только бѣлые лопнули, нашъ главрачъ моментально преобразился. Куда только дѣвался его гоноръ. Со всѣми, даже съ послѣдними госпитальными санитарами и сторожами «за руку», всѣмъ и каждому — «товарищъ».

А на митингахъ главный организаторъ, первый «ораТель», призывавшій привѣтствовать «власть рабочихъ и крестьянъ».

Когда студентки возмутились такимъ хамелеонствомъ и отказывались подавать ему руку, онъ былъ этимъ весьма обиженъ, замѣтивъ:

— Товарищи, я всегда былъ ненавистникомъ власти тирановъ: еще въ годы моего студенчества я учавствовалъ... и понесъ околесину, которою студентки не желали и слышать...

Несмотря на всѣ его реверансы передъ красными, съ должности главрача его, спустя нѣкоторое время, все же убрали. Ужъ очень онъ не подходилъ при коммунистическомъ режимѣ къ должности «начальника краснаго госпиталя».

Но Павловскій не унялся и вовсе не имѣя желанія угодить въ тюрьму, куда его намѣревались не разъ упечь, онъ вошелъ въ партію, заявивъ себя ярымъ коммунистомъ.

Гдѣ то разыскалъ комиссаровъ-коммунистовъ, которые согласились подтвердить передъ Областкомомъ (Областной Комитетъ Р. К. П.), что они знали его еще въ 1917 году, когда онъ состоялъ якобы въ «сочувствующихъ».

Словомъ, сфабриковалъ документы не хуже извѣстнаго ужъ намъ Вайнтрауба.

Вотъ этотъ то хамелеонъ Павловскій и былъ назначенъ завѣдывающимъ т. н. Санпросвѣтомъ.

При нашемъ эвакопунктѣ какъ и при прочихъ военно-санитарныхъ учрежденіяхъ Совѣтской Республики были основаны санитарно-просвѣтительные отдѣлы. Задачи ихъ: вести санитарно-просвѣтительную работу среди красноармейцевъ.

Павловскій, къ этому времени ужъ совсѣмъ спятившій съ ума, такъ что въ медицинскомъ мірѣ Симферeполя его иначе и не называли какъ «психопатъ Павловскій», — чуть ли не еженедѣльно собиралъ представителей отъ всѣхъ госпиталей и мучилъ насъ своими рѣчами и докладами невозможно.

Мы едва едва справлялись съ текущей работой въ госпиталяхъ и изъ силъ выбива-

лись, чтобы свести концы съ концами въ повседневной нашей жизни.

А здѣсь еще никому ненужныя и всѣмъ быстро пріѣвшіяся собранія и засѣданія...

Въ первое время, когда я въ своемъ или въ другихъ госпиталяхъ читалъ сан-лекціи на злободневную и для каждаго изъ моихъ больныхъ поистинѣ «больную» тему, — залъ былъ биткомъ набитъ и я получалъ хоть удовлетвореніе (за каждый часъ сан-лекціи полагалась и плата: 500 рублей: это при стоимости фунта чернаго хлеба — 3—3½ тысячи рублей; но гонораръ за лекціи, какъ и жалованье персоналу въ Р. С. Ф. С. Р. выплачивается только на бумагѣ, въ ежемѣсячныхъ отчетныхъ вѣдомостяхъ).

Но спустя немного, когда темы быстро были исчерпаны и комъячейкѣ приходилось сгонять больныхъ въ лекціонный залъ насильно, ибо ни для кого изъ красноармейцевъ не представляли ужъ интересъ однажды прослышанныя ими лекціи, а въ особенности лекціи на тему объ «инфекціонныхъ заболѣваніяхъ» о гигіенѣ и т. п., — я не получалъ даже и въ слабой степени былого удовлетворенія.

Въ іюлѣ изъ Москвы прибыло предложеніе устраивать въ госпиталяхъ сан-митинги (митинги на санитарную тему) съ часовымъ гонораромъ что-то свыше 1½ тысячъ рублей.

Тогда я и Чернетенко снова оживленнѣй принялись за дѣло. Одинъ изъ устроенныхъ

мною сан-митинговъ былъ на тему: «Проституція и необходимость регламентаціи ея», а другой: «Въ какихъ случаяхъ допустимъ абортъ?» (Не только съ точки зрѣнія медицинской.)

Осенью мы получили предложеніе устроить сан-митингъ на тему: «Необходимъ ли законъ, запрещающій вступать въ бракъ лицамъ, болѣвшимъ сифилисомъ? съ тѣмъ, чтобы принятая по этому поводу резолюція была отправлена въ центральный сан-просвѣтъ, въ Москву *).

Сан-митингъ этотъ собралъ свыше 300 человѣкъ. Выступали не только врачи, но и больные.

Я явился горячимъ сторонникомъ скорѣйшаго опубликованія упомянутаго закона и больные красноармейцы меня зашикали.

Большинствомъ голосовъ была принята резолюція въ томъ смыслѣ, что молъ при совѣтскомъ строѣ, долженствующемъ въ недалекомъ будущемъ осчастливить все человѣчество, — люди будутъ всѣ здоровы и учрежденіе такого закона явится поэтому совершенно излишнимъ.

А кто-то изъ коммунистическихъословъ бывшій однимъ изъ главныхъ заправилъ среди

---

*) Однажды нами былъ также инсценированъ и „Судъ надъ больнымъ, вступившимъ въ бракъ съ не вполнѣ излеченнымъ люэсомъ".

Судъ этотъ собралъ переполненный залъ, но прошелъ онъ у насъ очень неудачно и сѣро, ибо врачи физически не въ состояніи были въ большей степени удѣлить свое драгоцѣнное время на тщательную подготовку его.

больныхъ люэтиковъ, включилъ въ резолюцію и фразу о томъ молъ, что люэсъ—это наслѣдіе проклятаго буржуазнаго общества и т. п., — однимъ словомъ вездѣ и всюду виноватъ во всѣхъ бѣдахъ этотъ проклятый «буржуйный» строй...

* * *

Я не сторонникъ современнаго капиталистическаго строя и не защищалъ никогда, оттѣняя свѣтлыми красками, то, что было гнуснымъ и позорнымъ во времена существовавшаго еще столъ недавно въ Россіи стараго порядка.

Но все же я принужденъ замѣтить (я буду говорить здѣсь только о той области, въ которой силенъ), что по моимъ наблюденіямъ тамъ, гдѣ я имѣлъ возможность пропускать черезъ свои руки массы больныхъ людей) т. е., главнымъ образомъ, въ военныхъ госпиталяхъ и лишь въ слабой степени въ частной моей практикѣ), — процентъ венерическихъ заболѣваній среди красныхъ въ общемъ не менѣе, а въ отношеніи сифилиса — и болѣе (чуть ли не въ 1½ раза) нежели среди бѣлыхъ.

И еще одно характерное наблюденіе.

Я прожилъ среди красныхъ съ ноября года по февраль 1922-го (т. е. годъ съ лишнимъ).

За это время я, какъ врачъ съ солидной практикой, пріобрѣлъ массу знакомствъ какъ съ власть имущими, такъ и съ пѣшками коммунистическаго общества.

И вотъ мои заключенія:

I. Всякій коммунистъ болѣлъ или боленъ и въ настоящее время сифилисомъ (85%).

2. Чѣмъ выше постъ, занимаемый даннымъ коммунистовъ, тѣмъ больше шансовъ за то, что онъ, кромѣ алкоголизма и кокаинизма, одержимъ еще и люэсомъ (95%).

Размѣръ да и характеръ настоящихъ записокъ не позволяютъ мнѣ вдаваться въ статистику, но со временемъ я опубликую собранный мною по этому поводу матеріалъ и свѣтъ пойметъ, что мои цифры не голословны.

Когда я попытался въ медицинскомъ обществѣ при Таврическомъ Университетѣ прочесть на эту тему докладъ, мои коллеги набросились на меня, словно на сумашедшаго:

— Что вы, голубчикъ... Если ваша жизнь не мила вамъ — это дѣло хозяйское. Но ставить въ ужасное положеніе медицинское общество — это значитъ предать его на съѣденіе безпощадной Крымчекѣ...

Несмотря на это, тѣ изъ моихъ коллегъ, съ которыми я дѣлился моими наблюденіями, изрѣдка все же заглядывая ко мнѣ, съ увлеченіемъ пробѣгали мои черновые наброски и нерѣдко дополняли ихъ своими цѣнными со-

общеніями, за что я приношу имъ на этихъ страницахъ свою глубочайшую благодарность.

VII.

Но возвратимся поближе къ нашей темѣ.

Какъ-то, сидя дома за обѣдомъ и спѣшно проглатывая скудную большевитскую трапезу, замѣчаю у параднаго входа моей квартиры красноармейца съ винтовкой.

— Тебѣ что?

— Товарищъ комиссаръ приказали немедля привести васъ въ госпиталь.

Я возмутился:

— Какъ, такъ и приказала привести?

— Такъ точно, товарищъ докторъ.

Я отославъ его обратно, замѣтивъ, что сейчасъ же прійду.

Разнервничавшись, бросилъ обѣдать и отправился въ госпиталь.

Но возмущаться передъ Нестеренкой было бы по меньшей мѣрѣ напраснымъ трепаньемъ нервовъ или даже самоуниженіемъ.

Дерзко и нагло глядя на меня своими безцвѣтными оловянными глазами, она завизжала:

— Я васъ, докторъ Калужинъ, арестую. Вы на совѣтской службѣ и позволяете себѣ манкировать своими обязанностями. Поче-

му вы сегодня послѣ визитаціи ушли, когда на 2 часа у васъ назначена сан-лекція.

Я объяснилъ, что расписаніе лекцій, которымъ она руководится, врачами госпиталя для своего удобства измѣнено, и сегодня читать какъ разъ не мой чередъ, а доктора Мовчана. Я же читаю въ субботу. Затѣмъ, если бы паче чаянія я и долженъ бы сегодня читать лекцію, то развѣ для того, чтобы сообщить мнѣ объ этомъ явилась необходимость въ посылѣ за мной «привести меня» вооруженнаго красноармейца...

— Вотъ нѣжности какія.. Что вы обидѣлись? Можетъ-быть заставите еще меня извиниться передъ вами? Охъ, какъ много еще «буржуйнаго» осталось у васъ, докторъ.

По поводу поступка комиссарши я намѣревался поговорить съ Никитинымъ. Да и кое-кто изъ видныхъ коммунистовъ, лежавшихъ у меня въ палатахъ (среди послѣднихъ — командармъ одной изъ южныхъ армій) предложили мнѣ свои услуги въ дѣлѣ «усмиренія» Нестеренки...

Но и отъ перваго и отъ второго я отказался: ужъ очень мнѣ противно было связываться съ ней.

Никитинъ очевидно разсчиталъ все заранѣе, когда женился на Нестеренкѣ, ибо въ скорости послѣ его женитьбы весь госпиталь ужъ гремѣлъ о томъ, какъ онъ проигралъ въ

одинъ вечеръ 80 тысячъ рублей, въ другой 150 тыс.

У него появился изящный золотой портсигаръ съ чужими монограммами и инициалами, понятно; на рукѣ — кольцо съ крупнымъ брилліантомъ — подарокъ отъ молодой жены. Пилъ онъ лучшія вина, какія только можно было достать въ Симферополѣ (A propos: денегъ за леченіе онъ, конечно мнѣ не уплатилъ, несмотря на то, что ужъ давно оставилъ посѣщать меня).

Однимъ словомъ, человѣкъ добился своего: былъ, что называется, у тихой пристани.

И все же чуть ли не со второго мѣсяца женитьбы начались у него съ супругой нелады.

Нестеренко составляла ему подчасъ кампанію въ его выпивкахъ; иногда и въ картишки не прочь была перекинуться...

Но, когда супругъ ея будучи навеселѣ, бросалъ на какую-нибудь женщину масляный взглядъ, комиссарша загорялась бѣшенымъ гнѣвомъ и готова была на все.

А такъ какъ Никитинъ съ каждымъ днемъ все чаще и чаще бывалъ навеселѣ, то и сцены ревности начали учащаться.

Огонь тлѣлъ и взрывъ не послѣдовалъ еще, ибо порохъ былъ еще слишкомъ влаженъ.

Но вотъ однажды Нестеренко встрѣтила его въ часовъ 5 вечера прекраснаго лѣтняго

дня неподалеку отъ госпиталя объ руку съ двумя дѣвицами далеко не серьезнаго поведенія.

Дѣвицы тутъ же были осыпаны площадной бранью, такъ что даже онѣ, видавшія виды, пустились бѣгомъ отъ нея, бросивъ своего кавалера.

Послѣдняго, бывшаго въ полупьяномъ состояніи, Нестеренко потащила за собой и, приведя въ госпиталь, начала при всѣхъ больныхъ стыдить, (дѣло происходило въ госпитальномъ клубѣ).

Разсерженный Никитинъ бросилъ ей какое-то оскорбленіе.

И Нестеренко, не выдержавъ характера, схватила стоявшую возлѣ винтовку и выстрѣлила въ мужа.

Къ счастью пуля пролетѣла мимо.

Всѣ присутствующіе бросились къ ней, чтобы образумить ее. Но послѣднее не такъ то легко было.

Къ тому же въ началѣ немного съ перепугу обомлѣвшій, но тотчасъ же оправившійся Никитинъ снова обругалъ ее.

Тогда Нестеренко, отшвырнувъ всѣхъ въ сторону, бросилась на Никитина и начала его душить.

На видъ худая и тщедушная она, оказывается, обладала колоссальнѣйшей силой, ибо мнѣ, какъ дежурному врачу, пришлось упот-

ребить свыше 20 минутъ, чтобы привести Никитина въ себя.

Красноармейцы передавали мнѣ, что они вчетверомъ насилу разжали ея пальцы вонзившіяся въ шею несчастнаго Никитина.

Своими острыми зубами она искусала до крови его лицо, уши и шею.

Произошелъ разрывъ супружескихъ отношеній почти схожій съ таковымъ же въ бытность ея въ связи съ Вайнтраубомъ.

Никитинъ думалъ было начать противъ своей супруги громкое дѣло, но, очевидно, послѣднее и для него самого не было совсѣмъ безопасно и госпитальное начальство зажило снова по прежнему.

Наружно ничего будто не измѣнилось...

Больные, поступавшіе на излѣченіе въ госпиталь, обязаны за исключеніемъ особенно-привеллигерованныхъ товарищей сдавать всѣ свои вещи на храненіе въ цейхгаузъ.

Цѣнности же и документы обычно сдавались на храненіе комиссару.

Однажды, когда мы переводили одного больного изъ нашего госпиталя въ 37-й, товарищи этого больного, бывшаго въ безсознательномъ состояніи, не досчитались при полученіи отъ комиссарши его документовъ и денегъ, маленькихъ золотыхъ часиковъ и золотого креста съ художественнымъ и рѣдчайшимъ изображеніемъ Спасителя.

Нестеренко возмущенно отказывалась признать себя виновной въ присвоеніи вещей больного, нагло, по своему обыкновенію, заявивъ:

— Часики были, но чортъ его знаетъ, кто ихъ у меня спёръ. А на счетъ крестика, то вотъ валяется у меня здѣсь какой-то крестикъ позолоченный, это его, навѣрное, и есть.

Товарищи больного красноармейца, не разъ любовавшіеся цѣннымъ крестомъ, матерно переругивались съ комиссаршей, но она не оставалась въ долгу.

Красноармейцы грозили Чекой, Нестеренко отвѣчала:

— Плевать хотѣла я и на Чеку...

Такъ дѣло это и заглохло.

Но недѣли черезъ три послѣ стрѣльбы ея по своему супругу, послѣдняго арестовали гдѣ-то чины угрозыска какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ мѣнялъ золотыя десятирублевки.

Никитина доставили въ Крымчевку, тамъ его основательно обыскали и обнаружили у него около 200 рублей золотомъ, нѣсколько мелкихъ бриліантовъ и золотой крестикъ съ художественнымъ изображеніемъ Христа.

Никитинъ, не запираясь, признался, что все это частью подарено ему его супругой, частью похищено имъ у нея.

Въ тотъ же день въ госпиталѣ появились чекисты.

Какъ Нестеренко ни отпиралась, какъ ни грозилась своими обширными связями въ Москвѣ, ее, рабу Божью, арестовали и посадили въ подвалъ...

Впервые за послѣдніе полгода нашъ госпиталь вздохнулъ свободно.

Новый комиссаръ — мягкій и вѣжливый мадьяръ, (одержимый немного умопомѣшательствомъ, въ слабой степени, правда) произвелъ на насъ прекрасное впечатлѣніе.

И мы зажили снова легко, сами устраивая желаемый намъ распорядокъ внутренней жизни госпиталя.

VIII.

Какъ то возвращался я домой отъ тяжело больного.

Стояли жаркіе, душные дни.

Всякій проѣзжавшій экипажъ или бричка поднимали столбы пыли .

Вдругъ вооруженные красноармейцы преградили пѣшеходамъ дорогу: усиленный нарядъ чекистовъ велъ по улицѣ партію заключенныхъ на допросъ...

Кого же я увидѣлъ среди нихъ.

Обшарпанная, съ посѣрѣвшимъ старушечьимъ лицомъ, грязная съ нечесанными, сбившимися въ колтунъ волосами, шагала Нестеренко вмѣстѣ съ прочими арестованными.

Я быстро отвернулся до того противно было мнѣ взглянуть на нее еще разъ.

Все же она — женщина...

Женщина — самое высшее и чудное созданіе неба.

И такъ втоптать это понятіе въ грязь, такъ замарать его.

Послѣ этой встрѣчи я потерялъ ее изъ виду совершенно.

Но въ сентябрѣ знакомый ужъ намъ комиссаръ Бобрышевъ напомнилъ мнѣ о ней.

Политбюро центральнаго комитета партіи въ Москвѣ объявило всероссійскую генеральную чистку Р. К. П.

И вотъ оказывается, что выскочившая изъ цѣпкихъ рукъ Чеки, Нестеренко подняла въ симферопольской организаціи партіи вопросъ объ исключеніи изъ ея рядовъ Бобрышева, какъ товарища, «роняющаго высокое знамя коммуниста» и т. п.

Бобрышевъ поспѣшилъ обойти всѣхъ госпитальныхъ служащихъ и врачей въ томъ числѣ, съ просьбой, чтобы послѣдніе въ случаѣ вызова ихъ на засѣданіе организаціи подтвердили справедливость его обвиненій, направленныхъ противъ комиссарши.

Не связанный ничѣмъ ни съ Бобрышевымъ, ни съ госпиталемъ и числясь за Наркомздравомъ вновь образовавшейся Крымской Совѣтской Соціалистической Республики, я категорически отказалъ Бобрышеву въ его просьбѣ, замѣтивъ, что «въ эту грязь я вмѣшиваться совершенно не намѣренъ».

— Какъ, докторъ, значитъ вы коммунистическую партію сравниваете съ грязью?

Товарищъ Бобрышевъ возмутился.

Мнѣ очень хотѣлось кивнуть ему въ отвѣтъ, но, сдержавшись, я замѣтилъ:

— Вы меня, очевидно, не понимаете, товарищъ Бобрышевъ. Коммунистическая партія здѣсь ни при чемъ. Ваши отношенія съ Нестеренкой я назвалъ грязью... Извините, но меня ждутъ больные. До свиданья...

Обезкураженный Бобрышевъ удалился ни съ чѣмъ.

Когда же въ Крыму разразился голодъ со всѣми его ужасными сторонами, и я рѣшилъ бѣжать въ чужіе края, меня, по горло погрузившагося въ хлопоты и сбитаго совершенно съ панталыку, остановила какъ то на улицѣ женщина, которую я вначалѣ и не узналъ:

— Докторъ Калужинъ, не узнаете?

Я остановился.

Привѣтливо улыбается мнѣ довольная и упитанная физіономія нашей бывшей комиссарши.

— Здравствуйте! подаетъ руку.

Надо пожать.

— Ну что, какъ живете? Гдѣ служите?

Я, хмуро глядя на нее, въ двухъ-трехъ словахъ отвѣтилъ ей на интересующіе ее вопросы.

А знаете, вы говорите, что имѣете двѣ службы. Не согласились бы вы занять и третью? Я сейчасъ работаю въ Областкомѣ, а въ Военкоматѣ (Губернскій Военный Комиссаріатъ) состою инструкторомъ. На этой недѣлѣ мнѣ поручено приступить къ формированію бригады*) Вотъ бы вы и поступили старшимъ врачемъ въ «мою» бригаду. Я могу вамъ это устроить.

Я поспѣшилъ ее поблагодарить и полетѣлъ дальше по своимъ дѣламъ.

Только этого мнѣ не доставало: снова попасть на службу подъ начало къ этому падшему и глубоко порочному созданію...

Нѣтъ, довольно... Бѣжать и только бѣжать изъ страны, плѣненной Нестеренками, Вайнтбаумами и Никитиными.

Мнѣ это удалось.

А сколько несчастныхъ и по сіе время томится въ Р. С. Ф. С. Р. не имѣя этой счастливой возможности, или же попадаетъ въ лапы вездѣсущей Чеки...

---

*) Во всякомъ губернскомъ городѣ у большевиковъ имѣется Губвоенкоматъ (прежнее Губернское по воинскимъ дѣламъ Присутствіе), при которомъ состоитъ военкоматская бригада: нѣчто вродѣ бригады при Государственной Стражѣ (у Деникина).

ИСТОРІЯ ОДНОГО ЗНАЧКА*)

(Страницы изъ утерянной автобіографіи)

*) Впервые напечатано въ газетѣ „Новое Русское Слово" (Нью-Іоркъ) номеръ отъ 3-го іюля 1923 года.

Я получилъ его при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Красные только что заняли «бѣлогвардейскій» Крымъ. Прошелъ всего лишь мѣсяцъ ихъ хозяйничанья въ богатѣйшемъ краю.

Мы — медицинскіе работники госпиталей и больницъ были наравнѣ съ прочими военнослужащими Бѣлой арміи объявлены военноплѣнными, но намъ разрѣшено было жить на своихъ квартирахъ и оставаться на прежнихъ должностяхъ.

Въ концѣ декабря 1920 года въ нашъ госпиталь прибылъ какой-то высшій медицинскій чиновникъ: не то членъ санитарной инспекціи, не то начальникъ санитарной части одной изъ армій, наводнявшихъ Крымъ. Молодой черноволосый субъектъ восточнаго типа, производитъ впечатленіе полуинтеллигентнаго, хотя и именуетъ себя «докторомъ». Съ мѣста въ карьеръ онъ приступилъ къ обходу палатъ, кухонь, помѣщеній для средняго и низшаго медицинскаго персонала, всюду совалъ свой носъ и все допытывался у больныхъ красноармейцевъ каково отношеніе къ нимъ со стороны во-

енноплѣнныхъ врачей, внимательны ли послѣдніе къ нимъ, аккуратны ли въ посѣщеніи палатъ, бываютъ ли на дежурствахъ и т. д. въ томъ же духѣ.

Въ одну изъ моихъ палатъ онъ вошелъ въ сопровожденіи военкома госпиталя, членовъ комъячейки и главрача какъ разъ во время визитаціи. Я прекратилъ работу и вытянулся, рапортуя по военному. Главный врачъ представилъ меня:

— Очень радъ, — привѣтствовало меня начальство, милостиво протягивая руку.

— Какихъ больныхъ вы ведете, сколько у васъ въ настоящее время тяжело-больныхъ и т. п. стереотипные вопросы послѣдовали одинъ за другимъ.

Затѣмъ начальство, шепнувъ что-то на ухо главрачу, продолжало какъ ни въ чемъ ни бывало бесѣдовать съ больными.

Главрачъ, взявъ меня объ руку и неловко сбиваясь, началъ разсказывать какую-то небылицу и увелъ меня изъ палаты. Не успѣли мы пройти и половины больничнаго коррилора, какъ посланный вслѣдъ за нами санитаръ доложилъ, что «товарищъ начальникъ» проситъ насъ къ себѣ.

При входѣ въ палату я засталъ еще конецъ разговора, ведшагося, очевидно, относительно моей особы. Когда же «тов. начальникъ», видимо всѣмъ удовлетворенный, собрался ужъ уходить, съ одной изъ дальнихъ

коекъ у стѣны поднялся красноармеецъ Тухолковъ, — сибирякъ, лишь третьяго дня привезенный къ намъ съ открытымъ tbc и взволнованно выкрикнулъ: «да и што за рѣчь. Нашъ дохтуръ къ намъ, што отецъ родной. Я три дня здѣсь да все примѣчаю.

Больные съ начальствомъ во главѣ покатились со смѣху.

Затѣмъ Тухолковъ, неожиданно для всѣхъ, всталъ съ постели, натянулъ на себя красноармейскую зимнюю фуфайку (онъ лежалъ полуодѣтый, так какъ ему всегда было холодно), подошелъ къ группѣ «начальства» и, ставъ въ полуоборотъ къ палатѣ, обратился ко мнѣ:

— Ты, товарищъ дохтуръ, быдто пришелъ съ нами сюды. Какой ты военноплѣнный. Вотъ ото всѣхъ товарищевъ тебѣ наша красноармейская звѣзда..

И, снявъ съ груди почти новенькую звѣздочку, протянулъ ее мнѣ.

Не во время услужливый санитаръ побѣжалъ въ раздѣвальную и принесъ мою хорошенькую бѣлогвардейскую «кубанку», столь много перевидавшую за время деникинской и врангелевской компаніи.

И вотъ подъ взглядами полутороста паръ глазъ я принужденъ былъ вколоть красноармейскую звѣзду въ мѣхъ моей кубанки. Но, еще не загнувъ кончиковъ проволоки я, смущенный и растерявшійся, вопросительно поглядѣлъ въ сторону большевистскаго началь-

ства: «имѣю ли я право на ношеніе красноармейскаго знака, я — вчерашній служащій Бѣлой арміи? Не встрѣчу ли я при этомъ какихъ-либо непріятностей для себя?»

Большевистскій начальникъ, похлопавъ меня по плечу, замѣтилъ:

— Вамъ разрѣшается, товарищъ, носить эту звѣзду. Обратитесь вотъ съ этой моей запиской (онъ вырвалъ изъ блокъ-нота листокъ и настрочилъ на немъ что-то) къ начальнику штаба 4-ой арміи.

Я снова поблагодарилъ его за «высокую честь», подумавъ: «И угораздило же этого Тухолкова преподносить мнѣ награду...

Теперь красные при встрѣчѣ со мной будутъ подозрительно оглядывать меня, а мои старые друзья и знакомые съ недоумѣніемъ отворачиваться.

Съ этого дня я началъ носить красноармейскую звѣзду. Она весьма подходила къ моей маленькой кубанкѣ. А для того чтобы она не такъ ужъ бросалась въ глаза я распушилъ около-лежащіе волоски мѣха и они почти закрывали ее. Иногда мнѣ случалось забывать про маленькую звѣздочку, а подчасъ она представляла мнѣ даже значительныя преимущества (при хлопотахъ за родныхъ и близкихъ знакомыхъ мнѣ благодаря моей маленькой блестящей звѣздочкѣ, удавалось свободно проходить въ Чеку и многочисленные Осо-

бые Отдѣлы безъ предъявленія пропусковъ и проч.)

Съ другой стороны эта же звѣздочка не единожды приносила мнѣ массу огорченій и непріятностей. Однажды встрѣтилъ меня на улицѣ только выпущенный изъ большевистской тюрьмы (отчасти благодаря моимъ хлопотамъ) адвокатъ Нѣжинцевъ — старый другъ моего отца. Какъ горячо было его привѣтствіе при видѣ меня и какъ ужасно измѣнилось его лицо при взглядѣ на звѣздочку, украшавшую мою кубанку:

— Ты (онъ мнѣ всегда говорилъ «ты»).. вы.., носите звѣзду?

Я поспѣшилъ ему подробно объяснить какъ попалъ ко мнѣ этотъ значекъ.

Онъ только глубоко вздохнулъ, полупрезрительно взглянулъ на мое открытое, не лгавшее ему никогда, чуть ли не родному мнѣ человѣку, лицо, и, не попрощавшись, зашагалъ дальше.

Прійдя домой, я съ гнѣвомъ сорвалъ съ кубанки маленькій значекъ и съ силой швырнулъ его въ дальній уголъ комнаты: «Господи, за что все это... Будь они трижды прокляты: и эта звѣздочка и красноармеецъ, презентовавшій ее мнѣ. Не имѣя изъ-за этого душевнаго покоя... Каждому объяснять «почему» да «отчего»...

На слѣдующій день я отправился въ госпиталь безъ звѣздочки.

Но, какъ говорится, если ужъ не повезетъ, то...

Въ корридорѣ столкнулся съ разгуливающими больными. Поздоровались. Сбрасывая шубу, я уронилъ на полъ кубанку и, поднимая ее, увидѣлъ проходившаго мимо Тухолкова. Послѣднiй, замѣтивъ отсутствiе звѣздочки на кубанкѣ, нахмуренно обратился ко мнѣ:

— Что, дохтуръ, али стыдишься нашей кокарды. Мыслишь, что бѣлые заявятся опять, а?

Искусно разсмѣявшись, я увѣрилъ Тухолкова въ моей политической лойяльности, объяснивъ, что у звѣздочки отломались кончики и она не держится на кубанкѣ.

Ну и положенiе же создалось...

Съ одной стороны — носить значекъ, значитъ потерять послѣднихъ близкихъ мнѣ и понимавшихъ меня доселѣ людей, съ другой стороны — не носить, значитъ навлечь на себя непрiятности со стороны комъячейки, ревностно слѣдившей за всѣмъ и вся.

Такъ промучился я еще около мѣсяца, пока Тухолковъ и прочiе больные, присутствовавшiе при награжденiи меня значкомъ, покинули стѣны госпиталя. Къ тому же кромѣ выбытiя большинства старыхъ больныхъ измѣнился и составъ комъячейки. Вмѣсто кубанки и военнаго покроя шубы я началъ носить съ разрѣшенiя новаго комиссара старую шляпу и штатское пальто.

Прошло свыше года. Экспериментъ ком-

мунистическихъ фанатиковъ надъ несчастной страной подходилъ къ концу. Всѣ послѣдствія бандитскаго хозяйничанья новыхъ тирановъ надъ Россіей были налицо и главное изъ нихъ, голодъ, творилъ свое страшное дѣло. На улицахъ моего родного города появились первые трупы, умершихъ голодной смертью. Кое-гдѣ родители начали пожирать своихъ дѣтей. Поистинѣ пришло царство каннибаловъ вмѣсто обѣщаннаго «соціалистическаго рая».

Я рѣшилъ бѣжать въ чужіе края.

Кто не жилъ подъ большевистской пятой, тотъ не можетъ представить себѣ и сотой доли тѣхъ каръ, коими чревата была вся моя затѣя въ случаѣ неудачнаго бѣгства.

Я уничтожилъ всѣ слѣды, которые указывали бы на то, что я врачъ и состою на совѣтской службѣ, изорвалъ рядъ дорогихъ мнѣ писемъ, сжегъ массу цѣнныхъ по воспоминаніямъ документовъ и собрался въ путь.

Найди большевистскіе жандармы, тщательно, до раздѣванія наголо, обыскивавшіе меня передъ посадкой на иностранный пароходъ, какое-либо указаніе на мое прошлое и меня неминуемо ожидалъ бы разстрѣлъ. Но я — литовскій подданный (таковымъ я сдѣлался за приличную мзду всего лишь за два дня до отъѣзда), всѣ документы у меня въ порядкѣ и придраться ко мнѣ не представляется возможнымъ.

* * *

Мы у входа въ Босфоръ. Въ знаменитой Кавакѣ насъ вакцинируютъ, чистятъ и моютъ. Вотъ небольшой катерокъ остановилъ нашъ пароходъ. Къ намъ взбираются чины французской и англійской контръ-развѣдокъ въ сопровожденіи контръ - развѣдчиковъ отечественныхъ. Одинъ изъ послѣднихъ, одѣтый въ яркую форму французскаго офицера, кратко — по-русски — скомандовалъ:

— Кто изъ Батума направо, остальные налѣво.

Затѣмъ обратился исключительно къ намъ, собравшимся направо:

— Попрошу всѣ имѣющіеся у васъ газеты, журналы и брошюры сейчасъ же собрать и сложить здѣсь на палубѣ. Никто за нахожденіе у него большевистской литературы никакому наказанію подвергнутъ не будетъ. Но если послѣ этого мы обнаружимъ что-либо, то...

Никто изъ пассажировъ ничего на палубу не принесъ, такъ какъ ни у кого ничего не было. Лишь я одинъ обратился къ офицеру съ вопросомъ какъ мнѣ быть, ибо часть искусно припрятаннаго мною отъ большевиковъ моего инструментарія была обернута въ газеты. А такъ какъ въ Р. С. Ф. С. Р. иныхъ газетъ кромѣ «своихъ» не издавзалось, то, понятно, что у меня въ чемоданѣ оказались всевозможные «Правды», «Извѣстія» и «Коммунисты». Офицеръ разрѣшилъ мнѣ собрать ихъ и передать ему.

Но въ чемоданѣ поверхъ инструментарія были наложены книги и бѣлье. Все перекладывать — долгая процедура. И я началъ вытаскивать газеты изъ подъ низу, не перекладывая вещей. Конечно послѣднія (газеты) появились на свѣтъ Божій въ изодранномъ видѣ, безъ цѣлыхъ половинъ и т. п.

Когда я доставилъ все это офицеру, онъ недовольно поморщился, замѣтивъ: «что жъ это вы не смогли вытащить ихъ въ болѣе приличномъ видѣ?»

Въ тотъ моментъ я не понялъ недовольства офицера. Но позже мнѣ объяснили, что совѣтскія газеты въ Константинополѣ (это было начало 1922 года) своего рода рѣдкость и чины контръ-развѣдки попросту торгуютъ ими, такъ какъ редакціи газетъ изрядно платили за свѣжіе №№ совѣтскихъ изданій.

Когда насъ разсортировали, то меня выпустили на берегъ однимъ изъ первыхъ, не задерживая совершенно. Объясняется это тѣмъ, что о каждомъ, пріѣзжающемъ изъ Р. С. Ф. С. Р. собирается болѣе или менѣе вѣрная информація. Я ѣхалъ изъ Совѣтской Россіи въ качествѣ счетовода подъ чужой фамиліей, и какъ литовскій подданный. Документы мои (настоящіе) были зашиты въ подметки моихъ ботинокъ.

Но въ то время, когда я не назвалъ еще своей настоящей фамиліи, одинъ изъ чиновъ французской контръ-развѣдки (русскій) зая-

вилъ мнѣ: «Ваша фамилія, докторъ, не N, а NN. Вы такой же счетоводъ, какъ я турокъ, — и привѣтливо разсмѣялся.

Въ данномъ случаѣ произошло лишь счастливое стеченіе обстоятельствъ. Контръ-развѣдчикъ служилъ въ старой арміи на одномъ фронтѣ со мною, чуть ли не въ одной дивизіи, встрѣчалъ меня не разъ (я его совершенно не помнилъ) и безъ труда опозналъ меня, обшарпаннаго и оборваннаго бѣженца изъ совѣтскаго рая.

Багажъ мой благодаря этому былъ просмотрѣнъ мелькомъ. Ревизія турецкой таможни была также поверхностной, такъ какъ послѣдняя искала исключительно золото и табакъ, хотя и осматривала каждую коробочку.

Я — въ Константинополѣ.

Подавляющее впечатлѣніе шумнаго богатаго города послѣ совѣтской мертвечины и запустѣнія.

Въ одинъ изъ первыхъ тяжелыхъ мѣсяцевъ жизненной борьбы въ Константинополѣ, когда такъ остро, какъ никогда ощущаешь, что здѣсь среди этихъ червивыхъ и бездушныхъ людей ты долженъ надѣяться исключительно на свои собственныя силы, — я искалъ среди мелочей моего саквояжа въ одной изъ маленькихъ коробочекъ старую записную книжку съ адресами.

И вдругъ мнѣ въ руки попалъ маленькій

совѣтскій значекъ съ обломанными кончиками.

И вспомнился 12-ый госпиталь въ совѣтской обстановкѣ, больные красноармейцы, Тухолковъ, далекая родная Россія...

И такъ потянуло домой.

Тамъ ужасы голода, но тамъ свои, родные люди кругомъ, тамъ родная рѣчь.

И тѣ муки — родныя, легче переносимыя муки.

И еще многое напомнилъ мнѣ маленькій красноармейскій значекъ.

Я бережно положилъ его обратно въ коробку.

И почему-то легче мнѣ стало.

Казалось, что это маленькое напоминаніе о Родинѣ (плѣненной изувѣрами) придало мнѣ силы и бодрости для дальнѣйшей борьбы.

Не успѣлъ я въ Константинополѣ завоевать мало-мальски сносныя условія для приличнаго существованія, какъ наступленіе Кемаль-паши снова разстроило едва было наладившуюся нормальную жизнь.

Слухи, одинъ чудовищнѣе другого ползали по городу. Всѣ кто могъ и куда могъ улепетывали безъ оглядки.

Благодаря случайному знакомству мнѣ посчастливилось попасть на службу въ ущелья Старой Сербіи — дикой и заброшенной мѣстности у границы съ Болгаріей.

И вотъ снова я на военной службѣ, кото-

рую такъ возненавидѣлъ за годы гражданской войны.

Должность я получилъ въ сербскомъ королевскомъ госпиталѣ. По уставу я обязанъ носить сербскую военную форму, но такъ какъ пріобрѣтеніе таковой мнѣ было совершенно не по средствамъ, а сербы еще не успѣли разбогатѣть, чтобы выдавать и иностранно-подданнымъ подъемныя на обмундированіе (своимъ выдаютъ), то я добился льготы и мнѣ разрѣшено было ходить въ русской военной формѣ.

За гроши я добылъ въ Бѣлградѣ всѣ необходимыя приадлнежности, до погонъ и кокарды включительно.

Жизнь въ сербскомъ пограничномъ городкѣ, въ миніатюрѣ напоминающемъ нашъ уѣздный украинскій, до того меня угнетала, что я буквально чувствовалъ, что еще полгода такого прозябанія и мои нервы не выдержатъ.

Наконецъ путемъ неимовѣрныхъ усилій и безконечныхъ хлопотъ мнѣ удалось вырваться въ великую Заатлантическую Республику. Какъ не хотѣлось мнѣ забираться далеко за океанъ отъ близкой къ моей Родинѣ Европы, но — volens nolens — пришлось.

И вотъ, разбирая сегодня вещи я натолкнулся на маленькую блестящую коробочку, а въ послѣдней я нашелъ изящный красноармейскій значекъ.

Маленькая звѣздочка на большомъ сіяющемъ солнечномъ полѣ.

И вспомнился мнѣ снова больной Тухолковъ. Это онъ подарилъ мнѣ эту звѣздочку, не простую, грубо-сдѣланную большевистскую кокарду, а прелестную маленькую звѣздочку на солнечномъ полѣ.

Я не хочу разбираться сейчасъ что представляетъ собой эта красноармейская звѣзда: жидовско ли массонскую пентаграмму, по объясненію нашихъ погромныхъ дѣлъ мастеровъ или попросту обыкновенную пятиконечную звѣзду (пять странъ свѣта) посрединѣ которой изображены эмблемы совѣтскаго строя: серпъ и молотъ.

Для меня этотъ значекъ олицетворяетъ сейчасъ мою далекую, заброшенную отъ меня на 10 т. клм., Родину.

Сербскіе пограничные чиновники, среди которыхъ немало русскихъ шпиковъ, осматривали меня довольно основательно дважды: при въѣздѣ въ Сербію и при выѣздѣ изъ нея.

Жизнерадостный французскій жандармъ въ Шербургѣ, опрашивая меня, не имѣю ли я у себя среди вещей золота, случайно раскрылъ маленькую коробочку въ которой находился забытый мною значекъ.

И черный янки въ Нью-Іоркѣ, лопоча что-то на своемъ мало-понятномъ американскомъ нарѣчіи, перебрасывалъ всѣ мои вещи, что

на его языкѣ именовалось, очевидно, контролемъ.

И никто не обратилъ вниманія на маленькій красно-золотистый значекъ, при обнаруженіи коего, быть-можетъ, я навлекъ бы на себя немало непріятностей.

Далекая, Богомъ забытая и человѣчествомъ проклинаемая, Россія.

Ты — моя Родина и клянусь, что таковой останешься ты для каждаго изъ твоихъ вѣрныхъ сыновъ, куда бы ни забросила насъ злая судьба.

И кто бы ни былъ у кормила Россіи: Временное ли правительство на подобіе правительства Керенскаго или же новый тиранъ, такъ желаемый нашими изувѣрами справа, — я повезу съ собой какъ кокарду и погоны стараго режима (я и ихъ сохраню для будущаго), такъ и маленькій красноармейскій значекъ.

Ибо и первое и второе — Россія.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ*)

(Быль)

---

*) Въ началѣ марта 1922 года въ Батумѣ на пристани авторъ сихъ строкъ докторъ Калужинъ былъ задержанъ чекистами при посадкѣ на французскій пароходъ „Маршалъ Фошъ". Все же ему (или вѣрнѣе женѣ его) удалось передать мнѣ свою папку съ записками, среди которыхъ я разыскалъ сей разсказъ. Мнѣ пришлось измѣнить въ немъ лишь фамиліи, ибо персонажи его, быть-можетъ, еще живы. Л. Х.

I.

Событіе это имѣло мѣсто мѣсяца три съ лишнимъ послѣ прихода красныхъ. Природа Крыма не успѣла еще остыть горячо-напоенная невинной кровью и замученная смрадомъ и удушьемъ царства диктатуры.

Я только вышелъ изъ тюрьмы.

Мнѣ милостиво разрѣшили возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей ординатора 12-го госпиталя, (переименованнаго новой властью въ 7-ой полевой запасный ХОВСУ*) впредь до отправленія меня съ очередной партіей коллегъ на Мурманъ въ видѣ кары за службу у бѣлыхъ.

Изъ-за сидѣнья въ тюрьмѣ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе поголовнаго бѣгства почти всѣхъ моихъ паціентовъ (въ большинствѣ чиновъ Бѣлой арміи), я свою частную практику растерялъ совершенно.

Да и по состоянію своего здоровья я ужъ былъ не тотъ энергичный, полный силъ, 32-лѣтній врачъ.

---

*) Харьковское Областное Военно-Санитарное Управленіе.

Трудно, весьма трудно было войти вначалѣ въ колею.

Но прошла недѣля, другая и практика снова начала налаживаться, правда, весьма слабо.

Мѣстные паціенты были заняты приспосабливаніемъ къ такъ рѣзко и вдругъ измѣнившимся условіямъ жизни. Прибывавшія же красныя войска (въ массѣ своей, по моимъ дальнѣйшимъ наблюденіямъ, болѣющія не менѣе интенсивно нежели бѣлыя) пользовались у врачей, проживавшихъ на центральныхъ улицахъ и ко мнѣ попадали лишь случайно.

Все же, несмотря на это, я аккуратно высиживалъ свои пріемные часы, въ особенности вечерніе.

Въ одинъ изъ такихъ сѣрыхъ и неинтересныхъ будничныхъ дней, когда я, просматривая у себя въ кабинетѣ какой-то старый медицинскій журналъ, собрался, увидѣвъ на часахъ цыфру 7, отправиться погулять, — на парадномъ раздался рѣзкій звонокъ.

Еще въ первые годы моей медицинской практики я научился почти безошибочно опредѣлять по звонкамъ людей вообще и моихъ паціентовъ въ частности. Этотъ звонокъ, лихорадочный и прерывистый, говорилъ мнѣ, что вопервыхъ — звонитъ самъ больной и во-вторыхъ — мое заключеніе въ данномъ случаѣ явится для больного рѣшеніемъ вопроса исключительной важности.

Я открылъ дверь.

Передо мною стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ 28-ми. Мягкіе сѣрые глаза были возбуждены и нервно бѣгали. Выхоленныя бѣлыя руки тряслись и дрожали, когда онъ снималъ съ себя великолѣпную кавалерійскую шинель съ орденомъ «Краснаго Знамени» на лѣвой сторонѣ груди.

Нервнымъ порывистымъ шагомъ онъ вошелъ ко мнѣ въ кабинетъ.

II.

— Я васъ слушаю.

— Разрѣшите, докторъ, изложить вамъ все подробно.

— Пожалуйста.

— Я — старшій сынъ извѣстнаго всему Югу и Украинѣ заводчика Хохловкина. До 1918 года я былъ на юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета. Мнѣ оставалось лишь сдать государственные экзамены. Но въ это время, я, давно принимавшій участіе въ политической жизни страны, понялъ, что или я примкну къ коммунистамъ или же, побѣдивъ себя, уйду совершенно отъ политической жизни. Послѣдняго я совершить не могъ и я пошелъ въ партію. Я, докторъ, принадлежу къ тѣмъ людямъ, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ. Объ этомъ вы можете судить по заслуженному мною высшему ордену Респуб-

лики. Я не окунулся во фракціонную грызню и не занялся ничего-недѣланіемъ въ безчисленныхъ партійныхъ говорильняхъ, а отправился на Колчаковскій фронтъ. На фронтѣ я пробылъ свыше двухъ лѣтъ. Я, дважды во время германской войны освобождаемый отъ военщины по очень серьезнымъ статьямъ расписанія болѣзней, никогда въ жизни не владѣвшій шашкой, былъ командиромъ кавполка, а въ послѣднее время и цѣлой кавбригады. Въ истекшемъ году какъ разъ передъ ликвидаціей Врангеля меня, несмотря на все мое нежеланіе, — съ фронта все же убрали: ужъ очень я расшаталъ свое здоровье. Volens-nolens пришлось отправиться домой, въ тылъ. Здѣсь меня назначили на должность Чрезвычайнаго Окружного Продкомиссара Кременчугской губерніи (родной край) и облекли обширнѣйшими по вѣдомству продовольствія полномочіями. Не успѣлъ я пробыть въ родномъ городѣ и трехъ мѣсяцевъ, какъ меня достаточно оцѣнили и на предстоящихъ выборахъ въ ВЦИК намѣтили въ кандидаты и я имѣю всѣ шансы пройти.

— Какъ видите, докторъ, передъ вами человѣкъ, у котораго лишь свѣтлое и радостное впереди. Съ фронта я имѣлъ право уйти, такъ какъ опасность миновала, мы побили всѣхъ интервентовъ и, если прійдется, то поколотимъ и Европу.

Коммунистъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ:

— До послѣдняго времени я, несмотря на свои 27 лѣтъ, не зналъ ни одной женщины. На женщину я привыкъ смотрѣть какъ на что-то высшее, какъ на какое-то чудное, хрупкое созданіе и какъ сейчасъ вспоминаю дни юности, когда я, молясь въ церкви, представлялъ себѣ при взглядѣ на Богоматерь классическія изображенія Мадонны изъ «Исторіи Искусствъ» и тогда какое-то сладостное томное волненіе охватывало меня.

— По пріѣздѣ моемъ съ фронта въ Кременчугъ я близко сошелся съ дочерью моей двоюродной сестры. Молодая (ей 24 года) интересная и веселая дѣвушка, — она завертѣла меня, неопытнаго въ дѣлахъ любви, и мы порѣшили зажить общей жизнью. Въ первый мой пріѣздъ по дѣламъ Продкома въ только-что освобожденный отъ бѣлыхъ Крымъ, Ирина упросила меня взять ее съ собой, благо въ Симферополѣ у нея имѣется со стороны отца родная тетка, у которой мы по пріѣздѣ и остановились. Пробывъ въ Крыму почти недѣлю, я принужденъ былъ экстренно выѣхать въ Кременчугъ, гдѣ задержался на два мѣсяца. Возвратившись въ Симферополь узнаю, что нареченная моя вела себя въ мое отсутствіе довольно свободно: чуть ли не ежедневно учавствовала въ пьяныхъ вечеринкахъ чиновъ штаба 4-ой арміи, ѣздила съ ними за городъ и возвращалась домой иногда и на разсвѣтѣ. Теткѣ ея, особенно возстававшей за это на

Ирину, я не совсѣмъ довѣрялъ (старая дѣва!) да и вообще, признаться, не придавалъ всему этому особеннаго значенія, такъ какъ зналъ свою невѣсту за любящую повеселиться и далекую отъ обывательскихъ предразсудковъ дѣвушку. Вы слушаете меня, докторъ, внимательно?

— Пожалуйста, продолжайте.

Коммунистъ, попросивъ разрѣшенія курить вытащилъ портсигаръ и задымилъ:

— Теперь наступаетъ самое кошмарное. Произошло это приблизительно мѣсяца полтора тому назадъ. Мы были съ Ириной «на картинахъ», затѣмъ она заѣхала ко мнѣ посидѣть (я поселился въ реквизированной комнатѣ, такъ какъ не считалъ удобнымъ въ положеніи жениха жить вмѣстѣ съ нею у ея тетки). Мы пили чай, ужинали. Ирина заставила меня выпить два большихъ бокала крѣпкаго портвейна, выпила изрядно сама и, ласкаясь, — а она, докторъ, чудо какъ хороша, — отдалась мнѣ и уѣхала домой лишь утромъ слѣдующаго дня.

Я находился въ ужаснѣйшемъ состояніи. До полудня не могъ заставить себя выйти изъ дому, такъ какъ мнѣ казалось, что я совершилъ что-то непоправимо-ужасное, что всѣ на меня будутъ смотрѣть и, указывая пальцами, говорить: «вотъ это онъ, тотъ самый, который совершилъ это.»

Каково же было мое удивленіе, когда въ

пятомъ часу дня Ирина явилась ко мнѣ вся разодѣтая и яркая и, заласкавъ меня, взяла меня снова (я говорю «взяла», ибо она не отдавалась, а брала меня). Вечеромъ повторилось то же. Я обѣзумѣлъ и мы цѣлую недѣлю провели словно въ чаду. Затѣмъ мнѣ на нѣсколько дней приходилось отлучаться въ порты Крыма и эти дни казались мнѣ долгими недѣлями. Я впервые позналъ восторги чувственной любви и сладость слiянiя, страсть всецѣло захватила меня. Мы рѣшили провести ближайшiй мѣсяцъ въ Крыму (кстати и дѣла Продкома задерживали меня здѣсь) и сейчасъ же по возвращенiи въ родной Кременчугъ оформить нашъ бракъ въ Загс'ѣ*) и зажить вмѣстѣ ужъ въ открытую. Вы, докторъ, навѣрное любили, вы поймете меня... Я вступилъ въ какой-то новый, чудный кругъ жизни. Дни первой любви, вѣрно, у всякаго человѣка — самые свѣтлые и незабываемые дни. Юныя женскiя чары со всѣми ихъ изгибами и причудами заполонили меня. Я сдѣлался сильнымъ и гордымъ. Мнѣ казалось, что лишь теперь на 27-омъ году жизни я позналъ радость бытiя...

Недавно у Ирины заболѣло горло. Я забезпокоился и посовѣтовалъ ей сходить къ врачу, но она лишь расхохоталась, замѣтивъ, что это пустяки и бывало у нея и раньше. Пригото-

---

*) Отдѣлъ Записи Актовъ Гражданскаго Состоянiя при Исполкомѣ.

вила себѣ какое-то полосканіе и я забылъ объ этомъ совершенно, но горло у нея не проходило.

Третьяго дня я почувствовалъ незначительную боль въ паху. Я зашелъ въ ближайшую аптеку, гдѣ мнѣ порекомендовали обратиться къ вамъ. Видите ли я, докторъ, ежедневно ѣзжу часа полтора верхомъ. Быть-можетъ это отъ верховой ѣзды. Не можетъ же быть чтобы какая-то ничтожная ссадина имѣла отношеніе къ вашей спеціальности. Ради Бога, докторъ, успокойте меня, иначе... Это кошмарное подозрѣніе... Ирина... Неужели она.

Коммунистъ чуть не рыдалъ. Я попросилъ его раздѣться и внимательно изсѣдовалъ его, разспросивъ о времени начала его любви и времени появленія первыхъ явленій и, сопоставивъ даты, я рѣшилъ сообщить ему тяжелую истину безъ всякихъ околичностей:

Да это типичный случай сифилиса (я тутъ же произвелъ изслѣдованіе на спирохеты). Можно еще произвести анализъ крови на реакцію Вассермана, но полагаю, что и данныхъ настоящаго изслѣдованія вполнѣ достаточно...

Не успѣлъ я окончить своей фразы, какъ больной кинулся въ прихожую, выхватилъ изъ кобуры наганъ и приставилъ его къ своему виску. Бросившись вслѣдъ за нимъ, я успѣлъ во время толкнуть его подъ локоть и раздавшійся выстрѣлъ, оглушивъ его, лишь об-

жегъ правую сторону головы. Несчастный грохнулся на полъ.

Мягкая мебель и шторы на окнахъ заглушили силу выстрѣла и, выскочивъ на парадный, я не замѣтилъ на улицѣ никого, кто бы былъ привлеченъ шумомъ.

Успокоивъ перепуганныхъ родныхъ, я возвратился къ больному, съ трудомъ привелъ его въ себя и уложилъ на диванъ въ кабинетѣ. Изъ револьвера я предусмотрительно всѣ патроны выбросилъ и спряталъ его въ письменный столъ.

Лежа на диванѣ, паціентъ мой мучительно стоналъ, а затѣмъ началъ въ состояніи тяжелаго нервнаго припадка рвать на себѣ френчъ и сорочку. Онъ задыхался.

Давъ ему капель я убѣдилъ его закрыть глаза и успокоиться.

— Докторъ, дорогой, быть-можетъ вы ошиблись... Неужели люэсъ. Значитъ — конецъ... Это же неизлѣчимо... Докторъ, гдѣ мой револьверъ. Дайте мнѣ его.

Я молчалъ.

Онъ повысилъ голосъ:

— Я у васъ силой его отберу, — и, приподнявшись съ дивана, направился ко мнѣ,— что не отдадите?

На меня глядѣли дико вращающіеся воспаленные глаза и искаженное лицо съ обожженной правой половиной головы полчаса тому назадъ такого сильнаго и крѣпкаго, а теперь

обмякшаго и посѣрѣвшаго человѣка въ растерзанномъ костюмѣ съ клочьями изорванной сорочки на груди.

Я немного перетрусилъ. А вдругъ онъ дѣйствительно употребитъ насиліе. Но, подумавъ, вспомнилъ какъ много тяжелыхъ мгновеній и почти безвыходныхъ положеній пришлось перенести мнѣ въ моей повседневной жизни. Авось и на сей разъ образуется...

Подойдя къ больному и взявъ его за талію, я снова уложилъ его на диванъ и замѣтилъ:

— Вы ужъ меня извините за мою несвоевременную и такую убійственную для васъ откровенность, но такъ, повѣрьте, будетъ лучше и вотъ почему: изслѣдовавъ васъ и поставивъ точный діагнозъ, я могъ вамъ на сей разъ ничего не говорить, а подготовить васъ къ удару исподволь. Но.. здѣсь немалое «но». Такъ какъ это сифилисъ, то настоятельно необходимо возможно раньше приступить къ сальварсанному леченію, ибо вашъ стадій этой болѣзни безусловно излечимъ. Это я категорически утверждаю.

— Вы имѣете сильное желаніе покончить всѣ счеты съ жизнью. Будемте откровенны. Человѣкъ вы мнѣ совершенно посторонній и я васъ знаю всего лишь полчаса. Вотъ вамъ вашъ револьверъ, — я вытащилъ изъ ящика разряженный наганъ, — отправляйтесь къ себѣ домой или куда вамъ заблагоразсудится и

стрѣляйтесь. Но ради Бога не у меня въ кабинетѣ. Неужели вамъ желательно чтобы послѣ вашего самоубійства въ моемъ домѣ, меня начали бы таскать по судамъ и слѣдствіямъ.

— Дайте мнѣ револьверъ...

— Револьверъ вотъ здѣсь, — я указалъ на письменный столъ и подошелъ къ больному ближе:

Будьте мужчиной и возьмите себя, наконецъ, въ руки. Я попрошу васъ удѣлить мнѣ еще не болѣе пяти минутъ вашего вниманія и вы ужъ не такъ опрометчиво порѣшите уйти изъ жизни, которая, несмотря на всѣ ея уродства, все же прекрасна.

Коммунистъ беззвучно рыдалъ. Уткнувшись лицомъ въ кожаную подушку дивана, онъ временами вздрагивалъ всѣмъ корпусомъ и тогда судорожныя всхлипыванія вырывались изъ его груди.

— Я не намѣренъ рисовать вамъ ваше теперешнее состояніе въ радужныхъ краскахъ. Я не берусь утверждать, что съ появленіемъ новѣйшихъ средствъ сифилисъ превратился въ пустяковое мѣстное заболѣваніе. Напротивъ— это тяжелая, хронически протекающая болѣзнь. Если раньше, сталкиваясь въ своей практикѣ съ какимъ-нибудь сложнымъ и трудно-діагносцируемымъ заболѣваніемъ, врачи говорили: «ищите туберкулезъ или сифилисъ», то въ настоящее время въ подобнаго рода случаяхъ приходится эту фразу видоизмѣнить, а именно:

«ищите туберкулезъ и, главнымъ образомъ, сифилисъ». И все же, несмотря на это, я повторяю еще разъ: сифилисъ излечимъ вообще, а въ вашемъ стадiи въ особенности. Повѣрьте, что черезъ полгода (при условiи энергичнаго леченiя) вы иногда будете забывать о томъ, что больны. А пройдетъ года два-три — сегодняшнее событiе и вовсе канетъ въ лету.

Больной присѣлъ на диванѣ и, мрачно поглядывая въ мою сторону, слушалъ меня довольно внимательно.

— Но я заболѣлъ отъ женщины?

— По всей вѣроятности...

— Какъ же это? Неужели Ирина.., онъ зашагалъ по кабинету, ероша свои разсыпавшiеся волосы.

— И значитъ, когда у нея болѣло горло, она была ужъ больна. И она любила меня... Да вѣдь это же преступленiе. Я убью ее...

— Докторъ, можно провѣрить больна ли она сейчасъ?

Смущенный, я молчалъ. Какъ жалѣлъ я, что упустилъ совершенно изъ виду исторiю трагическаго заболѣванiя моего пацiента, предавалъ своимъ откровеннымъ объясненiемъ его гнѣву и расправѣ невѣдомую мнѣ Ирину.

Я отвѣтилъ:

— Полагаю, что да.

— Въ такомъ случаѣ вы разрѣшите мнѣ привести ее сюда къ вамъ?

— Пожалуйста, только съ однимъ усло-

віемъ: вы этотъ револьверъ заберите съ собой и ко мнѣ снова вы явитесь ужъ безъ оружія. Иначе я принужденъ буду отказать вамъ въ пріемѣ. Вообще же я бы вамъ посовѣтовалъ отправиться домой, лечь отдохнуть, успокоиться и обсудить все происшедшее въ нѣсколько иномъ состояніи. Быть-можетъ въ несчастьи, васъ постигшемъ, вины вашей возлюбленной и нѣтъ вовсе.

— Нѣтъ, я ее сейчасъ же привезу къ вамъ. И если только она окажется больной, то я ее пристрѣлю какъ собаку.

Больной быстро одѣлся и покинулъ мой кабинетъ.

III.

Вымывъ руки и нервно поеживаясь отъ волненія, я отправился на домашнюю половину. Жена, потрясенная выстрѣломъ, приступила ко мнѣ съ разспросами о случившемся. Но я, по обыкновенію, рѣзко оборвалъ ее, не будучи въ состояніи посвятить въ подробности только что разыгравшейся драмы. Не прошло и получаса, какъ мой паціентъ снова у меня въ кабинетѣ въ сопровожденіи жгучей южной брюнетки. Мнѣ привелось видѣть красивыхъ женщинъ. Но этакой яркой украинской красоты, такого чуднаго, играющаго всѣми своими античными линіями и захватывающаго васъ лица, — мнѣ доселѣ видѣть не приходилось. Я,

можно сказать, былъ пораженъ такой бьющей красотой.

Больной усадилъ ее чуть смущенную и поблѣднѣвшую въ кресло и заговорилъ:

— Вотъ, докторъ, та дѣвушка, о которой мы съ вами только что говорили.

Облачившись въ халатъ, я принужденъ былъ дважды настойчиво попросить его выйти въ пріемную и приступилъ къ изслѣдованію паціентки.

Безъ особеннаго труда я констатировалъ вторичный стадій люэса, недостаточно леченнаго, а потому довольно серьезно поразившаго божественно-сложенный организмъ молодой дѣвушки.

Не дождавшись конца непріятнаго для нее изслѣдованія, она тихо зарыдала, продолжала плакать и одѣваясь, и чудныя маленькія слезинки катились по ея матовому лицу.

— Докторъ, онъ грозилъ мнѣ, что сегодня же пристрѣлитъ меня. Ради Христа, повліяйте на него. Я не могу сейчасъ разсказать ему обо всемъ, такъ какъ дѣйствительно люблю его, а онъ, узнавъ правду, отвергнетъ меня. Вѣдь еще въ началѣ нашего сближенія я призналась ему, что я ужъ не дѣвушка, на что онъ отвѣтилъ мнѣ, что прошлому не придаетъ никакого значенія. Можетъ-быть сдѣлавшись оффиціально его невѣстой, я дѣйствительно поступала нѣсколько легкомысленно, увлекаясь по прежнему вечерами и сопровождающими ихъ ве-

сельемъ, виномъ и поѣздками за городъ. Когда его вызвали въ Кременчугъ мнѣ стало скучно и я нѣсколько разъ была на вечеринкахъ у штабныхъ 4-ой арміи. Вотъ въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Далько (адъютантъ Командующаго арміей) предложилъ, предварительно подпоивъ меня, отдохнуть послѣ танцевъ въ одной изъ дальнихъ комнатъ б. Дворянскаго Собранія, гдѣ происходилъ балъ и тамъ на грязномъ полу овладѣлъ мною. Все это произошло какъ въ чаду. Онъ гораздо сильнѣе меня, а я, будучи въ такомъ состояніи, не въ силахъ была сопротивляться. Шумъ же я изъ-за вполнѣ понятнаго стыда поднять побоялась, на что этотъ мерзавецъ, зная что я — невѣста, очевидно и разсчитывалъ. На слѣдующій день я этотъ вечеръ постаралась вычеркнуть изъ своей жизни. А недѣли черезъ три послѣ этого я заболѣла. Я обратилась къ Вейденбауму*) и успѣла у него побывать лишь четыре раза, такъ какъ женихъ мой возвратился изъ Кременчуга и я изъ-за боязни подозрѣній съ его стороны прекратила леченіе.

— Докторъ, родной, спасите меня. Вѣдь я отдалась ему, не вѣдая, что этотъ негодяй Далько заразилъ меня. Мнѣ такъ хочется жить. Неужели же нѣтъ спасенія? Вейденбаумъ меня предупреждалъ, что я должна, по крайней мѣрѣ, въ теченіе перваго года леченія быть осторожной. Но у меня все быстро прошло и я не придала его словамъ большого значенія и вотъ.

*) Популярный въ Симферополѣ гинекологъ.

— Да, протянулъ я, — задача не изъ легкихъ. Урезонить вашего нареченнаго будетъ весьма и весьма трудно, но попытаемся. Я постараюсь истину отъ него скрыть, заявивъ ему, что, по тщательномъ изслѣдованіи состоянія вашего здоровья, я ничего подозрительнаго не обнаружилъ. Если вы и были, быть можетъ, въ прошломъ больны, то, начавъ быстро и энергично лечиться, захватили болѣзнь во время и поэтому у васъ никакихъ наружныхъ явленій болѣзни сейчасъ нѣтъ. Объясню ему, что въ моей практикѣ мнѣ встрѣчались случаи, когда заболѣвшій супругъ заражалъ свою жену или наоборотъ. Оба они являлись ко мнѣ, я ихъ пользовалъ и они обладали впослѣдствіи на рѣдкость завиднымъ здоровьемъ, вообще постараюсь его убѣдить, что въ случившемся нѣтъ ничьей вины (какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ). Если онъ мнѣ не довѣряетъ, — а я привыкъ заслуживать довѣріе своихъ паціентовъ, — то пусть обратится по поводу васъ къ проживающему рядомъ со мной проф. Воробьеву или къ какому-нибудь иному врачу-спеціалисту. Это, полагаю, его устыдитъ и онъ никуда больше не обратится. Если же онъ все же поведетъ васъ куда-нибудь, то въ то время, когда кто-либо изъ моихъ коллегъ васъ будетъ изслѣдовать, вы, ничего не утаивая, сообщите ему обо всемъ, сославшись на меня, и я увѣренъ васъ выручатъ.

Дѣвушка вся раскраснѣвшаяся съ надеждой внимала мнѣ, а при видѣ вызваннаго мною изъ пріемной ея жениха, закрыла свое чудное лицо руками.

— Къ счастью я не нахожу у вашей невѣсты никакихъ явленій болѣзни, которую вы предполагаете. Имѣется лишь незначительная ангина, но она можетъ быть и не люэтическаго происхожденія.

— Но отъ кого же я могъ въ такомъ случаѣ заболѣть?

• — А развѣ вамъ неизвѣстно, что сифилисъ передается двумя путями?

— Да объ этомъ слыхалъ, но я то вѣдь заболѣлъ отъ женщины?. Такъ по крайней мѣрѣ я васъ понялъ всего лишь часъ тому назадъ .

Коммунистъ заволновался и возбужденно заговорилъ:

— Вы, докторъ, бросьте со мной въ прятки играть. Хотя вы и плотно захлопнули дверь, но изъ вашей тихой бесѣды съ этой тварью я кое-что извлекъ, — онъ гнѣвно схватилъ полумертвую дѣвушку за руку:

— О, гадина, такъ оскорбить, такъ втоптать въ грязь самое святое, что я ей отдалъ..

При видѣ моей попытки заступиться за несчастную, онъ закричалъ:

— Молчите. Ни слова въ ея защиту. Не можетъ быть и рѣчи о нашемъ одновременномъ существованіи въ этомъ мірѣ. Я уничто-

жу ее и клянусь, что до конца дней моихъ буду бороться съ ними, распространяющими это зло по землѣ.

Грубо оборвавъ меня еще разъ, обезумѣвшій коммунистъ бросилъ на столъ 10-ти тысячерублевую бумажку, — въ то время невиданный для врача гонораръ,—давъ мнѣ этимъ понять, что за труды мнѣ заплачено, — и увелъ свою жертву.

IV.

Черезъ нѣсколько дней въ мѣстной газетѣ «Красный Крымъ», оффиціозѣ Ревкома и Областкома Р.К.П. появилась въ отдѣлѣ хроники замѣтка: «Въ одномъ изъ глухихъ переулковъ Цыганской Слободки*) найденъ трупъ молодой дѣвушки съ раскроеннымъ черепомъ и сильно обезображеннымъ лицомъ. Явившаяся на слѣдующій день въ районную милицію гражданка Л. опознала въ убитой свою родную племянницу — невѣсту виднаго партійнаго работника тов. Х-на. На ноги поставлены какъ Угрозыскъ, такъ и освѣдомительная часть Чеки. За послѣднее время это ужъ шестой случай и т. д.»

Спустя полгода послѣ описываемаго въ Москвѣ состоялся (чуть ли не конспиративно) грандіознѣйшій съѣздъ по борьбѣ съ проституціей и достигшими невѣроятно-чудовищныхъ

*) Предмѣстье города.

размѣровъ венерическими заболѣваніями. Однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ съѣзда явился тотъ самый Хохловкинъ, который, совершивъ въ февралѣ гнусное убійство своей невѣсты, не только (какъ я потомъ узналъ) не явился къ слѣдственнымъ властямъ для допроса, — якобы задержанный срочной работой въ Цека партіи въ Москвѣ, но въ цинично-издѣвательскомъ письмѣ къ теткѣ убитой выражалъ свое горе и соболѣзнованіе «по поводу трагической смерти обожаемой невѣсты.»

Этотъ же самый Хохловкинъ (теперь онъ работалъ ужъ подъ другой фамиліей) повелъ въ Москвѣ энергичную борьбу съ публичными домами и всякаго рода игорными притонами и т. п. учрежденіями. Вся «красная» столица знала его и не одинъ содержатель притона содрогался при его имени.

Къ концу съѣзда Хохловкинъ выдѣлилъ изъ среды его особую секретную комиссію и, какъ мнѣ передавали впослѣдствіи, побывавшіе въ Москвѣ мои коллеги, эта комиссія среди другихъ своихъ постановленій, провела въ жизнь слѣдующее (утвержденное Совнаркомомъ, среди членовъ котораго, — о, иронія судьбы, — имѣется, какъ говорятъ, не одинъ, пораженный этимъ недугомъ):*)

Всякаго гражданина (ку), попадающаго въ мѣста заключеніія,**) при жалобахъ на «извѣст-

*) Передаю по памяти.

**) Читай: въ подвалы органовъ, стоящихъ на стражѣ революціи: Чеку, Особые Отдѣлы, Ревтрибы и т. п.

ную» болѣзнь, на предметъ облегченія ли режима, помѣщенія ли въ больницу и т. п., — подвергать медицинскому изслѣдованію и если жалобы подтвердятся, — разстрѣливать безъ суда и слѣдствія «во избѣжаніе дальнѣйшаго распространенія ими заразы» (какъ дословно гласитъ постановленіе).

А въ концѣ сентября того же 1921 года, незадолго до расформированія военнаго госпиталя, въ которомъ я служилъ, во 2-ое отдѣленіе его поступилъ матросъ-люэтикъ, сообщившій мнѣ, что онъ только что изъ Петербурга, гдѣ лишь случайно уцѣлѣлъ отъ разстрѣла, такъ какъ на сѣверѣ секретное Х-нское постановленіе особенно-рьяно проводится въ жизнь въ Красной арміи и во флотѣ.

Послѣднее очевидно объясняется еще и тѣмъ, что въ несчастной странѣ — абсолютное отсутствіе медикаментовъ, въ особенности необходимаго при этомъ спасительнаго «Salvarsana».

КРАСНЫЙ КРЫМЪ

(Отрывки изъ дневника)*)

*) Впервые напечатано въ газ. „Послѣднія Новости" (Парижъ) № 881 отъ 4-го марта 1923 года.

...сентября 1921 г.

Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ чистаго хлѣба нигдѣ не достать. Въ продажѣ лишь сырой съ соломой и другими несъѣдобными примѣсями. И цѣной вчетверо противъ прежняго. Еще въ іюлѣ лучшій сортъ былъ не дороже $2\frac{1}{2}$ - 3 тысячъ рублей, а сейчасъ ужъ дошелъ до 12-ти. Господи, что же дальше!

А нищихъ то...

Вчера проходилъ мимо Крымграмчеки*), помѣщающейся рядомъ съ нашимъ наркоматомъ (Крымнаркомпросомъ). Изъ подъѣзда стрѣлой вылетѣла какая то растрепанная дѣвица въ кожаной тужуркѣ съ совѣтской звѣздой на лацканѣ и комиссарской шапочкой на головѣ. Въ возбужденіи она грозила кому-то:

— «...черти, нищету только плодятъ» — единственная фраза, которую я разобралъ. Моментально вокругъ нея собралась толпа.

Интересно наблюдать со стороны толпу въ современной Россіи. О костюмахъ и обуви ея говорить, понятно, не приходится. Нѣчто до ужаса жалкое, а подчасъ и фантастическое представляютъ собой эти одѣянія-лохмотья. И особенно характерно для нея это: нахмурен-

*) Крымская Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ съ безграмотностью.

ность (я ни на одномъ, даже сытомъ, лицѣ не наблюдалъ улыбки), взглядъ исподлобья и подозрительная осторожность. Каждый боится своего сосѣда. А вдругъ этотъ сосѣдъ и есть тотъ самый вездѣсущій «секъ» (секретный агентъ Чеки)? А ты съ нимъ разговоришься да невзначай проболтаешься. И влипнешь такъ, что не вынырнешь.

«Нищету расплодили»... Я не могу забыть этого обрывка фразы вчерашней коммунистической особы. Армія нищихъ, дѣйствительно, увеличивается съ каждымъ днемъ. По базару и мимо пекаренъ изъ за нихъ не пройти.

Вездѣ протягивается эта страшная высохшая рука. И мнѣ кажется, что рука эта знаменуетъ собой «начало конца». О голодѣ на Волгѣ ужъ не говорятъ. Фунтъ невозможнаго хлѣба сегодня — 18 тысячъ рублей.

Въ безграмотномъ «Красномъ Крыму» — ликованіе и дифирамбы. На прошлой недѣлѣ якобы спустились съ горъ, повѣривъ совѣтской амнистіи, двѣ партіи зеленыхъ, общимъ числомъ до 200 человѣкъ. Съ ними самъ командиръ наибольшаго по своей численности отряда — татаринъ Маламбутовъ — ротмистръ царской арміи.

Знаменитый Бела-Кунъ, затопившій Крымъ въ крови, довелъ терроръ до того, что вымирающіе отъ голода и разстрѣливаемые татары, соединившись съ зелеными, сдѣлали доро-

ту на Ялту и Феодосію для коммунистовъ и совѣтчиковъ непроѣзжей. Дѣло дошло до Москвы. Совнаркомъ командировалъ въ Крымъ спеціальную комиссію съ членомъ ВЦИК-а тов. Ибрагимовымъ во главѣ. Повѣривъ обѣщаніямъ Ибрагимова, татары и зеленые сложили оружіе. Виновные товарищи (Бела-Кунъ, понятно, давнымъ-давно отбылъ изъ Крыма) были якобы переданы Ибрагимовымъ слѣдственнымъ властямъ и т. д. Подъ конецъ же слѣдствія былъ устроенъ даже прощальный банкетъ въ честь собирающагося въ Москву Ибрагимова, на которомъ присутствовали Маламбутовъ со своимъ штабомъ и часть его отряда.

Чуть ли не ежевечерно Ибрагимовъ со своей комиссіей устраиваетъ похабные балы въ 1-омъ Домѣ Совѣтовъ (бывш. Петроградская Гостиница). А подъ окнами — фигуры измученныхъ, голодающихъ гражданъ. Иногда съ отчаянія они хватаютъ проходящихъ за поля платья. И красноармейцы, пуская въ дѣло приклады, отгоняютъ назойливыхъ нищихъ отъ подъѣзда гостиницы, въ которой кутятъ знатные москвичи.

Третьяго дня Ибрагимовъ со своей компаніей отбылъ, наконецъ, въ Москву.

А чекисты, захвативъ Маламбутова, выпустили за его подписью воззваніе къ еще оставшимся въ горахъ зеленымъ, въ которомъ указываютъ на свое миролюбіе и на то, что «у

всѣхъ, у насъ, товарищи-зеленоармейцы, — одинъ врагъ... этотъ врагъ — капиталъ» и т. д. въ томъ же родѣ. Попавшійся Маламбутовъ принужденъ былъ отправиться со своимъ штабомъ, въ сопровожденіи значительнаго отряда чекистовъ, въ горы и выдать всѣ укромные участки и завѣтныя мѣста зеленыхъ. Крестьяне окрестныхъ деревень передаютъ, что вотъ уже вторыя сутки въ горахъ идетъ отчаянная пальба: это — красные выкуриваютъ послѣднихъ зеленыхъ, преданныхъ несчастнымъ Маламбутовымъ. Сегодня Маламбутова съ его товарищами гнусно разстрѣляли, обвинивъ въ шпіонажѣ. Въ расклееныхъ по улицамъ города объявленіяхъ подъ мерзкимъ заголовкомъ «За что караетъ совѣтская власть» (въ спискѣ 64 человѣка) такъ и было указано: за шпіонажъ. Запуганные обыватели передаютъ изъ устъ въ уста, что чекисты не успѣли заманить въ ловушку всѣхъ, спустившихся съ Маламбутовымъ зеленыхъ, и большая часть ихъ, пронюхавъ о готовящейся провокаціи, съ боемъ пробилась обратно въ горы (оружіе, по договору, имъ было оставлено).

...октябрь 1921 года.

Въ отместку за казнь Маламбутова зеленые мстятъ краснымъ жестоко и звѣрски. Попадающихся въ ихъ руки коммунистовъ подвергаютъ средневѣковымъ пыткамъ.

Вчера по дорогѣ въ Феодосію остановили наркомпродовскій автомобиль, сгрузили про-

довольствіе и провѣрили документы. Ни шоффера, ни двухъ совѣтскихъ служащихъ, сопровождавшихъ грузъ не тронули. А молоденькаго, ѣхавшаго на побывку къ матери, члена Комсомола (17-ти лѣтняго гимназиста), подвергнувъ на глазахъ у всѣхъ мучительнымъ 2-хъ часовымъ истязаніямъ, зарѣзали и, бросивъ въ автомобиль, приказали оставшимся въ живыхъ возвратиться въ Симферополь, показать трупъ самому Дагину (предсѣдателю Чеки) и передать, что такъ будетъ поступлено со всѣми коммунистами за смерть товарища Маламбутова.

...ноябрь 1921 года.

Сегодня хлѣбъ — 38 тысячъ рублей за фунтъ. Черный, какъ земля — на три четверти изъ соломы и другихъ неопредѣляемыхъ глазомъ, примѣсей. На базарѣ обнаружена колбаса изъ собачьяго и кошачьяго мяса. Конина — ужъ рѣдкость...

Передаютъ, что въ больницахъ профессора университета ставятъ весьма широко опыты съ голоданьемъ, благо — матеріала хоть отбавляй. Вчера впервые властями было оффиціально зарегистрировано восемь случаевъ смерти на почвѣ голода. Пятеро умершихъ подобрано на улицѣ. Большинство голодающихъ въ Цыганской Слободкѣ (предмѣстье Симферополя).

Съ 7 ч. веч. у мигающихъ рѣдкими огнями среди мрака улицъ ресторановъ — жуткія фи-

гурки-тѣни. То — брошенныя, разутыя и раздѣтыя дѣти. Голодныя и замерзшія, они ревутъ въ голосъ: словъ не разберешь, лишь одно душу раздирающее а... а... Крымск. С С. Р. объявлена угрожающей по голоду (!)

Въ отдѣлѣ Соцвоса вчера было экстренное совѣщаніе по вопросу о томъ, какъ быть со скопившейся массой брошенныхъ дѣтей. Распухшіе отъ голода крестьяне окрестныхъ деревень являются въ Наркомпросъ, къ самому «Камиссару» (а Наркомомъ у насъ — Лева Паперный, недоучившійся студентъ) и бросаютъ своихъ дѣтей у дверей Соцвоса, подчасъ даже не прикрѣпляя къ нимъ билетика съ именемъ, фамиліей и указаніемъ своего мѣстожительства. За послѣднія двѣ недѣли такихъ брошенныхъ дѣтей набралось около 300. Пріюты, голодные и холодные, переполнены до отказу, и дѣвать эту ораву буквально некуда. Послѣ долгихъ дебатовъ Соцвосъ, кажется, такъ ни къ какому рѣшенію не пришелъ.

Случайно былъ очевидцемъ, какъ старухамать (ей было, вѣрно, не болѣе 35-ти лѣтъ, но жидкіе, сѣдые волосы и костлявая фигура превращали ее въ старуху) вырывала у своей 12-ти лѣтней дочери кусокъ вонючей колбасы изо рта. Дѣвочка вцѣпилась зубами матери въ руку, а мать колотитъ ее кулакомъ по головѣ. Толпа съ трудомъ розняла ихъ.

На базарѣ торгуютъ суррогатами хлѣба, табакомъ, спичками и сахариномъ. Послѣдній

забилъ все... Обыватели утверждаютъ (думаю, не безъ основанія), что ввозящіе въ Россію вагонами сахаринъ нѣмцы выкачиваютъ въ обмѣнъ русское золото. Дѣйствительно, тайныхъ скупщиковъ золота появилось видимо-невидимо... Торговцы какъ сахариномъ, такъ и золотомъ— исключительно евреи. Выброшенные на улицу «жидовской властью» (какъ у насъ называютъ совѣтскую власть), — тѣ блестящіе магазины и предпріятія, въ которыхъ они нѣкогда занимались коммерціей, стоятъ теперь опустѣлые и заколоченные, — они приспособились къ сахарину и золоту. И подчасъ за неимѣніемъ покупателей они продаютъ спички и сахаринъ чуть ли не другъ другу...

Такое впечатлѣніе получается, когда проходишь въ будніе дни по базару. Передъ народомъ же, темнымъ и озлобленнымъ «властью нагайки» съ одной стороны и безудержной агитаціей монархистовъ съ другой — на первомъ планѣ встаетъ, понятно, фигура жида. А такъ какъ къ жиду въ кожаной тужуркѣ съ наганомъ за поясомъ (комиссару) не всякій рискнетъ привязаться, то и отыгрываются на несчастномъ торговцѣ сахариномъ. Кругомъ только и слышишь: жиды, жидъ, жидова и еще разъ жиды...

Вотъ на моихъ глазахъ подошла одна «пролетарка» — здоровенная баба съ саженнымъ задомъ и обильнымъ молочнымъ хозяйствомъ (спекулянтка - перекупщица, видно), и

начала торговаться изъ за чего-то со скрючившимся отъ холода въ вопросительный знакъ полураздѣтымъ евреемъ. Цѣна ей не подходитъ, но она хочетъ заставить еврея отдать ей дешевле. Послѣдній не уступаетъ. Тогда разсерженная баба, упершись руками въ бока, обращается къ еврею и къ галдящей кругомъ толпѣ:

— И когда уже мы отъ васъ, жидовъ, избавимся.

Всѣ хохочутъ. А стоящій тутъ же красноармеецъ хлопнулъ добродушно еврея по спинѣ такъ, что послѣдній еще ниже перегибается къ землѣ, а затѣмъ, захвативъ своей пятерней съ десятокъ таблетокъ сахарина, сочно ругается: «Жидъ, иди къ намъ въ с.... жить..»

За послѣдніе дни я наблюдаю такого рода картинки: вокругъ сотенъ столиковъ, торгующихъ на базарѣ «хлѣбомъ» и собачьей колбасой тысячи покупателей въ кавычкахъ, т. е. попросту, шмыгающіе въ поискахъ манны небесной голодные люди. Среди нихъ образовались небольшія группы новичковъ-воришекъ, съ профессіоналами-налетчиками во главѣ. По условному знаку они со свистомъ и гикомъ бросаются на столы, хватая все, что попадается подъ руку. И бѣгутъ, крѣпко прижимая награбленное къ груди и спасаясь отъ преслѣдованій торговцевъ. Вся прочая базарная братія, улюлюкая и ликуя, усердно помогаетъ бандитамъ въ разгромѣ столиковъ и рундуковъ.

Торговцы, настигающіе иногда воришекъ, бьютъ ихъ смертнымъ боемъ. Но это мало помогаетъ дѣлу, такъ какъ въ теченіе дня подобнаго рода погромы, напоминающіе собой вихремъ налетающій шквалъ, повторяются иногда по нѣсколько разъ. Власти распорядились выставить для охраны столиковъ вооруженныхъ красноармейцевъ. Но вотъ сегодня на моихъ глазахъ былъ налетъ, а красноармейцы... Меньшинство палило изъ своихъ винтовокъ въ воздухъ, а большинство приняло старательное участіе въ общемъ погромѣ.

А. Р. передала мнѣ слѣдующій ужасный фактъ: одна изъ пріютскихъ дѣвочекъ (10 лѣтъ), заблудившись и не возвратившись своевременно въ пріютъ (оказывается, издыхающія на совѣтскомъ пайкѣ воспитательницы, не имѣя возможности слѣдить за убѣгающими изъ пріютовъ дѣтьми, разрѣшаютъ имъ отправляться въ городъ для сбора подаяній, беря съ нихъ лишь слово возвратиться въ срокъ обратно въ пріютъ), подверглась, будучи подобранной на улицѣ красноармейцами какой-то части особаго назначенія, изнасилованію со стороны банды озвѣрѣвшихъ скотовъ. Несчастную нашли лишь утромъ на ярмарочной площади въ полубезсознательномъ состояніи, и приглашенный врачъ ужъ ничѣмъ не могъ помочь. Дѣвочка скончалась въ страшныхъ мученіяхъ.

...январь 1922 г.

Пришедшій ко мнѣ въ гости братъ ...... студентъ «Крымуниверситета имени тов. Фрунзе», передаетъ слышанное имъ отъ профессора Ягодкина: на Цыганской Слободкѣ супруги-цыгане изрубили на куски своего годовалаго ребенка и сожрали его.

Бѣжать, бѣжать, куда глаза глядятъ хоть къ чорту, къ готтентотамъ или бушменамъ, только вонъ изъ этого царства каннибаловъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ

